



Лауреат  
Нобелевской премии  
по литературе

Орхан Памук

# Музей Невинности

Орхан Памук

**Музей Невинности**

«Азбука-Аттикус»

2008

## **Памук О.**

Музей Невинности / О. Памук — «Азбука-Аттикус», 2008

Лауреат Нобелевской премии, блестящий турецкий писатель Орхан Памук приглашает читателей в удивительный музей, хранящий богатую коллекцию разнообразнейших предметов, среди которых: маленькая сережка, бумажный ворох билетов в кино, потемневшие фотографии полузабытых знаменитостей, флакон туалетной воды, фарфоровые собачки, 4213 окурков, женские платки, останки старой машины, рисунки, чашки, особая карта Стамбула... Все эти вещи – память о счастье, оставшемся в прошлом, слабые следы на песке времени, по которым возможно вернуться назад и вновь пережить волнующую историю любви...

© Памук О., 2008

© Азбука-Аттикус, 2008

## Содержание

1. Счастливейший миг моей жизни	6
2. Бутик «Шанзелизе»	7
3. Дальние родственники	9
4. Любовь в директорском кабинете	11
5. Ресторан «Фойе»	13
6. Слезы Фюсун	15
7. «Дом милосердия»	18
8. Первый турецкий фруктовый лимонад	22
9. Ф	23
10. Огни города и счастье	26
11. Курбан-байрам	28
12. Поцелуи в губы	33
13. Любовь, смелость, современность	37
14. Улицы, скверы, мосты и площади Стамбула	41
15. Некоторые неблагопристойные антропологические детали	45
16. Ревность	47
17. Теперь моя жизнь связана с твоей	49
18. История Белькыс	53
19. Похороны	57
20. Два условия Фюсун	60
21. История отца: жемчужные сережки	62
22. Рука Рахми-эфенди	67
23. Молчание	69
24. Помолвка	72
Конец ознакомительного фрагмента.	88

# Орхан Памук

## Музей Невинности

*Посвящается Рюйе*

Orhan Pamuk  
Masumiyet Müzesi  
Copyright © 2008, Orhan Pamuk  
All rights reserved

Перевод с турецкого Аполлинарии Аврутиной

Оформление Вадима Пожидаева

© А. Аврутина, перевод, 2009

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015 Издательство АЗБУКА®

Они были столь чисты, что считали бедность грехом, который им простят, стоит только заработать денег.

*Из записной книжки Джеляля Салика*

Если бы некто во время сна побывал в раю и дали б ему цветок в доказательство, что воистину душа его там очутилась, что молвил бы он, пробудившись и узрев цветок в руке своей?

*Из черновиков Сэмюэла Тейлора Колриджа*

Я рассматривал ее вещицы на туалетном столике: украшения, баночки, безделушки. Прикасался к ним, брал, подносил к глазам. Подержал в руке ее крохотные часики. Заглянул в платяной шкаф. Ее одежда, ее платья... Вещи, дополняющие каждую женщину, навеяли мне чувство невероятного одиночества и боли, и мне захотелось, чтобы она оказалась рядом.

*Из черновиков Ахмета Хамди Танпынара*

## 1. Счастливейший миг моей жизни

Если бы знать, что тот день окажется счастливейшим в моей жизни. А если бы даже я и осознал это, смог бы удержать свое счастье, чтобы потом все обернулось иначе? Думаю, да. Скажи мне кто-нибудь, что никогда больше оно не повторится, не упустил бы его. Мгновения счастья, исполненные золотым сиянием света, подарили всему моему существу чувство глубокого покоя. Вероятно, они длились несколько секунд, но тогда мне думалось, что нет им числа.

Это случилось в воскресный день 12 мая 1975 года. Часы отмерили без четверти три. На какой-то миг показалось, что земля избавилась от времени и силы притяжения, а мы страхнули угрызения совести, освободились от раскаяния, боязни возмездия и сознания греха.

Плечо Фюсун было влажным от жары и страсти. Я поцеловал его и, обняв ее сзади, нежно проник в нее, легонько кусая ей мочку левого уха. Вдруг сережка Фюсун, в виде заглавной буквы ее имени, выскользнула из мочки, на миг будто воспарила в воздухе и упала на голубую простыню. Но нас так захватило счастье страсти, что мы совершенно не заметили ту сережку и продолжили целоваться.

За окном сияло солнце, какое бывает в Стамбуле только весной. На улице день ото дня становилось все теплее, хотя в домах и в тени деревьев еще чувствовалась зимняя прохлада. Такая же прохлада исходила и от пропахшего старьем матраса, на котором мы нежились, беспечно позабыв обо всем на свете. Из открытой балконной двери подул весенний ветер, принесший в комнату ароматы моря и липы. Он поднял тюлевую занавеску и медленно опустил ее на нас, отчего мы оба вздрогнули.

Из окон крохотной комнаты на втором этаже, в которой стояла кровать, нам было видно мальчишек, гонявших мяч во дворе, согретом первым весенним солнцем. Они яростно бранились, и мы, заметив, что сами повторяем те же бесстыдные слова, на мгновение остановились и, посмотрев друг на друга, рассмеялись. Но наше счастье было таким огромным, таким безмерным, что мы тут же забыли о забавной шутке, которую принесла нам с улицы жизнь, как забыли и об этой сережке.

На следующий день Фюсун сообщила мне, что не может найти свою именную сережку. Признаться, я заметил ее в складках голубой простыни, но вместо того, чтобы положить на видное место, повинувшись какому-то внутреннему голосу, опустил ее в правый карман пиджака. Когда Фюсун сказала о пропаже, я засунул руку в карман висевшего на стуле пиджака: «Дорогая моя, вот она!» Однако сережка исчезла. Неожиданно меня сковало предчувствие надвигающейся беды, но память поспешила на помощь: с утра было жарко и я надел другой пиджак. «Она, наверное, осталась в нем».

– Пожалуйста, принеси завтра обязательно, только не забудь, эта сережка очень дорога мне, – серьезно сказала Фюсун, чьи бездонные глаза стали еще темнее.

– Хорошо.

Фюсун недавно исполнилось восемнадцать лет. Она была моей дальней и бедной родственницей, троюродной сестрой, о существовании которой еще две недели назад я даже не вспоминал. Мне же стукнуло тридцать. У меня вскоре намечалась свадьба с Сибель, с которой, по единодушному мнению стамбульского света, мы составляли прекрасную пару.

## 2. Бутик «Шанзелизе»

Случайные события, которым предстояло повлиять на мою жизнь, начались с того, что за две недели до описанного майского дня мы с Сибель увидели в витрине одного дорогого магазина сумку известной тогда марки «Женни Колон». Обнявшись, мы шли с моей невестой по проспекту Валиконак, наслаждаясь прохладой теплого весеннего вечера, немного хмельные и совершенно счастливые. За ужином в дорогом ресторане «Фойе», недавно открывшемся в нашем районе, самом фешенебельном в Стамбуле, Нишанташи, мы подробно рассказывали моим родителям о том, как идет подготовка к нашей помолвке. Ее назначили на середину июня, специально ради Нурджихан, подруги Сибель по стамбульскому лицей «Нотр-Дам-де-Сион», с которой они вместе учились в Париже. У самой дорогой и модной портнихи Стамбула, Ипек Исмет, Сибель давно сшила себе платье к помолвке. Тем вечером они с моей матерью обсуждали, как прикрепить к платью жемчуг, который мать собиралась подарить невестке. Мой будущий тесть часто говорил, что помолвка его единственной дочери должна по пышности не уступать настоящей свадьбе, и такие слова очень нравились моей матери. Отец тоже радовался, что женой его сына станет такая умница, как Сибель, ведь она училась в Сорбонне. В те времена во всех богатых и знатных стамбульских семьях было принято говорить, что дочь училась в Сорбонне, если она что-то когда-то изучала в Париже.

После ужина я повел Сибель домой. Нежно обнимая ее за крепкие плечи, с гордостью думал о том, как же мне повезло и как я счастлив. И вдруг Сибель воскликнула: «Ах, какая сумка!» Хотя от вина немного плыло в глазах, я сразу запомнил и сумку на витрине, и магазин, а на следующий день отправился ее покупать. Я никогда не охотился за женщинами, никогда не стремился понравиться им во что бы то ни стало, осыпая избранниц изящными подарками и при каждом удобном случае посылая букеты. Хотя в глубине души, наверное, и мечтал стать столь утонченным ухажером.

Надо сказать, что в те годы богатые и европеизированные стамбульские домохозяйки, скукавшие от безделья в роскошных особняках Шишли, Нишанташи или Бебека, открывали не картинные галереи, как сейчас, а магазины модной одежды для таких же богатых и скукающих домохозяек, как сами. Там торговали до смешного дорогими вещами, сшитыми турецкими портнихами по картинкам из французских журналов вроде «ELLE» и «Vogue», а также безделушками и аксессуарами, часто поддельными, которые скупались по дешевке в Париже или Милане и в огромных чемоданах привозились в Турцию. Много лет спустя я разыскал владельца модного магазина, в витрине которого Сибель заметила в тот вечер сумку. Шенай-ханым<sup>1</sup> напомнила мне, что она, оказывается, тоже, как и Фюсун, наша дальняя родственница по материнской линии. Без лишних вопросов о причинах столь чрезмерного интереса ко всем старым вещам, связанным с «Шанзелизе» и Фюсун, она отдала мне все предметы, которые сохранились у нее от магазина, вплоть до вывески, и мне подумалось, что многие минуты пережитого бывают запечатлены в памяти гораздо большего числа людей, чем мы можем себе представить.

Около полудня следующего дня я открыл дверь «Шанзелизе», и маленький бронзовый колокольчик, в форме верблюда, двумя молоточками возвестил о моем приходе, издав тихий звон, от которого сердце у меня колотится быстрее до сих пор. Стоял жаркий весенний полдень, а в магазине царил прохладный полумрак. Сначала я решил, что здесь никого нет. Только потом заметил Фюсун. Глаза еще привыкали к темноте, когда меня вдруг будто жаром обдало.

– Здравствуйте, – сказал я. – Хочу купить сумку с витрины, – и подумал: «Какая красивая девушка! Невероятно красивая!»

– Кремового цвета, «Женни Колон»?

---

<sup>1</sup> Ханым – госпожа, вежливое обращение к женщине. – Здесь и далее примеч. пер.

Наши взгляды встретились.

– Ту, что на манекене, – пробормотал я как во сне.

– Понятно, – улыбнулась она и направилась к витрине. Одним движением сняла с левой ноги желтую туфельку на высоком каблуке и, шагнув босой ногой с ярко-красными ногтями в витрину, потянулась к манекену.

Я посмотрел на брошенную туфельку, а потом на длинные стройные ноги Фюсун. Было только начало мая, но ее длинные и стройные ноги уже покрывал легкий загар. Коротенькая желтая кружевная юбка на молнии, в мелкий цветочек, казалась от этого еще короче.

Она взяла сумку, слезла с витрины, надела туфельку, подошла к прилавку и, расстегнув длинными ловкими пальцами молнию основного отделения (внутри лежала калька кремового цвета), с весьма серьезным и даже таинственным видом продемонстрировала еще два отделения поменьше (там было пусто) и скрытый карман, из которого показался листок бумаги с надписью «Женни Колон» и инструкция по уходу. Мы опять посмотрели друг на друга.

– Здравствуй, Фюсун. Ты меня не узнала? Как ты выросла!

– Нет, Кемаль-бей, я узнала вас сразу, но подумала, что вы меня не помните, и решила не беспокоить вас напоминанием.

Воцарилось молчание. Я опять заглянул в сумку, которую она только что так тщательно мне показывала. Что-то в этой девушке взволновало меня: то ли ее красота, то ли слишком короткая по тем временам юбка, и я чувствовал неловкость.

– Э-э-э... чем ты занимаешься?

– Готовлюсь к поступлению в университет. Сюда вот хожу каждый день. Знакомлюсь здесь с разными интересными людьми.

– Понятно. Сколько за сумку?

Насупившись, она посмотрела на небольшую этикетку, на которой от руки было выведено: «Тысяча пятьсот лир». (В те времена это равнялось полугодовой зарплате любого молодого специалиста.)

– Я уверена, Шенай-ханым с радостью сделает вам скидку. Но сейчас она ушла домой на обед. После обеда она ложится поспать, и звонить нельзя. А вот если вы зайдете вечером...

– Не важно, – перебил я и величественным движением, которое впоследствии Фюсун часто будет комично изображать во время наших тайных встреч, вытащил из заднего кармана брюк бумажник и пересчитал влажные купюры.

Фюсун старательно, но неумело завернула сумку в бумагу и положила в пакет. Пока она упаковывала, мы оба молчали, однако ей доставляло удовольствие, что я люблю ее длинными руками, ее золотистой кожей, ловкими, изящными движениями. Она вежливо протянула мне пакет, и я поблагодарил ее. «Передавай привет тете Несибе и своему отцу». (На мгновение имя Тарык-бея вылетело у меня из головы.) Потом я еще больше смутился, потому что вдруг представил, как обнимаю Фюсун и целую ее в губы, и быстро направился к двери. Фантазия показалась мне дурацкой, да и Фюсун вовсе не такой уж и красавицей.

Колокольчик на двери звякнул опять, и я услышал, как где-то внутри магазина отозвалась трелью канарейка. На улице мне стало спокойнее. Я был доволен, что купил подарок своей любимой Сибель, и решил раз и навсегда забыть про Фюсун и ее магазин.



### 3. Дальние родственники

Но сохранить встречу с Фюсун в тайне мне не удалось. За ужином я рассказал матери о сумке, внезапно добавив, что встретил нашу дальнюю родственницу.

– Ах да, Фюсун, дочь Несибе?! Она работает тут неподалеку, в магазине у Шенай. Вот бедная девочка! – вздохнула мать. – Они теперь уж и на праздники к нам носу не кажут. Все конкурс красоты! Всегда говорила: дурное тем же и оборачивается! Когда хожу мимо ее магазина, даже здороваться не хочется с бедняжкой! А ведь ребенком я так ее любила! Раньше ведь Несибе шила мне платья, вот дочку с собой и брала. Пока примерка, то да се, Фюсун с вашими игрушками возилась. Подумать только... И ведь какой строгой была мать Несибе, ваша покойная тетя Михривер!

– Кем они нам приходятся?

Отец смотрел телевизор и не слушал нас, так что мама (ее зовут Веджихе), не скрывая гордости, в деталях поведала о родственных хитросплетениях. Когда ее отцу (то есть моему дедушке Этхему Кемалю), родившемуся в один год с Ататюрком (основателем республики) и ходившему с ним в одну и ту же начальную школу, мектеб Шемси-эфенди<sup>2</sup> (что подтверждала одна старинная фотография, найденная мною много лет спустя), исполнилось всего-навсего двадцать два года (а происходило это за много лет до свадьбы с бабушкой), он поспешно женился. Избранница его – юное создание родом из Боснии – и приходилась прабабушкой Фюсун. Она погибла во время Балканской войны, при эвакуации гражданского населения из Эдирне. У несчастной не было детей от Этхема Кемалю, но до него она уже побывала замужем за одним нищим шейхом, за которого ее отдали совсем ребенком, «чуть ли не в младенческом возрасте», как выразилась мама, и от этого брака у нее родилась дочь Михривер. Тетю Михривер (бабушку Фюсун) воспитывали какие-то посторонние люди, но она и ее дочь Несибе (мать Фюсун) почему-то считались нашими дальними родственницами. Мать требовала, чтобы мы называли их «тетями». Жили они неподалеку от мечети Тешвикие, в одном маленьком переулке.

Но внезапно отношения между нашими семьями испортились, мать держалась подчеркнуто холодно во время их ежегодных праздничных визитов, и они перестали у нас появляться. Причиной отчуждения оказалась именно Фюсун. Два года назад – тогда ей только-только исполнилось шестнадцать лет и она была ученицей женского лицея Нишанташи – Фюсун приняла участие в городском конкурсе красоты. Тетя Несибе не только не воспротивилась столь смелому шагу дочери, но и, как впоследствии нам рассказали, якобы даже поощряла ее. Мать почувствовала себя глубоко оскорбленной, что тетя Несибе, которую она некогда любила, точно младшую сестру (разница в возрасте составляла у них двадцать лет), и которой покровительствовала, нисколько не смущается и даже гордится таким позором.

Но и тетя Несибе очень любила и уважала мать. В молодости, не имея богатых клиентов, она, заручившись рекомендациями моей матери, начала обшивать многих состоятельных дам.

– Они были невероятно бедны, когда Несибе занялась шитьем, – вспомнила мать. И тут же добавила: – Но разве только они? Все, все без исключения...

В те годы мать советовала тетю Несибе своим подругам как «очень хорошего человека и отменную портниху» и раз в год (а то и два) приглашала ее к нам сшить платье к чьей-нибудь свадьбе.

У нас я встречал ее редко, так как почти все время проводил в школе. Однажды, в конце лета 1957 года, мать пригласила Несибе к нам на дачу в Суадие: ей срочно понадобилось сшить платье к свадьбе друзей. До глубокой ночи мать и Несибе, смеясь и подшучивая друг над дру-

---

<sup>2</sup> Эфенди – господин, сударь, вежливое обращение к мужчине.

гом, точно нежно любящие сестры, колдовали над швейной машинкой «Зингер», уединившись в маленькой дальней комнатке на втором этаже. Оттуда из окон, через просвет листьев пальм, виднелись море, лодки, катера и мальчишки, нырявшие с пристани. И я помню, как обе они, обложившись ножницами, булавками, сантиметрами, наперстками, обрезками ткани и кружев из швейной коробки Несибе с классическими видами Стамбула, жаловались на жару, комаров и сетовали, что не успевают закончить к сроку. Помню, как повар Бекри постоянно носил в ту маленькую душную комнату стаканы с лимонадом, потому что двадцатилетней Несибе, ждавшей ребенка, постоянно хотелось кислинки, а мама за обедом всегда говорила повару наполовину в шутку, наполовину всерьез: «Беременной женщине нужно давать все, что ей хочется, иначе ребенок получится некрасивый!» – и я с интересом смотрел на распухший живот тети Несибе.

– Несибе все скрыла от мужа и отправила дочку на конкурс, прибавив ей лет, – раздраженно сказала мать, еще больше сердясь. – Хвала Аллаху, девочка не победила, и это спасло их семью от позора. Узнали бы в школе, точно выгнали бы... А теперь она уже закончила лицей, хотя вряд ли толком чему-то научилась. Все знают, что за девушки участвуют в такого рода конкурсах и как потом складывается их жизнь. Она хотя бы с тобой прилично себя вела?

Мама намекала на то, что Фюсун наверняка встречается с мужчинами. Похожую сплетню я впервые услышал от помешанных на девчонках приятелей по Нишанташи, когда фотография Фюсун появилась в газете «Миллиет» среди фотографий победительниц конкурса. Но столь постыдная тема была мне и тогда совершенно не интересна.

Воцарилось молчание, и мама вдруг, подняв указательный палец, назидательно произнесла:

– Будь осторожен! У тебя скоро помолвка с замечательной и очень красивой девушкой! Лучше покажи мне сумку, которую ты ей купил. Мюмтаз! – (Так зовут моего отца.) – Смотри, Кемаль купил Сибель сумку!

– В самом деле? – с интересом в голосе спросил отец. На его лице появилось выражение искренней радости, будто он хорошенько разглядел подарок и рад, что его сын с любимой невестой счастливы. Но так и не оторвал глаз от телевизора.

## 4. Любовь в директорском кабинете

В телевизоре, от которого не мог оторвать глаз отец, мелькала реклама «первого турецкого лимонада „Мельтем“ с соком спелых фруктов». Его вся Турция получала с фабрики моего приятеля Заима. Я пригляделся, ролик получился что надо. Отец Заима тоже был фабрикантом, которому, как и моему отцу, удалось приумножить свое состояние за последние десять лет, поэтому Заим с легкостью затевал новые смелые дела. Я радовался, что моему другу везет в том, над чем и мне приходилось ломать голову.

Я некоторое время жил в Америке. Изучал там в университете азы управления предприятием, потом вернулся обратно. Отслужил в армии, и отец пожелал, чтобы я, как и старший брат, занялся делами фабрики и создававшихся вновь предприятий. Так вышло, что я стал генеральным директором одной из созданных нами фирм, «Сат-Сат», занимавшейся продажей и экспортом текстиля. Контора находилась недалеко от дома, в Харбие. Бюджеты ее постоянно разрастались, как и увеличивались доходы, но не благодаря моим директорским усилиям, а в результате ловких бухгалтерских комбинаций, позволявших переводить прибыль фабрики и иных предприятий в «Сат-Сат». Днями напролет я общался с моими опытными трудолюбивыми подчиненными – сотрудниками, бывшими лет на двадцать-тридцать старше меня, и сотрудницами, обладавшими внушительным бюстом и годившимися мне в матери. Поскольку директорское кресло мне досталось по настоянию отца, основная моя обязанность заключалась в том, чтобы учиться у подчиненных всем тонкостям дела.

Сибель, с которой мы собирались обручиться, приходила ко мне по вечерам на работу, и после того, как старое здание конторы, дрожавшее от каждого проскользнувшего мимо утомленного автобуса или троллейбуса – а их проезжало немало, – покидал последний человек, мы занимались любовью в моем директорском кабинете. Хотя Сибель считала себя «современной» девушкой, набравшись в Европе феминистских идей о правах женщин, иногда она говорила: «Давай перестанем встречаться здесь, я чувствую себя секретаршей!» Видимо, ее мнение о секретаршах не очень отличалось от расхожего, какого придерживалась, например, моя мать. Когда на кожаном диване у меня в кабинете мы с ней предавались любви, я ощущал некоторую ее сдержанность, но чувствовал, что причина этой сдержанности крылась в типичной боязни турецких девушек начинать интимную жизнь до замужества.

В те годы молодые представительницы богатых европеизированных семейств, поучившись в Европе, изредка нарушали запрет, связанный с девственностью, и отдавались своим возлюбленным. Сибель гордилась, что она из таких «передовых» и «смелых» девушек, поскольку сблизилась со мной одиннадцать месяцев назад. (Мы встречались уже порядочно времени, и явно пришла пора пожениться!)

Признаться, сейчас, по прошествии стольких лет, мне не хотелось бы преувеличивать смелость моей невесты, как и умалять силу общественных устоев, давивших на женщин. Ведь Сибель отдалась страсти только тогда, когда поняла, что «может мне доверять», то есть убедившись сполна в серьезности моих намерений – в том, что я на ней женюсь. А так как я считал себя человеком ответственным и честным, я действительно собирался взять в жены Сибель, чего мне и правда очень хотелось. Но даже если б вдруг у меня появилось желание дать деру, общество не позволило бы мне бросить ее, потому что девушка «подарила мне свою невинность». Бремя ответственности несколько омрачало другое чувство, связывавшее нас: обманчивую иллюзию, что мы – «свободны и современны», поскольку занимаемся любовью до свадьбы.

Неловкость я испытывал, когда замечал тревожные намеки Сибель на то, что нам давно пора пожениться. Но бывали и минуты безоглядного, беспечного счастья. Помню, как однажды, обняв ее в полумраке кабинета и слушая доносившийся снаружи шум автобусов и

машин с проспекта Халаскяр-гази, я думал, что мне повезло и теперь до конца дней моих будет только это чувство.

## 5. Ресторан «Фойе»

Иллюстрированное меню, рекламку, фирменные спички и салфетку ресторана «Фойе», которые составили дорогие моему сердцу предметы музея любви, я раздобыл спустя много лет. Ресторан этот, устроенный на французский манер, едва открывшись, вскоре превратился в излюбленное место встречи состоятельных людей из богатых районов Стамбула: Бейоглу, Шишли и Нишанташи. (Их газетчики в колонках светских сплетен насмешливо именовали «сосьетэ».) Владельцы роскошных, в европейском духе, ресторанов не стремились давать им громкие и торжественные названия вроде «Амбассадор», «Мажестик» или «Роял», а скромно нарекали «Кулисами», «Лестницами» или «Фойе». Эти названия, навевавшие нечто европейское, в то же время напоминали, что находимся мы лишь на окраине Запада, в Стамбуле. Прошло время, и новое поколение богачей снова предпочло домашнюю еду, какую готовили их матери. И сразу повсюду появились «Караван-сарай», «Султаны», «Паши» и «Визири», где традиционная еда соединялась с типично восточной помпезностью, а все «Фойе» и «Кулисы» забылись и быстро исчезли.

Вечером того дня, когда я купил сумку, за ужином в «Фойе» я предложил Сибель:

– Давай встречаться в маминой старой квартире, в «Доме милосердия»? Может, так будет лучше? Там вид из окон на красивый сад.

– Ты что, торопишься, боишься до свадьбы не успеть, пока мы не переедем в наш собственный дом? – улыбнулась Сибель.

– Нет, дорогая, не тороплюсь.

– Не хочу больше встречаться с тобой тайком, будто я твоя любовница и в чем-то виновата.

– Ты права...

– Откуда тебе вдруг пришло в голову такое?

– Забудь. – Я поспешил сменить тему.

Вокруг гудела веселая толпа посетителей «Фойе». Я вытащил пакет с подарком.

– Что это? – удивилась Сибель.

– Сюрприз! Открой посмотри.

– Ой, подарок! – Детская радость, засиявшая на ее лице, когда она брала у меня пакет, сменилась выражением недоумения, когда Сибель вытащила сумку, а потом уступила место разочарованию, которое она попыталась скрыть.

– Помнишь, – поспешно объяснил я, – вчера ты увидела ее в витрине?

– Спасибо. Ты очень внимателен.

– Рад, что тебе понравилось. Эта сумка к помолвке.

– К сожалению, я давно решила, что возьму на помолвку, – ответила Сибель. – Не обижайся! Ты такой заботливый, и подарок чудесный... Только вот... Я все равно не взяла бы эту сумку, потому что она – подделка!

– Как это?

– Это не настоящая «Женни Колон», милый мой Кемаль...

– Откуда ты знаешь?

– По всему видно, милый. Смотри, как пришит лейбл. А теперь посмотри на настоящую сумку «Женни Колон», которую я купила в Париже, – видишь, какая строчка! «Женни Колон» не напрасно считается самой дорогой маркой во всем мире, а не только во Франции. У подлинной никогда не будет таких дешевых ниток...

Глядя на швы настоящей сумки, я начал раздражаться оттого, что моя будущая жена выговаривала мне все это с видом торжествующего победителя. Иногда Сибель ощущала неловкость, что она – дочь потомственного дипломата, который спустил до нитки все состоя-

ние и земли, доставшиеся в наследство от дедушки-паши. Поддаваясь подобным чувствам, она принималась рассказывать, что ее бабушка по отцу играет на пианино, а дедушка выступал соратником Ататюрка во время освободительной войны или что ее дед по матери был приближенным Абдул-Хамида<sup>3</sup>. Мне она очень нравилась в эти мгновения, и я привязывался к ней еще больше. Что касается нашего семейства – Басмаджи, то мы разбогатели в начале 1970-х годов, когда возросли объемы производства и экспорта турецкого текстиля, население Стамбула увеличилось в три раза, а цены на землю в городе и особенно в нашем районе поднялись в несколько раз. Хотя, как явствовало из самой фамилии Басмаджи<sup>4</sup>, уже три поколения в нашей семье занимались текстилем. Однако, несмотря на результаты славного труда предков, меня раздосадовала допущенная оплошность: дорогая сумка оказалась явной подделкой.

Сибель погладила меня по руке и спросила:

– Сколько ты заплатил за нее?

– Полторы тысячи лир. – Я не смог соврать. – Если тебе она не подходит, завтра поменяю.

– Не надо, дорогой мой, лучше попроси вернуть деньги. Ведь тебя здорово надули.

– Хозяйка магазина Шенай-ханым наша дальняя родственница! – возмущенно сказал я, изображая негодование, и принялся опять рассматривать сумку изнутри.

Сибель взяла ее у меня из рук. «Милый, ты такой грамотный, такой умный, такой образованный, но совершенно не знаешь, на какой обман способны женщины», – умиленно улыбнулась она.

---

<sup>3</sup> *Султан Абдул-Хамид II* (1842–1918) – предпоследний, 34-й султан Османской империи, правивший с 1876 по 1909 год.

<sup>4</sup> *Басмаджи* – в переводе с турецкого «печатник», «набивщик ситца».

## 6. Слезы Фюсун

На следующий день я вновь направился в бутик «Шанзелизе» с тем же пакетом в руках. Опять зазвенел колокольчик, и опять передо мной открылся прохладный полумрак магазина. Внутри царил таинственная тишина, и я подумал, что тут нет ни души, как вдруг раздалась канареечные трели. На ширме, стоявшей за огромным цикламеном, показалась тень Фюсун, помогавшей какой-то полной клиентке выбирать наряды. Теперь на ней была прелестная блузка в цветочек – гиацинты, васильки и мелкие листики, – которая очень ей шла. Завидев меня, она мило улыбнулась.

– Ты, наверное, занята, – показал я взглядом в сторону примерочной.

– Подождите минуточку, – загадочно улыбнулась она, словно собираясь поведать старому клиенту все секреты магазина.

Канарейка прыгала по клетке, я засмотрелся на модные журналы и всякие европейские вещицы, но ничто не увлекало меня. Смятение чувств не давало покоя: мне казалось, будто я знаю эту девушку очень давно и так же хорошо, как себя. Я вдруг вспомнил, что в детстве у нас обоих были темные выющиеся волосы, а когда мы подросли, они и у меня, и Фюсун распрямились. На миг мне даже почудилось, что я мог бы вполне заменить ее. Шелковая блузка прекрасно подчеркивала нежный тон кожи Фюсун и светлые пряди ее крашенных волос. Сердце зацарапало от боли, когда я вспомнил, как мои приятели называли ее «штучка из „Плейбоя“». Неужели она встречалась с кем-то из них? «Отдай сумку, забери деньги и уходи. У тебя скоро помолвка», – велел я себе. И посмотрел из окна на улицу, в сторону площади Нишанташи, но вскоре на стекле появилось, словно призрак, отражение Фюсун.

Когда полная дама, долго мерившая платья, ушла, тяжело вздыхая, так ничего и не купив, Фюсун принялась раскладывать наряды по местам.

– Вчера вечером я видела вас обоих на улице, – сказала она, нежно улыбаясь.

Тут я разглядел, что ее соблазнительные губы оттенены светлой розовой помадой. Явно простой, дешевой, но смотревшейся превосходно.

– Когда же это ты нас видела? – спросил я.

– Под вечер. Вы были с Сибель-ханым, а я шла по противоположной стороне. Вы собирались ужинать?

– Да.

– Вы такая красивая пара! – опять улыбнулась она с видом старушки, устроившей счастье молодых.

Я не спросил, откуда она знает Сибель.

– Тогда у нас к тебе маленькая просьба, – и вытащил сумку. – Я хочу ее вернуть. – Но тут же ощутил стыд и волнение.

– Конечно, давайте поменяем. Я подберу вам какие-нибудь перчатки или хотите эту шляпку? Ее только что привезли из Парижа. Что, Сибель-ханым сумка не понравилась?

– Не надо менять, – произнес я смущенно. – Мне хотелось бы получить деньги обратно.

– Почему? – спросила она.

– Потому что эта сумка – не настоящая «Женни Колон», а подделка, – прошептал я.

На ее лице появилась растерянность, даже страх.

– Как это?

– Я в этом не разбираюсь, – отчаянно выдавил я из себя.

– Не может быть! Мы порядочные люди! – резко произнесла она. – Вам деньги вернуть прямо сейчас?

– Да!

Ее лицо исказилось от боли и стыда. «Господи, – подумал я, – почему мне в голову не пришло просто выкинуть эту сумку, а Сибель сказать, что деньги возвращены?»

– Послушайте, – попытался я исправить ситуацию, – вы или Шенай-ханым тут вовсе ни при чем. Просто мы, турки, слишком быстро учимся копировать модные европейские штучки. Мне лично важно, чтобы сумка была удобной и красивой. А какой она марки, кто ее сделал – без разницы.

Однако мои слова прозвучали неубедительно.

– Подождите, сейчас я верну вам ваши деньги, – сухо сказала Фюсун.

Стыдясь своей грубости и смущенно уставившись перед собой, я замолчал. Но тут, несмотря на всю тяжесть моего постыдного положения, заметил, что Фюсун не может выполнить обещанное. Она растерянно смотрела на кассу, точно на лампу с джином, и не подходила к ней. Потом лицо ее внезапно покраснело и из глаз покатились слезы. Я приблизился к ней.

Она тихонько плакала. Не могу вспомнить, как вышло, что я обнял ее. А она стояла, прижавшись головой к моей груди, и всхлипывала.

– Извини, Фюсун, – шептал я, глядя ее мягкие волосы, ее лоб. – Пожалуйста, забудь обо всем. Это же всего-навсего сумка.

Она глубоко вздохнула, как ребенок, и заплакала еще сильнее. У меня закружилась голова оттого, что я касаюсь ее длинных изящных рук, ощущаю упругую грудь, что стою и обнимаю Фюсун. Меня снова окатило такое чувство, будто мы всегда были близки. Наверное, я сам усиливал его, потому что хотел не замечать желание, поднимавшееся во мне при каждом прикосновении к ней. В тот момент она оставалась милой сестричкой, грустной и красивой, которую нужно утешить. В какой-то миг мне почудилось, что наши тела словно отражения друг друга: эти длинные руки, стройные ноги, хрупкие плечи... Если бы я был девушкой, да еще и моложе на двенадцать лет, мое тело оказалось бы точь-в-точь таким же.

– Не из-за чего расстраиваться, – приговаривал я, глядя длинные светлые волосы.

– Я не могу сейчас открыть кассу и отдать вам деньги, – сумела наконец проговорить она. – Шенай-ханым, уходя на обед, закрывает кассу на ключ, а ключ уносит с собой. Это всегда меня задевало. – Она опять заплакала, прижавшись головой к моей груди. Я продолжал медленно, нежно гладить ее прекрасные волосы. – Я работаю здесь, чтобы знакомиться с людьми, чтобы интересно проводить время, а не ради денег, – продолжала всхлипывать Фюсун.

– Люди и из-за денег работают, – не подумав, подправил я.

– Да уж, – вздохнула она с видом обиженного ребенка. – У меня отец на пенсии, бывший учитель... Две недели назад мне исполнилось восемнадцать лет, и я решила перестать быть для родителей обузой.

Змей страсти все выше поднимал во мне коварную голову, и я, испугавшись, убрал руку от ее волос. Она сразу это почувствовала, сделала над собой усилие успокоиться, и мы отошли друг от друга.

– Пожалуйста, не говорите никому, что я плакала, – попросила она, промокивая платком глаза.

– Обещаю, Фюсун, – улыбнулся я. – Клянусь, это будет нашей общей тайной!

Она посмотрела на меня, будто удостовераясь в истинности моих слов.

– Пусть сумка останется здесь, – предложил я. – А за деньгами приду потом.

– Конечно оставляйте, только сами за деньгами не приходите, – умоляюще сказала Фюсун. – Шенай-ханым замучит вас, будет твердить, что сумка не поддельная.

– Тогда давай на что-нибудь поменяем, – меня устроил бы теперь любой вариант.

– Нет, я не согласна. – Она, как обидчивая школьница, упрямо отвергла мое предложение.

– Да ладно тебе, это не важно...



– Для меня важно, – гордо возразила Фюсун. – Когда Шенай-ханым вернется, я сама заберу у нее деньги.

– Не хочу, чтобы тебе попало от нее. – Я не сдавался.

– Ничего. Справлюсь. – Улыбка озарила ее розовым светом. – Скажу, что у Сибель-ханым уже есть точно такая сумка, поэтому вы ее и вернули. Идет?

– Хорошая мысль, – согласился я. – Тоже скажу это Шенай-ханым.

– Нет, вы ей, пожалуйста, ничего не говорите. Она сразу начнет вас расспрашивать. И в магазин больше не приходите. Я оставлю эти деньги тете Веджихе.

– Ой, ради бога, давай не будем вмешивать мою маму. Она слишком любопытная.

– А где мне тогда оставить вам деньги? – спросила Фюсун, выказав удивление одним взмахом ресниц.

– В «Доме милосердия», проспект Тешвикие, сто тридцать один, у мамы есть квартира, – объяснил я. – Перед тем как уехать в Америку, я часто уединялся там, читал, слушал музыку. Там очень хорошо, из окон виден красивый сад... Да и сейчас каждый день, с двух до четырех, я хожу туда после обеда.

– Хорошо. Я и принесу туда ваши деньги. Какая квартира?

– Четыре, – тихо сказал я. Еще тише прозвучали следующие слова: – Второй этаж. До свидания.

Ведь мое сердце сразу разобралось в том, что происходит, и теперь колотилось как сумасшедшее. Прежде чем броситься на улицу, я, собрав все силы, в последний раз постарался взглянуть на нее как ни в чем не бывало. Но стоило мне сбежать из магазина, стыд и раскаяние смешались с моими радужными фантазиями, и от чувства едкой радости тротуары Нишанташи на чрезмерной майской полуденной жаре загадочным образом начали казаться мне ярко-желтыми. Ноги вели меня далеко от тени, от плотных козырьков и тентов в сине-белую полоску, прикрывавших витрины, и вдруг в одной из них я увидел ярко-желтый графин, и какой-то внутренний голос подсказал мне купить его. В отличие от других вещей, приобретенных беспричинно, этот желтый графин простоял на нашем обеденном столе – сначала на столе родителей, а потом у нас с матерью – без малого двадцать лет. Всякий раз, прикасаясь к его ручке за ужином, я вспоминал дни, когда страдания, которые преподнесла мне жизнь, из-за которых в каждом грустном и немного сердитом взгляде матери сквозил немой укор, только начинались.

Заметив, что я пришел домой сразу после обеда, мать удивленно посмотрела на меня. Я поцеловал ее и рассказал, как шел по улице и мне взбрело в голову купить кувшин. А потом попросил: «Мам, дай мне ключ от твоей квартиры. Иногда у меня в кабинете собирается столько людей, что невозможно работать. Наверное, в уединении будет лучше. Во всяком случае, раньше там было очень хорошо».

Мать предупредила: «Там все в пыли», но сразу же принесла ключи и от квартиры, и от уличной двери, связанные красной лентой. «Помнишь вазу из Кютахьи в красный цветок? – спросила она, отдавая ключи. – Никак не могу найти ее дома. Посмотри, может, я туда ее отнесла? И не сиди за столом слишком долго. Ваш отец всю жизнь положил, чтобы вы, дети, жили в свое удовольствие. Гуляйте с Сибель, наслаждайтесь весной, веселитесь, будьте счастливы. – Она вложила мне ключ в ладонь, загадочно посмотрела на меня и добавила: – Будь осторожен». Когда она смотрела на нас с братом подобным образом в детстве, ее взгляд намекал на гораздо более серьезные скрытые опасности, которыми так щедра жизнь, нежели опасность потерять ключ.

## 7. «Дом милосердия»

Мать купила ту квартиру в «Доме милосердия» двадцать лет назад – и в качестве вложения капитала, и чтобы было место, где она оставалась бы одна и могла отдохнуть. Однако квартира вскоре превратилась в склад для старых, ненужных, немодных или надоевших ей вещей, которые жалко выбросить. Название этого дома, стоявшего в тени высоких деревьев сада, расположившегося во дворе соседнего полуразрушенного особняка Хайреттина-паши, где постоянно гоняли в футбол мальчишки, с детства казалось мне забавным, а мать любила повторять его историю.

После того как в 1934 году Ататюрк ввел для всех турок обязательно, помимо имени, указывать и фамилии, в Стамбуле множество вновь построенных домов стали называться по фамилиям владевших ими семейств. Это оказалось весьма уместным, так как во времена Османской империи ни названий улиц, ни нумерации зданий в Стамбуле не существовало и знаменитые роды отождествлялись у людей с особняками, где они жили все вместе. Кроме того, появилась мода нарекать семейные гнезда по величайшим нравственным ценностям. Правда, мама говорила, что те, кто называл построенные ими особняки «Свободой», «Милостью» или «Добродетелью», в жизни ничем таким не отличались.

Строительство «Дома милосердия» начал в Первую мировую войну один старый толсто-сум, всю жизнь торговавший сахаром и игравший на черной бирже, но в конце дней своих ощутивший угрызения совести. Оба его сына (дочь одного из них училась вместе со мной в начальной школе), поняв, что отец решил заняться благотворительностью, а потому доход от дома собирается раздавать беднякам, уговорили некоего лекаря объявить отца сумасшедшим и упрятали его в лечебницу для душевнобольных, присвоив себе «Милосердие». Только вот благое название так и не сменили.

В среду, 30 апреля 1975 года, на следующий день после нашего с Фюсун разговора, с двух до четырех часов дня я ждал ее в условленном месте, но она не пришла. Мысли путались и вводили в уныние, обида не давала дышать; возвращаясь к себе в контору, я очень нервничал. На следующий день снова пошел туда, будто квартира могла придать мне спокойствия. Фюсун опять не появилась. В душевных комнатах, среди старой одежды и пыльных ваз, брошенных здесь матерью, я находил предметы, оживлявшие в моей памяти мгновения детства и юности, которые настолько стерлись, что нельзя было даже припомнить, когда они потеряли свои очертания; я рассматривал старые любительские фотографии, сделанные отцом, и сила предметов понемногу обуздывала мое смятение.

Еще через день, сидя за обедом в Бейоглу, в ресторане «Хаджи Ариф», со своим бывшим армейским сослуживцем Абдулькеримом, которому мы давно поручили представлять интересы фирмы в Кайсери, я со стыдом подумал, что уже два дня подряд жду Фюсун в пустой квартире. Мне захотелось поскорее забыть обо всем – и о Фюсун, и об истории с поддельной сумкой. Но через двадцать минут я посмотрел на часы и представил, что Фюсун, может быть, именно сейчас идет к «Дому милосердия», чтобы вернуть мне деньги. Наврав Абдулькериму про какое-то внезапное срочное дело, я быстро доел обед и побежал туда.

Фюсун позвонила в дверь ровно через двадцать минут после моего прихода. По крайней мере, я надеялся, что это она, когда шел открывать. Накануне мне приснилось, как я распахиваю дверь и вижу ее.

В руках она держала зонтик, а с волос стекала вода. На ней было желтое платье в горошек.

– Я думал, ты меня уже забыла. Ну, входи.

– Не хочу вас беспокоить. Только отдам деньги. – Фюсун протянула мне помятый конверт, на котором значилось «Высшие подготовительные курсы», но я его не взял. Притянув за плечо, завел ее в квартиру и закрыл дверь.

– Дождь очень сильный, – пробормотал я первое, что пришло на ум, хотя в окно ничего не заметил. – Посиди немного, не надо мокнуть. Я как раз ставлю чай, согреешься.

Вернувшись с кухни, я увидел, как Фюсун рассматривает старые мамины вещи, одежду, чашки, трубки, покрытые пылью часы, коробки для шляп и прочий хлам. Чтобы она почувствовала себя увереннее, я попытался развеселить ее, поведав в красках, с какой страстью мама скупала эти вещи в самых модных магазинах Нишанташи и Бейоглу, на распродажах имущества из особняков османских пашей или из полустгоревших летних вилл и даже из расформированных дервишских обителей-текке, а также во всевозможных магазинах, магазинчиках и антикварных лавках по всей Европе. И как, едва попользовавшись ими, тут же отвозила сюда, чтобы забыть о них навсегда. Рассказывая, я открывал шкафы, откуда пахло нафталином и пылью. Потом показал старый ночной горшок, кютахийскую вазу с красными цветочками (ту самую, что мать просила меня поискать) и маленький трехколесный велосипед, на котором мы оба с Фюсун катались в детстве (старые детские велосипеды мама всегда отдавала бедным родственникам).

Хрустальная конфетница напомнила мне о былых праздничных застольях. Когда маленькая Фюсун приходила к нам по праздникам в гости с родителями, то леденцы, засахаренный миндаль, марципаны, грецкие орехи в меду и лукум подавались именно в этой конфетнице.

– Помните, однажды на Курбан-байрам мы пошли с вами гулять, а потом катались на машине. – Фюсун оживилась, и глаза ее засияли.

Картина той прогулки предстала перед глазами, словно все происходило вчера.

– Ты тогда была еще совсем ребенком. А сейчас превратилась в красивую молодую женщину.

– Спасибо, – смутилась она. – Мне пора идти.

– Ты еще не выпила чая. И дождь еще не кончился.

Я подвел ее к балконной двери и слегка раздвинул тюлевую занавеску. Фюсун с любопытством посмотрела на улицу, как дети, которые, впервые попав в новый дом, удивленно рассматривают все вокруг, или как совсем юные люди, в которых еще не угас интерес ко всему и есть открытость, потому что они не знают страданий. Мгновение я с желанием смотрел на ее затылок, шею, ее кожу, на бархатистые щеки, на крохотные родинки, незаметные издали (а ведь у моей бабушки тоже была на шее выпуклая родинка!). Моя рука потянулась сама собой и погладила ее заколку в волосах. На заколке было четыре цветка вербены.

– У тебя волосы совсем мокрые.

– Вы кому-нибудь говорили, что я тогда... в магазине... не сдержала слез?

– Нет. Но мне любопытно, отчего ты плакала.

– Любопытно? Вам?

– Я очень много думал о тебе. – Мой тон сделался еще нежнее. – Ты очень красивая, не такая, как все. Я хорошо помню тебя маленькой хорошенькой смуглой девочкой. Но и представить себе не мог, какой красавицей будешь.

Сдержанно улыбувшись, как все красивые и хорошо воспитанные девушки, привыкшие к комплиментам, она в то же время недоверчиво подняла брови. Воцарилось молчание. Фюсун отступила от меня на шаг.

– Что сказала Шенай-ханым? – перевел я разговор на другую тему. – Она согласилась с тем, что сумка поддельная?

– Сначала возмутилась. Но, поняв, что вы решили не раздувать историю, а просто вернули сумку и просите назад деньги, нашла разумным обо всем забыть. Меня она тоже попросила об этом. Думаю, она знает, что сумка поддельная. А о том, что я пошла сюда – нет. Я сказала ей, что вы сами заходили в тот день после обеда и забрали деньги. Извините, но мне пора.

– Без чая не годится!

Я принес из кухни чай. Смотрел, как она легонько дует на него, чтобы остудить, а потом осторожно пьет, по глотку. Я смотрел на нее со смешанным чувством – чем-то средним между смущением и восхищением, радостью и нежностью... Моя рука опять потянулась, словно сама собой, и погладила ее по волосам. Я приблизил голову к ее лицу, но она не отодвинулась, и тогда я поцеловал ее в уголок рта. Фюсун густо покраснела. Так как обе руки у нее были заняты горячей чашкой, она не могла отстранить меня. Я чувствовал, что она и сердится, и совершенно растеряна.

– Вообще-то, я очень люблю целоваться, – смело сказала она затем. – Но сейчас, с вами, это совершенно невозможно.

– Ты много целовалась? – спросил я неуклюже, пытаясь казаться беспечным.

– Конечно. Но и только.

Она в последний раз окинула комнату, все вещи и кровать с голубой простыней, нарочно оставленную мной не убранной, таким взглядом, в котором читалась убежденность, что все мужчины одинаковы. Видно было, что она сразу сделала обо мне соответствующие выводы, но мне в голову, возможно от стыда, не пришло ничего, что позволило бы продолжить эту игру.

Сувенирная феска, лежащая сейчас в моем хранилище воспоминаний, попала мне как-то на глаза в одном из шкафов, и я украсил ею журнальный столик. Фюсун прислонила к феске полный конверт денег. Она видела, что я краем глаза уловил движение, однако все равно сопроводила его словами: «Я конверт вон туда положила...»

– Ты не можешь уйти, не допив чая.

– Я опаздываю, – сказала она, не поднимаясь с места.

За чаем мы вспоминали наше детство, родственников. Ее семья всегда побаивалась моей матери, однако по иронии судьбы та больше всех уделяла внимания маленькой Фюсун. Всякий раз, когда тетя Несибе приходила к нам на примерку и приводила дочку с собой, мать давала ей наши игрушки – заводных курицу с собачкой, которых Фюсун очень любила и боялась сломать, а каждый год, пока она не поучаствовала в том конкурсе красоты, посылала ей с водителем Четин-эфенди подарки ко дню рождения: один из подарков – калейдоскоп – хранится у нее до сих пор... Если мать посылала одежду, то покупала ее на несколько размеров больше – на вырост. Как-то раз она прислала шотландскую юбку в крупную клетку, которую Фюсун смогла надеть только год спустя: но она так ее полюбила, что, когда выросла из нее, носила как мини-юбку, хотя та совсем вышла из моды. Я сказал, что видел ее однажды в этой юбке в Нишанташи. Но мы тут же заговорили о другом, словно боясь, что речь зайдет о ее тонкой талии и стройных ножках. Мы вспомнили дядю Сюрею. Он жил в Германии и отличался некоторыми странностями, но, приезжая в Стамбул, непременно навещал всю родню; благодаря ему все ветви большого рода, давно порвавшие отношения, получали друг о друге известия.

– Утром в тот день, когда был Курбан-байрам и мы поехали кататься на машине, дядя Сюрея тоже был у вас дома, – припомнила Фюсун. Потом быстро встала, надела плащ и начала безуспешно искать зонтик. Поиски ни к чему не привели, потому что, готовя чай, я незаметно спрятал его в прихожей за вешалку.

– Ты что, не помнишь, куда его положила? – стараясь не выдать себя, недоумевал я, разыскивая зонтик вместе с ней.

– Я оставила его здесь, – растерянно показала Фюсун на вешалку.

Пока мы обыскивали вдвоем всю квартиру, заглянув даже в самые необычные места, я, выражаясь излюбленными фразами глянцевого журнала, поинтересовался, как она проводит свое свободное время. В прошлом году она не сумела поступить в университет, так как не набрала нужного количества баллов для того отделения, куда ей хотелось. А сейчас, в свободное от бутика «Шанзелизе» время, ходит на Высшие подготовительные курсы. Сейчас она много занимается, потому что до вступительных экзаменов осталось сорок пять дней.

– Куда ты хочешь поступить?

– Не знаю, – ответила она, слегка смутившись. – Вообще-то, мне хотелось поступить в консерваторию и стать актрисой.

– На этих курсах только время впустую потратишь, там все ради денег. – Мой тон напоминал наставления учителя. – Если у тебя трудности по каким-либо предметам, особенно по математике, приходи сюда. Я каждый день бываю здесь после обеда, чтобы поработать в одиночестве. И быстро тебе все объясню.

– Вы и с другими девушками здесь математикой занимаетесь? – Казалось, она прочитала мои мысли, выдав себя лишь насмешливым движением бровей.

– Других девушек нет.

– Сибель-ханым бывает у нас в магазине. Она очень красивая, очень приятная девушка. Когда у вас свадьба?

– У нас помолвка через полтора месяца. Этот зонтик тебе подойдет?

Я предложил ей летний зонтик, купленный матерью в Ницце. Она сказала, что не может появиться в магазине с ним. К тому же теперь ей хотелось непременно уйти, и зонтик был уже не так и важен: «Дождь, кажется, закончился». Когда она стояла в дверях, я с тревогой почувствовал, что больше никогда не увижу ее.

– Пожалуйста, приходи еще, и просто попьем чая, – попросил я.

– Не обижайтесь, Кемаль-бей, но я не хочу приходить. Вы сами знаете, я больше не приду. Не беспокойтесь, я никому не скажу, что вы меня целовали.

– А что с зонтиком?

– Зонтик Шенай-ханым, да бог с ним, – ответила она и, торопливо запечатлев у меня на щеке не лишенный чувственности поцелуй, ушла.

## 8. Первый турецкий фруктовый лимонад

Не могу упустить из виду газетные страницы с рекламными фотографиями первого турецкого фруктового лимонада «Мельтем» и сам этот лимонад с клубничным, персиковым, апельсиновым и вишневым вкусом, потому что он напоминает мне о радостной и спокойной атмосфере тех счастливых дней.

В честь сладкого начинания Заим устроил торжественный прием у себя в квартире в районе Айяспаша, из окон которой открывался роскошный вид на Босфор. Должны были присутствовать все наши друзья. Сибель очень любила бывать в кругу моих друзей, молодых и состоятельных, и всегда радовалась, когда мы катались на катерах по Босфору, вместе отмечали дни рождения или гоняли на машинах по ночному Стамбулу после веселых посиделок в ресторанах допоздна. Ей нравилась компания, однако Заима она не любила. Считала, что тот слишком любит красоваться, постоянно увивается за женщинами, что он крайне зауряден, и всегда посмеивалась, когда на его вечеринках в конце праздника в качестве подарка для гостей приглашенная танцовщица исполняла танец живота и когда он зажигалкой с эмблемой «Плейбоя» помогал девушкам прикуривать сигареты. Ей ужасно не нравилось, что у Заима не счесть мелких интрижек с малоизвестными актрисками или манекенщицами (новая сомнительная профессия, только-только появившаяся в те дни в Турции), на которых он никогда бы не женился. Она считала столь же безответственными и его отношения с порядочными девушками, поскольку они тоже ни к чему не приводили. Вот поэтому я удивился, услышав нотки разочарования в голосе Сибель, когда сказал ей по телефону, что вечером не смогу пойти в гости к Заиму, так как неважно себя чувствую.

– Там же будет та немецкая манекенщица, которая снялась в рекламе «Мельтема»! – разочарованно вздохнула Сибель.

– Ты же всегда говоришь, что Заим – плохой пример для меня...

– Если ты не идешь в гости к Заиму, значит ты действительно болен. Хочешь, я приду к тебе?

– Не надо. За мной ухаживают мама и Фатма-ханым. Скоро все будет нормально.

Я лег на кровать прямо в одежде, подумал о Фюсун и решил, что ее нужно забыть и больше никогда не встречаться с ней до конца дней моих.

## 9. Ф

На следующий день, 3 мая 1975 года, в половине третьего, Фюсун пришла ко мне в «Дом милосердия», чтобы впервые в своей жизни «сделать это». Я отправился туда, даже не мечтая, что опять встречу с ней. Хотя нет, втайне меня не покидала надежда снова увидеть Фюсун там... Я прокручивал мысленно наш с ней разговор, вспоминал о старинных маминых вещичках, часах, трехколесном велосипеде, сохранивших наше общее, на двоих детство в странном сумраке полутемной квартиры. И так остро почувствовал запах пыли и старости, что мне захотелось побыть одному и долго-долго смотреть в окно на сад... Вероятно, это желание и привело меня в «Дом милосердия» в тот день. Здесь я мог пережить посекундно нашу встречу еще раз, подержать в руках чашку, из которой пила Фюсун, затем собрать мамины вещи и постараться забыть о своих постыдных мыслях. Раскладывая все по местам, я нашел фотографии, сделанные много лет назад отцом из дальней комнаты, на которых запечатлелись кровать и вид из окна на сад, – в комнате уже много лет ничего не менялось... Помню, когда раздался звонок в дверь, я подумал: «Мама!»

– Я пришла за зонтиком, – сказала Фюсун.

Но войти не решалась.

– Входи! – пригласил я.

Она колебалась, однако, почувствовав, что стоять в дверях невежливо, вошла. Я закрыл за ней дверь. На ней было темно-розовое платье с белыми пуговицами и белый пояс с широкой пряжкой, делавший ее талию еще тоньше. Они особенные экспонаты моего музея.

В молодости я страдал странной слабостью – с красивыми и таинственными девушками чувствовал себя уверенно, только когда был искренним. Потом почему-то решил, что к тридцати годам избавился от этой робости и простодушия, – оказалось, ошибался.

– Твой зонтик здесь, – внезапно признался я. И вытащил его из укромного тайника. Я даже не задавался вопросом, почему раньше этого не сделал.

– Как же он туда попал? Упал с вешалки?

– Никуда он не падал. Я вчера спрятал его, чтобы ты сразу не ушла.

Мгновение она раздумывала, сердиться ей или смеяться. Взяв Фюсун за руку, я повел ее на кухню под предлогом угостить чаем. На кухне царил полумрак, пахло влагой и пылью. Там все развивалось стремительно. Не сдержав себя, мы начали целоваться. Целовались мы долго и страстно. Она так отдавалась поцелуям, так крепко обнимала меня за шею и так крепко закрывала глаза, что я почувствовал: она готова «пойти до конца».

Однако это было невозможно – ведь Фюсун наверняка девственница. Хотя, пока мы целовались, я в какой-то момент почувствовал, что она давно приняла столь важное в своей жизни решение и открыла дверь «Дома милосердия», чтобы пойти со мной «до конца», – происшедшее напоминало европейское кино. Вообразить, что турецкая девушка вдруг, ни с того ни с сего, решилась совершить подобный поступок... Это выглядело странным. Хотя, может, она и девственницей уже не была...

Целуясь, мы вышли из кухни, сели на кровать и, не особо смущаясь, но и не глядя друг на друга, сбросили с себя почти всю одежду, тут же забравшись под одеяло. Оно было слишком толстым, да к тому же душило своей тяжестью, так что вскоре я его скинул, и мы предстали друг перед другом полуголыми. Пот разъедал глаза, все тело покрылось каплями, и лишь близость Фюсун почему-то умиротворяла. Из-за раздвинутых занавесок в комнату падал желтоватый луч золотистого света, от которого ее влажное тело тоже казалось золотистым. Фюсун, не отводя глаз, смотрела на меня – так же как я на нее – с задумчивой, но неосознанной, как желание, нежностью, смотрела на мое тело, часть которого на ее глазах меняла размер и форму,

и ее спокойствие пробудило во мне ревнивую уверенность, что она уже видела мужчин, бывала в их постелях, на диванах, на задних сиденьях автомобилей.

Мы отделились тягучей мелодии наслаждения и желания, без чего невозможна ни одна любовная история. Однако по взволнованным взглядам стало заметно, что нас тревожит мысль о сложном испытании, через какое нам предстоит пройти. Фюсун медленно сняла сережки, одной из которых предстояло стать первым экспонатом моего музея, и аккуратно положила их на тумбочку у кровати. То, как вдумчиво она сделала это, напомним мне близорукую девочку, осторожно снимающую очки, прежде чем ступить в воды моря, заставило меня поверить, что она и в самом деле решила впервые «пойти до конца». Тогда молодые люди носили разного рода медальоны, колые и браслеты в виде заглавных букв своего имени – такой уж была мода; но сережек подобной формы я никогда ни у кого не видел. С той же решимостью Фюсун сняла с себя и трусики – это окончательно убедило меня. Если бы она не хотела идти до конца, то, как диктовали негласные правила того времени, так и осталась бы в них.

Я поцеловал ее плечи, пахнувшие миндалем, коснулся языком влажной бархатной шеи и слегка удивился, заметив, что кожа на груди у нее немного светлее, – ведь загорать еще было рано. Фюсун смотрела на меня грустными и полными страха глазами. Но я решился сделать это прежде всего ради нее самой и только потом ради нас двоих и вовсе не для одного лишь удовольствия. Жизнь поставила нас перед испытанием, и мы стремились преодолеть его, веря в себя. Поэтому, когда наступило время, всем телом навалившись на нее, причинить ей боль и среди множества нежных слов, какие шептали мои губы, я спросил: «Тебе больно, милая моя?» – а она ничего не ответила, я не удивился, но замолчал. Ведь оттуда, где было ближе всего к ней, я чувствовал, точно собственную боль, легкую дрожь, поднимавшуюся из глубин ее тела (и вдруг подумал, что так же дрожат подсолнухи на легком летнем ветерке).

По ее взгляду, который она отвела от меня и, будто дотошный доктор, направила к своему лону, я понял, что она прислушивается к себе и хочет пережить в одиночестве то, что ей дано испытать впервые и только раз в жизни. А мне, чтобы завершить начатое и вернуться из трудного путешествия, следовало теперь эгоистично позаботиться о собственном удовольствии. Так мы оба поняли, что ощутить максимум наслаждения, которое привязывало нас друг к другу, можно, лишь оставшись наедине с собой. С силой, даже яростно, сжимая друг друга, мы безжалостно начали пользоваться телами друг друга ради корыстной, безудержной радости свершения. В том, как Фюсун пальцами впиалась мне в спину, что-то напомнило мне испуганную маленькую девочку, которая не умеет плавать и, войдя в море, вдруг начинает бояться, что сейчас утонет, а потом изо всех сил прижимается к подросевшему отцу. Десять дней спустя, когда она лежала с закрытыми глазами, обняв меня, я спросил, что она увидела в тот первый раз, и она ответила: «Я видела поле с подсолнухами».

Мальчишки, которые и в последующие дни будут сопровождать наши любовные игры смехом, веселыми криками и отборной бранью, играли в футбол в старом саду соседнего особняка. Когда их гомон на мгновение стих, комната погрузилась в сверхъестественную тишину, если не считать нескольких робких стонов Фюсун и одного-двух счастливых вскриков, которые, забываясь, издал я. Где-то вне нашего пространства, издалека, с площади Нишанташи, доносились вой полицейских сирен, гудки автомобилей, удары молотка. Какой-то мальчишка гонял по улице консервную банку, заплакала чайка, разбилась чашка, зашелестели листья платана от легкого ветерка.

Мы лежали обнявшись, и нам обоим хотелось забыть о примитивных общественных штампах, вроде окровавленной простыни, разбросанной одежды и наших обнаженных тел, забыть постыдные подробности, которые так стремятся изучить и классифицировать ученые всех мастей. Фюсун тихонько плакала. Она не особо прислушивалась к моим утешительным словам. Сказала, что никогда всего этого не забудет, и потом затихла.



Так как много лет спустя жизнь сделает исследователем собственной жизни меня самого, мне не хотелось бы пренебрежительно отзываться о тех увлеченных людях, которые собирают различные предметы со всех концов света, пытаясь придать своей и нашей жизни особое значение. Однако я опасаюсь, что чрезмерное внимание к предметам и свидетельствам «первого любовного опыта» помешает посетителям моего музея разглядеть огромное чувство нежности и благодарности, возникшее между мной и Фюсун. Поэтому пусть хлопчатобумажный носовой платок в цветочек, который в тот день не показывался из сумки Фюсун, а лежал там, тщательно сложенный, и станет знаком этой нежности, с которой моя восемнадцатилетняя возлюбленная целовала мое тридцатилетнее тело, когда мы, обнявшись, молча лежали в кровати. А мамина хрустальная чернильница и письменный прибор, которые взяла со стола посмотреть Фюсун, закуривая сигарету, будут знаком хрупкости и уязвимости этого чувства. Когда мы одевались, я подержал в руках ее большую, увесистую заколку, и меня охватил прилив мужской гордости. Поэтому пусть модный в те дни широкий мужской пояс, застегивая который я почувствовал себя виноватым из-за этой гордости, расскажет посетителям моего музея, как нам обоим было трудно покидать рай, одеваться, теряя наготу, и как тяжело было просто смотреть на старый грязный мир.

Перед выходом я сказал Фюсун, что, если она хочет поступить в университет, последние полтора месяца ей нужно много заниматься.

– Ты что, боишься, что я до конца жизни останусь продавщицей? – улыбнулась она.

– Нет, конечно... Но я хочу подготовить тебя к экзамену. Будем заниматься здесь. По каким вы книгам учиться? Классическая математика или современная?

– В лицее у нас была классическая. Но на курсах преподают обе. Вопросы будут и по той и по другой. И мне все это трудно дается.

Мы договорились начать занятия завтра же. Как только она ушла, я пошел в книжный магазин Нишанташи, нашел учебники, по которым их учили в лицее и на курсах, и, немного полистав их у себя в кабинете за сигаретой, понял, что действительно способен ей помочь. Мне сразу стало легче на душе, и я почувствовал огромное счастье и странную, смешанную с радостью гордость. Счастье, острое как кинжал, отдавалось болью в шее, на носу и даже в груди. Где-то в уголках сознания все время трепетала мысль, что у нас с Фюсун впереди еще немало любовных свиданий в «Доме милосердия». Но я сразу понял, что смогу встречаться с ней, только если не буду воспринимать ее как нечто особенное.

## 10. Огни города и счастье

Тем вечером Йешим, лицейская подруга Сибель, праздновала помолвку в гостинице «Пера Палас». Все наши друзья должны были присутствовать там, и я тоже пошел. Сибель в тот вечер сияла от счастья. На ней было блестящее серебристое платье и вязаная шаль. Она полагала, что помолвка подруги будет репетицией нашей, и потому обращала внимание на все детали, подходила ко всем гостям и все время улыбалась.

К тому моменту, когда сын нашего с Фюсун дяди Сюрейи, имя которого я никогда не помнил, представил меня немецкой манекенщице, снявшейся у Заима в рекламе его лимонада, я уже выпил два стаканчика раки и наконец расслабился.

– Как вам Турция? – поинтересовался я у нее по-английски.

– Я видела только Стамбул, – ответила Инге. – Удивительный город, ничего подобного себе не представляла.

– А что вы представляли? – Неожиданно для себя самого я почувствовал раздражение.

Мгновение мы молча смотрели друг на друга. Видимо, эта умная женщина давно поняла, как легко обидеть турка. Она быстро улыбнулась и произнесла по-турецки с очень сильным акцентом рекламный слоган лимонада «Мельтем»:

– «Вы достойны всего!»

– За неделю вас узнала вся Турция, как вы себя чувствуете после этого?

– Да, теперь на улице меня все узнают. Полицейские, водители такси – все. – Мой вопрос обрадовал ее, как ребенка. – Как-то даже продавец воздушных шаров остановил меня, подарил шарик и сказал: «Вы достойны всего!» Легко стать известным, когда в стране только один телевизионный канал.

Интересно, заметила ли она сама презрение в своих словах? А ведь ей хотелось проявить почтение.

– А сколько каналов в Германии? – поинтересовался я. Она поняла, что сказала не то, и смутилась. Мой вопрос также был неудачен, и я поспешно произнес: – Каждый день по пути на работу вижу вашу фотографию на стене. Очень красивая.

– Да. Вы, турки, намного опережаете Европу во всем, что касается рекламы.

Эти слова почему-то порадовали меня, хотя не следовало забывать, что говорят их из вежливости.

Я поискал глазами Заима в шумной толпе веселых гостей. Он разговаривал с Сибель. Приятно было думать, что они смогут подружиться. Даже сейчас, спустя много лет, помню, как обрадовался тогда. Между нами Сибель придумала Заиму прозвище под стать рекламному девизу его лимонада – Заим, Достойный Всего. Эти слова казались ей глупыми и вульгарными. Сибель считала, что в такой бедной и проблемной стране, как Турция, где убийства происходили только лишь за принадлежность к правым либо левым политическим организациям, эти рекламные лозунги совершенно неуместны.

Через большую балконную дверь внутрь проникал аромат цветущей липы. Внизу, в водах Золотого Рога, отражались огни города. Даже трущобы и бедные кварталы Касымпаши казались прекрасными. Я чувствовал, что меня ожидает полная гармонии и радости жизнь и что все происходящее сейчас – только подготовка к настоящему счастью, которое предстоит пережить в дальнейшем. Напоминание о случившемся между мной и Фюсун выбивало меня из равновесия, но, впрочем, ведь у каждого бывают тайны. Кто знает, какие заботы или душевные раны снедали этих блестящих гостей? Однако стоило только выпить в компании друзей, сразу становилось понятно, как не важны и ничтожны все беды и горести.

– Видишь того раздражительного человека? – Сибель показала мне взглядом на него. – Это знаменитый Супхи; собирает спичечные коробки. У него их целая комната. Говорят, он

начал их коллекционировать, когда его бросила жена. Да, скажи, у нас на помолвке официанты не будут так забавно одеты? И почему ты пьешь сегодня так много? Вот еще что...

– Что?

– Мехмеду нравится немка-манекенщица, он от нее не отходит, а Заим ревнует. А вот тот человек, видишь? Сын твоего дяди Сюрейи... Оказалось, он племянник Йешим!.. У тебя сегодня плохое настроение? Ты что-то от меня скрываешь?

– Нет, ничего. Мне очень даже весело.

Сейчас, через много лет, прекрасно помню, как нежна в тот вечер была Сибель. Веселая, умная и ласковая, и я не сомневался, что буду счастлив рядом с ней – не только в молодости, всю жизнь счастлив. Но, проводив ее поздно вечером домой, мне не хотелось уходить к себе; я долго бродил по пустым и темным улицам, размышляя о Фюсун. Больше всего меня беспокоило не столько то, что Фюсун отдалась мне первому, сколько ее решимость, это никак не укладывалось в нарисованную мною картину. Ведь Фюсун совершенно не ломалась; даже раздеваясь, она не колебалась ни минуты...

Дома родители спали, гостиная была пуста. Бывало, отцу не спалось, иногда по ночам он приходил в гостиную в пижаме, и мы подолгу беседовали. Но сейчас из их спальни доносился мерный мамин храп и шелест папиного дыхания. Прежде чем лечь, я выпил еще пару рюмок раки и выкурил сигарету. Сцены наших с Фюсун объятий, смешавшись со сценами помолвки, проплывали перед глазами.

## 11. Курбан-байрам

Между сном и явью я почему-то вспомнил о сыне нашего с Фюсун дальнего родственника, дяди Сюрейи, который оказался племянником Йешим и имя которого я все время забывал. Дядя Сюрейя ведь тоже приходил к нам домой в тот далекий праздничный день, когда в гостях была Фюсун и мы поехали кататься на машине. Я лежал в кровати и пытался заснуть. Сознание восстанавливало картины холодного, свинцового праздничного утра. Известные в деталях, они почему-то казались замысловатыми, неправдоподобными: так бывает, когда во сне видишь привычное, обыкновенное. Я заметил наш с Фюсун старый трехколесный велосипед, потом мы вышли с ней на улицу и смотрели, как режут барана, затем поехали кататься на машине. На следующий день, когда мы встретились в «Доме милосердия», я спросил ее, помнит ли она об этом.

– Велосипед мы с мамой принесли из дому, чтобы вам вернуть, – сказала Фюсун. Она помнила все лучше меня. – За несколько лет до этого твоя мама отдала его мне, после того как на нем катались ты с братом. Но я тоже выросла. И в тот день мама принесла его обратно.

– А потом, наверное, моя мама принесла его сюда, – задумчиво произнес я. – Я почему-то вспомнил, что дядя Сюрейя был у нас дома...

– Потому что именно он захотел ликера, – подсказала фрагмент прошлого Фюсун.

Ту неожиданную автомобильную прогулку Фюсун тоже запомнила лучше, чем я. Фюсун тогда было двенадцать, мне – двадцать четыре года. 27 февраля 1969 года шел первый день Курбан-байрама, праздника жертвоприношения. Как всегда, праздничным утром у нас дома в Нишанташи собралась в ожидании застолья толпа веселых, нарядных родственников – близких и далеких; женщины надели свои лучшие платья, а все мужчины – пиджаки и галстуки. Часто раздавался звонок в дверь, прибывали новые гости. Собравшиеся вставали, чтобы пожать руку или расцеловать в щеки вновь пришедших, пододвигали им стулья. Мы с братом и Фатьмой-ханым стояли и держали сладости для большой компании, как вдруг отец отвел нас обоих в сторонку.

– Мальчики, дядя Сюрейя опять требует ликера, – сказал он. – Пусть кто-то из вас сходит в лавку Алааддина и купит ликер – мятный и клубничный.

Раньше в нашем доме существовала традиция на праздники угощать мятным и клубничным ликером, который подавали в хрустальных стаканах на серебряном подносе, но в те годы мама запретила это делать, потому что отцу пить было вредно, а он иногда перебирал лишнего. Помню даже, как двумя годами ранее, таким же праздничным утром, когда дядя Сюрейя не менее настойчиво требовал налить ему ликера, мать, чтобы не допустить скандала, заявила: «Разве мусульманам можно пить алкоголь во время религиозных праздников?» И тогда наш чрезмерно светский дядя, ярый сторонник Ататюрка, вступил с ней в нескончаемый спор об исламе и цивилизованности, Европе и республике.

– Так кто из вас пойдет? – Из пачки новеньких, хрустящих десятилировых купюр, специально взятой в банке к празднику, чтобы раздавать подходящим почтительно поцеловать ему руку детям, привратникам и сторожам, отец вытащил одну бумажку.

– Пусть Кемаль идет! – предложил брат.

– Пусть Осман идет! – отозвался я.

– Давай иди-ка ты, – посмотрел на меня отец. – Да, и не говори матери, куда отправляешься!

Выходя из дому, я заметил двенадцатилетнюю Фюсун с тонкими, как тростинки, ножками, в аккуратном платице.

– Пойдем со мной в магазин.

Ничто в ней не привлекало внимания, кроме бантов из белоснежной капроновой ленты, похожих на бабочек, в ее блестящих косичках. Обычные вопросы, заданные мной той маленькой девочке в лифте, Фюсун воспроизвела через шесть лет: в каком ты классе? («В шестом!»); в какую школу ходишь? («В женский лицей Нишанташи!»); кем хочешь стать? (молчание).

Мы прошли несколько шагов по холоду, как вдруг я заметил, что на соседнем с нашим домом пустыре, под маленькой липой, будут резать барана и уже собралась толпа зрителей. Сейчас я, конечно, никогда бы не повел маленькую девочку смотреть на это. Но тогда... Тогда, ни о чем не задумываясь, направился напрямик туда.

На земле лежал принесенный нашим привратником Саимом-эфенди и поваром Бекри-эфенди баран со связанными ногами, выкрашенными хной. Рядом, в переднике и с огромным ножом, стоял мясник. Баран все время вырывался, и мяснику никак не удавалось выполнить свою миссию. Наконец у привратника с поваром получилось крепко прижать бедное животное к земле. Тогда мясник, грубо взяв барана за добродушную мордочку, повернул его голову в сторону и резко вонзил ему в горло длинный нож. Воцарилась тишина. «Аллах велик! Аллах всемогущ!» – громко провозгласил мясник. Быстро двигая ножом, он разрезал белое горло барана. Едва он вынул нож, как хлынула густая ярко-красная кровь. Баран бился в предсмертной судороге. Все застыли. Внезапно в голых ветках липы завыл жуткий ветер. Наконец мясник отрезал баранью голову, а кровь вылил в заранее вырытую яму.

Я увидел скривившихся в сторонке любопытных мальчишек, нашего водителя Четина-эфенди, какого-то старика, возносившего молитву. Фюсун, затаив дыхание, вцепилась мне в рукав пиджака. Баран еще бился, но то была уже агония. Вытиравшего о фартук нож мясника звали Казымом, лавка его располагалась неподалеку от полицейского участка, но я его не узнал. Когда мы встретились взглядами с поваром Бекри, стало понятно, что зарезали нашего барана, которого купили накануне праздника и неделю держали на привязи в саду.

– Пойдем отсюда, – сказал я Фюсун.

Ни слова не говоря, мы зашагали прочь по улице. От чего мне стало не по себе – от того ли, что по моей вине маленькая девочка оказалась свидетелем такой сцены? Я ощущал вину, но причину ее понять не мог.

Мои родители не были религиозны. Не припомню, чтобы кто-то из них когда-либо совершал намаз или постился. Как многие люди, взрослевшие в первые годы республики, они не пренебрегали религией, просто не придавали ей особого значения, объясняя это безразличие любовью к реформам Ататюрка и стремлением к светскому образу жизни. Несмотря на это, в семьях многих обитателей Нишанташи, подобно нашей, на праздник жертвоприношения резали барана, а мясо раздавали беднякам, как того требовала традиция. Родители сами, конечно, никогда этим не занимались, да и раздачу мяса с требухой поручали прислуге. Я тоже всегда держался в стороне от церемонии заклания, множество лет утром праздничного дня совершавшейся на пустыре рядом с домом.

Мы молча шли с Фюсун к лавке Алааддина. Перед мечетью Тешвикие задул пронизывающий ветер, и мое беспокойство почему-то переросло в страх.

– Ты очень испугалась? – Я внимательно посмотрел на нее. – Не надо было нам останавливаться, чтобы не видеть...

– Бедный барашек... – только и проговорила она.

– А ты знаешь, зачем режут барана?

– Когда-нибудь, когда мы будем на пути к раю, этот барашек проведет нас по мосту Сырат.

Так объясняли причину мусульманского жертвоприношения дети либо неграмотные.

– Начинается эта история не так, – сказал я, словно учитель детям в школе. – Знаешь начало?

– Нет.

– У пророка Ибрагима не было детей. Он долго молился Аллаху: «О великий Творец, ниспошли мне сына, и я сделаю все, что ты повелишь мне». В конце концов Аллах принял его молитвы, и однажды у Ибрагима родился сын Измаил. Ибрагим был несказанно счастлив. Он очень любил сына, не мог наглядеться на него и каждый день возносил хвалы Аллаху. А однажды ночью Аллах явился ему во сне и сказал: «Повелеваю тебе принести своего сына мне в жертву».

– Зачем он это сказал?

– Сначала дослушай... Пророк Ибрагим повиновался Аллаху. Он вытащил острый нож и собирался уже вонзить его сыну в горло... Как вдруг на месте сына появился баран.

– Почему?

– Аллах пожалел пророка Ибрагима и послал ему барана, чтобы он зарезал его вместо любимого сына. Потому что Аллах увидел, что Ибрагим послушен ему.

– Если бы Аллах не послал барана, Ибрагим бы и в самом деле зарезал сына?

– Зарезал бы. – Голос мой внезапно ослаб. – Аллах был уверен, что Ибрагим зарезал бы сына, и, чтобы не расстраивать его, послал ему барана.

Я волновался, потому что видел – мои попытки толково рассказать двенадцатилетней девочке об отце, попытавшемся убить собственного сына, успехом не увенчались. Волнение мое постепенно перерастало в отчаяние.

Лавка Алааддина оказалась заперта.

– Пойдем в магазин на площади! – предложил я.

Мы дошли до Нишанташи. Там на перекрестке имелась табачная лавка «У Нуреттина», но и она была закрыта. Пришлось повернуть обратно. Пока мы возвращались, я придумал толкование истории о пророке Ибрагиме, которое бы устроило Фюсун.

– Послушай. Сначала пророк Ибрагим, конечно, не знал, что на месте сына появится баран, – начал я. – Но он так сильно верил в Аллаха и так сильно его любил, что ничуть не сомневался: Аллах не причинит ему зла. Когда мы сильно любим кого-то и отдаем ему самое дорогое, что у нас есть, мы ведь знаем, что от этого человека нам не будет никакого зла. Это и есть жертва. Ты кого больше всего любишь на свете?

– Маму и папу...

Рядом с домом мы встретили водителя Четина.

– Четин-эфенди, отец попросил купить ликер, – сказал я. – В Нишанташи магазины закрыты, отвези нас на площадь Таксим. А потом, как знать, еще немного покатаемся.

– Мне тоже можно, да? – обрадовалась Фюсун.

Мы сели с ней на заднее сиденье отцовского вишневого «шевроле» 56-й модели. Четин-эфенди повел машину по ухабистым стамбульским улицам, вымощенным плиткой. Фюсун смотрела в окно. Проехав через район Мачка, мы спустились к Долмабахче. Улицы были пустынные, не считая нескольких одиноких празднично одетых пешеходов. Проехав мимо стадиона «Долмабахче», мы опять увидели людей, наблюдавших, как режут барана.

– Четин-эфенди, ради Аллаха, объясни ребенку, зачем мусульмане приносят в жертву барана. У меня не получается.

– Что вы, что вы, Кемаль-бей! – смущенно улыбнулся шофер. Но, не устояв перед удовольствием похвастаться, что он набожнее нас, все же заговорил: – Мы жертвуем Всемогущему барана, чтобы показать, что мы любим его так же, как пророк Ибрагим... Жертва означает, что мы готовы пожертвовать Аллаху самое дорогое. Мы, маленькая ханым, так любим Аллаха, что отдаем ему самое-самое любимое. И не ждем ничего в ответ.

– То есть за жертву попасть в рай не получится? – схитрил я.

– Как сказал великий Аллах... Кто попадет в рай, станет известно только в Судный день. Но мы приносим жертву не для того, чтобы оказаться в раю. Мы приносим ее, не ожидая никакой награды, лишь потому, что любим Аллаха.

– А ты, оказывается, хорошо разбираешься в религиозных вопросах, Четин-эфенди.

– Ну что вы, Кемаль-бей, куда мне до вас! Вы такой ученый, лучше меня все знаете! Да и чтобы разбираться в этом, не надо ни веры, ни мечети. Мы всегда отдаем тому, кого любим, самое дорогое, то, над чем трясемся, и отдаем лишь потому, что крепко любим, ничего не ожидая взамен.

– Но ведь человеку, которому приносят такую жертву, делается не по себе, – заметил я. – Он думает, что от него чего-то хотят.

– Аллах велик, – проговорил Четин-эфенди. – Аллах все видит и все знает... Он понимает, что мы любим его и не ждем награды. Никому не обмануть Аллаха.

– Вон открытый магазин, – прервал я нашу религиозную беседу. – Четин-эфенди, остави машину. Я знаю, что здесь продают ликер.

Мы с Фюсун за пять минут купили по бутылке мятного и клубничного ликера «Текель» и быстро вернулись обратно.

– Четин-эфенди, у нас еще есть время. Покатай нас немного, – попросил я.

Почти обо всем, что мы обсуждали во время той долгой автомобильной прогулки, годы спустя мне напомнила Фюсун. Мне же с того морозного праздничного утра запомнилось только одно: тем утром Стамбул был похож на скотобойню. С рассвета в городе были зарезаны десятки тысяч баранов, притом не только на окраинах, пустырях и пожарищах в бедных кварталах, но и в самых богатых районах города, и даже в центре. Местами мостовую заливали красные лужи крови. Пока наш автомобиль перебирался с холма на холм, переезжал мосты и колесил по извилистым переулкам, мы повсюду видели мертвых баранов. С тех, которых зарезали недавно, сдирали шкуру, а которых давно – резали на части.

Через мост Ататюрка мы переехали Золотой Рог. Несмотря на всеобщее ликование, на флаги и разряженную толпу на улицах, нам было грустно и мы чувствовали усталость. Проехав акведук Боздоган, повернули к Фатиху. На одном из пустырей продавали вымазанных хной баранов.

– Их тоже зарежут? – робко спросила Фюсун.

– Может быть, этих и не зарежут, маленькая ханым, – отозвался Четин-эфенди. – Время к полудню, а покупателей на них нет... Возможно, до конца праздника не будет, так что бедные животные спасутся... Но поставщики все равно продадут их мясникам, маленькая ханым.

– А давайте до мясников купим их и спасем, – предложила Фюсун. Она сидела в красивом красном пальто. Улыбнувшись, она смело подмигнула мне. – Надо украсть барана у человека, который хочет зарезать своего ребенка, правда?

– Надо, – согласился я.

– Как сообразительна юная госпожа, – улыбнулся Четин-эфенди. – Но ведь пророк Ибрагим не хотел убивать своего сына. Просто так повелел Аллах. Если мы не будем выполнять все, что велит Аллах, в мире наступит неразбериха, будет конец света... Основа всего мира – любовь. А основа любви – любовь к Аллаху.

– Но как это понять ребенку, которого хочет зарезать собственный отец? – не выдержал я.

На мгновение наши с Четин-эфенди взгляды встретились в зеркале.

– Кемаль-бей, вы ведь это спрашиваете лишь для того, чтобы, как ваш батюшка, поболтать со мной, пошутить, – сказал он. – Ваш отец жалуется на нас. Мы тоже почитаем и любим его и никогда не обижаемся на его шутки. И на ваши шутки тоже обижаться не станем. Но отвечу я вам примером. Вы видели фильм «Пророк Ибрагим»?

– Нет.

– Конечно, вы на такие фильмы не ходите. Но возьмите как-нибудь с собой маленькую ханым и обязательно посмотрите его. Ни минуты не заскучаете... Пророка Ибрагима играет Экрем Гючлю. Мы ходили всей семьей, с женой да ребяташками. Все прослезилась. Особенно

тогда, когда пророк Ибрагим, взяв нож, смотрит на сына... и когда сын Измаил говорит, как записано в Великом Коране: «Отец, выполняй волю Аллаха во что бы то ни стало!» А когда на месте сына появился баран, весь зал рыдал от счастья. Если мы отдаем кому-то, кого больше всех любим, самое дорогое, не ожидая ничего в ответ, тогда мир вокруг становится прекрасным. Вот почему все плакали.

Мы ехали тогда из Фатиха в Эдирнекапы, а там, повернув вправо, спустились по окраинным кварталам мимо старых полуразрушенных крепостных стен к Золотому Рогу. Когда мы проезжали мимо крепостных стен, долгое время ничто не нарушало тишины в машине. В промежутках между стенами виднелись мусорные кучи от фабрик и всевозможных мастерских, земля была завалена пустыми бутылками, тряпьем, бумагой. Повсюду валялись останки зарезанных баранов, содранная кожа, кишки, рога. Однако казалось, в этих бедных кварталах, среди домов с облупившейся краской, люди больше радовались самому празднику, а не принесенным жертвам. Помню, как мы с Фюсун внимательно посмотрели на какую-то площадь, где было в разгаре народное гулянье с каруселями и качелями; на детей, покупавших на выданные к празднику деньги сласти; на маленькие турецкие флаги, как рога торчавшие впереди на автобусах, – на все эти сцены счастья, фотографии и открытки с видами которых я буду страстно собирать через много лет.

Поднимаясь на холм Шишхане, мы оказались посреди дороги в толпе. Проехать было трудно. Сначала я решил, что это очередное гулянье. Машина медленно ехала между людьми. Вдруг все расступились, и мы увидели прямо перед собой два столкнувшихся автомобиля, а рядом – умиравших людей. У съезжавшего с холма грузовика лопнул тормозной ремень, грузовик вылетел на встречную полосу и тут же подмял под себя легковой автомобиль.

– Аллах велик! – пробормотал Четин-эфенди. – Маленькая ханым, не надо смотреть туда.

У машины был полностью смят перед, и внутри кто-то, умирая, кажется, слегка шевелил головой. Никогда не забуду треск осколков под колесами нашего автомобиля и наше молчание потом. Поднявшись на холм по пустынным улицам, мы домчались от Таксима до Нишанташи, будто за нами гнались.

– Куда вы запропастились? – удивленно спросил отец. – Мы уже волноваться стали. Ликер нашли?

– Конечно! – ответил я.

В гостинной пахло духами, одеколоном и начищенным ковром. Оказавшись среди радостных родственников, я тут же позабыл о маленькой Фюсун.



## 12. Поцелуи в губы

О той праздничной прогулке шестилетней давности мы вспоминали с Фюсун на следующий день, когда встретились вновь после обеда. Потом, позабыв обо всем, долго предавались поцелуям и любви. От весеннего ветра, пахшего липовым цветом, задувавшего из-за штор и тюлевых занавесок в комнату, она слегка дрожала, а ее медово-солнечная кожа покрывалась мурашками. Фюсун так крепко закрывала глаза и так сильно прижималась ко мне – как утопающий держится за спасательный круг, – что я был ошеломлен и не мог не осознать: смысл происходящего куда глубже. Я лишь решил, что мне необходимо поскорее побывать в мужской компании, чтобы не погружаться с головой в опасные чувства, в раскаяние и сомнения, – в общем, в ту благодатную почву, на которой взрастает и зреет любовь.

Мы встретились с Фюсун еще три раза, а в субботу утром позвонил мой брат Осман и позвал меня на футбольный матч между командами «Гиресунспорт» и «Фенербахче», на котором, в чем он был убежден, «Фенербахче» отстоит звание чемпиона. Я пошел с ним. Мне нравилось сидеть на стадионе «Долмабахче», где я часто бывал в детстве, который за двадцать лет совсем не изменился, если не считать, что его переименовали в «Стадион Инёню». Единственное различие заключалось в том, что теперь на поле попытались вырастить траву, как в Европе. Но трава проросла только по краям, и поэтому поле напоминало лысого, у которого осталось немного волос на висках и на затылке. Когда обливавшиеся потом на солнце футболисты, особенно малоизвестные защитники, приближались с мячом к краю поля, зрители с платных трибун по-прежнему яростно ругались и выкрикивали игрокам оскорбительные слова, словно римские патриции, наблюдавшие за гладиаторскими боями, а бушующая толпа из безработных, бедняков и студентов с бесплатных трибун скандировала те же ругательства нараспев, явно получая удовольствие от того, что футболисты их слышат. Как напишут в спортивных рубриках газет на следующий день, матч для «Фенербахче» был легким, и всякий раз, когда забивали гол, я замечал, что встаю вместе со всеми и кричу на пределе голосовых связок.

В той атмосфере праздника и всеобщего единения на поле и на трибунах, среди обнимавшихся и поздравлявших друг друга с победой мужчин было что-то такое, что скрадывало мои угрызения совести, а страхи превращало в гордость. Но когда толпа стихала и удар по мячу слышали одновременно сорок тысяч человек, я поворачивал голову, смотрел на Босфор, видневшийся из-за старых открытых трибун, на русский корабль, проплывавший мимо дворца Долмабахче, и думал о Фюсун. Толком не зная, каков я на самом деле, она выбрала именно меня и с решимостью отдала себя именно мне. Это задевало меня за живое. Ее длинная шея, ямочка пупка, какая имелаась только у нее, сомнение и открытость, иногда читавшиеся в ее глазах одновременно, грустная искренность в ее взгляде, обращенном на меня, когда мы лежали рядом, и наши поцелуи не выходили у меня из головы.

– Ты сегодня что-то задумчивый. Наверное, волнуешься из-за предстоящей помолвки, – заметил Осман.

– Да.

– Очень любишь?

– Конечно.

Брат улыбнулся – с нежностью и пониманием – и посмотрел на мяч, который, покрутившись, замер посреди поля. Со стороны Девичьей башни подул легкий ветер, нежно заколыхавший полотнища флагов команд и маленькие красные флажки по углам поля. Ветер настойчиво задувал мне в глаза табачный дым от сигареты, которую курил брат, так что глаза у меня начали слезиться. Я вспомнил, как в детстве у меня тоже текли слезы, когда отец курил рядом со мной на стадионе.

– Жени́тьба пойдет тебе на пользу, – убежденно произнес Осман, неотрывно следя за игрой. – Сразу заведете детей. Только смотри, от нас не прячьтесь, будут дружить с нашими. Сибель – практичная женщина, крепко стоит на земле. А ты слегка витаешь в облаках. Вот вы друг друга и дополните. Надеюсь, ты ей не надоешь, как надоел другим своим подружкам. Черт, да это же штрафной! Судья ослеп, что ли?!

Когда «Фенербахче» забили второй гол, мы все вскочили, заорали: «Го-о-ол!» – и стали обнимать друг друга. После окончания матча к нам подошли армейский приятель отца Кова Кадри, несколько знакомых предпринимателей-болельщиков и один адвокат. В шумной толпе мы спускались с трибун и, пройдя вверх по улице от стадиона, дошли до гостиницы «Диван», где решили выпить за разговорами о футболе и политике. Я все время думал о Фюсун.

– Ты, Кемаль, все витаешь где-то, – заметил Кадри-бей. – Наверное, не любишь футбол, как твой брат.

– Вообще-то, люблю. Но в последние годы...

– Кемаль очень любит футбол, Кадри-бей. Просто хороших пасов сейчас нет, – насмешливо сказал Осман.

– Между прочим, в пятьдесят девятом году я мог перечислить по памяти весь состав «Фенербахче», – обиделся я. – Озджан, Недим, Басри, Акгюн, Наджи, Авни, Микро Мустафа, Джан, Юксель, Лефтер, Эргюн.

– Ты забыл Сераджеттина. Он тогда тоже в команде играл, – добавил Кова Кадри.

– Нет, он тогда не играл.

Спор затянулся – как всегда, каждый стоял на своем. Мы с Ковой Кадри решили поспорить, играл ли в 1959 году Сераджеттин в «Фенербахче». Проигравший обязался угостить всю компанию выпивкой.

На обратном пути по Нишанташи я отстал от других. В квартире «Дома милосердия», куда мать отправляла все наши старые вещи и игрушки, хранилась жестяная коробка, где мы с братом в детстве держали вкладыши от жвачки «Замбо» с фотографиями футболистов и актеров. Я знал, что если найду ту коробку, то выиграю спор.

Но стоило мне переступить порог квартиры, я понял, зачем на самом деле пришел. Мне хотелось вспомнить мгновения, проведенные с Фюсун. Некоторое время я смотрел на незастланную кровать, на которой мы любили друг друга, на пепельницу, оставленную на тумбочке у изголовья, на чашки из-под чая. Старые вещи, чей запах усиливался от влажности и пыли, образовали одно целое с тенями по углам, составив образ обители счастья. За окном опускалась тьма, но с улицы продолжали доноситься крики и брань мальчишек, гонявших без усталости мяч.

В тот день, 10 мая 1975 года, в квартире «Дома милосердия» я нашел ту коробку, но она оказалась пустой. Вкладыши с фотографиями, которые выложены в моем музее, я купил позже, у коллекционера Хыфзы-бея, когда подружился со стамбульскими собирателями редкостей. Впоследствии, разглядывая свою коллекцию портретов, я вспомнил, что в те дни мне еще только предстояло познакомиться со многими стамбульскими актерами, вроде Экрема Гючлю (сыгравшего пророка Ибрагима в фильме, о котором рассказывал нам с Фюсун Четин-эфенди), и как мы ходили с ними по значным барам, где собирались все, кто был близок к миру кино. А в тот день в «Доме милосердия» я впервые смутно ощутил, что старые вещи и темная квартира, где царило волшебство наших поцелуев с Фюсун, а мое дыхание прерывало трепетное чувство счастья, займут очень важное место в моей жизни.

Как и многие люди на земле, я впервые увидел целующихся влюбленных в кино. Помню, зрелище потрясло меня. После этого поцелуи долго казались чем-то невероятным, тревожа мое воображение. Кроме нескольких эпизодов в Америке, за тридцать лет жизни я нигде, кроме кино, ни разу не видел целующуюся пару. Поэтому даже в тридцать лет пребывал в наивной уверенности, что в кино ходят специально для того, чтобы смотреть, как целуются другие. А

сюжет фильма лишь был поводом. И когда Фюсун целовалась со мной, я чувствовал, что она подражает виденному на экране.

Не считая нескольких первых раз, мы с Фюсун целовались не для того, чтобы возбудить или испытать притяжение друг друга. Поцелуи оказались для нас осязаемым подтверждением собственного удовольствия. Пока мы медленно и с наслаждением целовались, с изумлением открывая для себя суть взаимной радости, неожиданно выяснялось, что каждый долгий поцелуй – это не только наши мокрые рты и языки, благодаря которым мы умудрялись вселить смелость друг в друга, но и воспоминания. Сначала я целовал ее саму, потом ее же – из воспоминаний, затем открывал на мгновение глаза и, тут же сомкнув их, целовал ее вновь – ту, которую только что видел и которую только что вспоминал. Через некоторое время к этим воспоминаниям добавлялись другие образы, похожие на нее, я целовал и их, ощущая такой прилив мужской силы, что, не отрываясь от губ Фюсун, чувствовал, будто наслаждение испытывает кто-то еще. Удовольствие, которое я получал от ее детского рта, пахнущего клубникой, полных, широких губ и движений ее жадного, игривого язычка, вызывало сумятицу в моих мыслях, которые как бы переговаривались одна с другой: «Боже мой, она же совсем ребенок», – восклицала одна. «Да, но очень женственный ребенок!» – возражала ей другая. Поток мыслей нарастал, унося за собой всех тех новых мужчин, которыми я становился, целуя ее, и всех тех Фюсун, которые жили в моем сознании. Те первые долгие поцелуи, тот любовный обряд, медленно свершавшийся между нами, и его детали приоткрывали мне тайну доселе неведомого знания о счастье и о том, что в нашем мире иногда приоткрываются врата в рай. Нам казалось, что наши поцелуи расстилают перед нами не только дорогу в благодатный мир телесных удовольствий и усиливавшегося физического желания, но и уносят прочь из весеннего полудня, в котором мы жили, в широкое, безграничное и безбрежное Время.

Мог ли я полюбить ее? Тогда я испытывал бесконечное счастье и волнение. По тому, как насканивали друг на друга мои мысли, было ясно, что душа моя, возможно, вскоре попадет в жернова между пошлостью ситуации – если я с легкостью отнесусь к своему неожиданному счастью – и опасностями, которые сулит мне случившееся, если восприму его серьезно. Тем вечером к нам в гости на ужин, навестить родителей, пришел Осман с женой Беррин и детьми. За едой я думал только о Фюсун и наших поцелуях.

На следующий день после полудня мне захотелось побывать в кино. Я вовсе не собирался ничего смотреть, но не смог бы, как обычно в обеденный перерыв, поесть в закусочной для рабочих в Пангалты вместе с пожилыми сотрудниками «Сат-Сата» и заботливой толстухой-секретаршей, любившей напоминать мне, каким в детстве хорошим мальчиком я был. Для меня несносной показалась сама возможность веселой и беззаботной болтовни с коллегами, перед которыми я старался играть роль «скромного директора» и друга, все время думая только о Фюсун и мечтая, чтобы поскорей наступило два часа. Мне надо было побыть одному.

Я задумчиво брел по району Османбей, разглядывая витрины, и вдруг увидел афишу, из которой явствовало, что в городе идет ретроспектива фильмов Хичкока. Я выбрал картину с Грейс Келли, где точно была сцена поцелуя. Много лет спустя я нашел и поместил в своем музее карманный матовый фонарик контролера, марки «Аляска-Фриго», чтобы он напоминал о выкуренных мной во время того сеанса сигаретах, о домохозяйках, коротавших время на утреннем показе, ленивых школьниках, прогуливавших уроки, и чтобы он всегда светил в темные уголки памяти, ведь именно тогда я осознал как жажду поцелуев, так и потребность одиночества.

После весенней жары на улице в прохладном кинотеатре было хорошо: мне нравились тяжелый воздух зала, шепот взволнованных зрителей, тени по краям толстого бархатного занавеса и в темных углах, казавшиеся мне сказочными чудовищами, и я чувствовал, как при мысли о том, что скоро увижу Фюсун, во мне волнами растекается счастье. Помню, выйдя из кино и направляясь по кривым, извилистым переулкам Османбей к месту нашей встречи, на

проспект Тешвикие, мимо мануфактурных магазинчиков, кофеен, скобяных лавок, гладилен, где утюжили мужские рубашки, я решил, что это свидание должно стать последним.

Сначала я всерьез полагал заниматься с ней математикой. Но терял голову от ее волос, спадавших на тетрадь, от ее руки, с легкой дрожью выводившей цифры, и от того, что резинка на кончике карандаша, который она имела привычку держать во рту, внезапно оказывалась зажатой ее розоватыми, такими же как кожа на соске, губами; я терял голову от легких прикосновений. И старался сдержаться. Когда Фюсун начинала решать уравнение, у нее на лице появлялось самоуверенное выражение, и, в спешке забыв о приличиях, она, если курила, резко выдыхала сигаретный дым, от которого у меня навертывались слезы. Поглядывая краешком глаза, чтобы понять, заметил ли я, как быстро она разобралась со сложной задачей, Фюсун в это время случайно совершала ошибку в сложении, чем портила все дело, и, увидев, что ее результат не совпадает ни с одним из ответов в пунктах а, b, с или d, поначалу расстраивалась, потом начинала волноваться, а затем пыталась оправдаться, говоря, что это у нее «не от незнания, а от невнимательности». Я с умным видом советовал ей быть собраннее и больше не допускать глупых ошибок. Говорил, что внимание – часть сообразительности, и засматривался на кончик ее деловитого карандаша, прыгавшего над новой задачей, словно голодный воробей над зернами, на то, как она, теребя волосы, умело упрощала неравенство, с тревогой замечая, что во мне опять растет нетерпение и беспокойство.

Затем мы принимались целоваться, целовались долго и забирались в постель. Когда мы любили друг друга, в наших движениях иногда проскальзывало осознание тяжести позора, ответственности и угрызений совести за утраченную невинность, и мы оба сразу замечали это. Но я видел по глазам Фюсун, что она получает физическое удовольствие и очарована состоявшимся наконец волнительным открытием мира наслаждений, которые, должно быть, будоражили ее воображение многие годы. Этот неизведанный мир Фюсун открывала для себя подобно путешественнику, любителю приключений, который, преодолев бушующие моря и океаны, добрался-таки до далекой страны, легенды о которой слышал многие годы, а теперь с восторгом и упоением разглядывает каждое дерево и каждый камень новой земли и с трепетом, но все же очень осторожно касается каждого листика и цветка.

Если не считать главного мужского инструмента удовольствия, Фюсун в основном интересовало не мое тело и не мужское тело как таковое. Ее переживания были направлены на себя саму, на ее собственные ощущения. А мои руки, мои пальцы, мой рот служили тому, чтобы выявлять все новые точки и возможности наслаждения на ее бархатной коже и где-то глубоко внутри. Всякий раз, когда она познавала неизведанные удовольствия, путь к которым мне часто приходилось показывать ей, Фюсун изумлялась. Ее глаза закатывались в томной задумчивости, и она с восхищением наблюдала, как новое наслаждение, рождавшееся в ней самой, вдруг окатывает со всей силой, а затем с удивлением, иногда вскрикнув, следила за его отраженными толчками в венах, в голове, в ногах, будто нарастающий озноб, и, замерев, вновь ждала моей помощи. «Сделай так еще раз! Пожалуйста, сделай так еще!» – шептала она.

Я был несказанно счастлив. Но понимал это не разумом, я чувствовал кожей, что счастье во мне, и пытался поймать его в повседневной жизни, например отвечая на телефонный звонок, торопливо поднимаясь по лестнице, стоя в очереди или выбирая с Сибель, с которой я намеревался обручиться через четыре недели, закуски в ресторане на Таксеме. Иногда я даже забывал, что чувством, которое пропитало меня, словно драгоценный аромат, обязан Фюсун. И когда мы с Сибель торопливо, пока никого нет, занимались любовью у меня в кабинете – что бывало нередко, – испытывал большое, единое и неделимое счастье.

### 13. Любовь, смелость, современность

Однажды вечером, когда мы ужинали с Сибель в «Фойе», она подарила мне туалетную воду марки «Сплин», которую купила в Париже и флакон которой представлен в моем музее. Я совершенно не люблю духи, но следующим утром, лишь из любопытства, побрызгал немного на шею, и Фюсун в моих объятиях почувствовала этот запах.

– Тебе Сибель-ханым их подарила?

– Нет. Я сам купил.

– Чтобы нравиться Сибель-ханым?

– Нет, дорогая моя, чтобы нравиться тебе.

– Вы занимаетесь любовью с Сибель-ханым?

– Нет.

– Пожалуйста, не ври. – Влажное от пота лицо Фюсун погрузнело. – Я отнесусь к этому нормально. Ты ведь занимаешься с ней любовью, да? – Она пристально посмотрела мне в глаза, как мать, которая убеждает ребенка сказать правду.

– Нет.

– Поверь, ложью ты обидишь меня гораздо сильнее. Пожалуйста, признайся. Хорошо, а почему тогда между вами ничего нет?

– Мы с Сибель познакомились прошлым летом в Суадие, – начал рассказывать я, крепче обняв Фюсун. – Летом наш зимний дом в городе стоял пустой, и мы приезжали в Нишанташи. А осенью она уехала в Париж. Зимой я несколько раз навещал ее.

– На самолете?

– Да. В декабре Сибель окончила университет и вернулась из Франции, чтобы выйти за меня замуж, – продолжал я. – На этот раз мы встречались у нас на даче, в Суадие. Но зимой в доме стало так холодно, что никакого удовольствия мы не испытывали.

– В общем, вы решили сделать перерыв, пока не появится теплый дом.

– В начале марта, два месяца назад, мы опять поехали в Суадие. В доме было все так же холодно. Мы разожгли камин, и за несколько минут дом наполнился едким дымом, а мы поссорились. После этого Сибель еще простудилась и заболела. У нее поднялась температура, она неделю провела в постели. И мы решили больше не ездить туда.

– Кто из вас не захотел там бывать? – спросила Фюсун. – Она или ты? – Вместо нежного выражения – «пожалуйста, скажи правду» – в ее глазах появилась мольба: «Пожалуйста, соври и не расстраивай меня», словно собственное любопытство причиняло ей боль.

– Думаю, что Сибель считает, что если до свадьбы мы будем реже заниматься любовью, то я стану больше ценить помолвку, свадьбу и даже ее саму, – сказал я.

– Но ты говоришь, что у вас и раньше все было.

– Ты не понимаешь. Дело же не в первой близости.

– Да, не в первой, – согласилась Фюсун.

– Сибель показала, как она меня любит и как мне доверяет. – Я вспомнил ее слова. – Но мысль о том, чтобы заниматься любовью до замужества, ей неприятна... Я ее понимаю. Она долго училась в Европе, но не такая смелая и современная, как ты...

Воцарилось долгое молчание. Так как я много лет размышлял над значением этой немоты, то теперь, надеюсь, понимаю ее причины: я попытался сделать Фюсун комплимент, но у сказанного оказался и другой смысл. Получалось, что близость с Сибель до свадьбы я объяснял тем, что она любит меня и доверяет мне, а такой же поступок Фюсун – лишь ее смелостью и современностью. А из этого следовал вывод, что слова о том, какая она «смелая и современная», в которых я буду раскаиваться потом многие годы, означали, что я не испытываю перед Фюсун особой ответственности за происшедшее, да и привязанности тоже. Раз уж

она такая современная, сближение с мужчиной до свадьбы или отсутствие девственности в первую брачную ночь для нее не составляет проблемы... Совсем как у европейских женщин или у тех легендарных дам, что прогуливаются в одиночестве по улицам Стамбула... А ведь я просто хотел сказать ей приятное.

Размышляя над причиной молчания, хотя, конечно, ничего сразу тогда не осознав, я засмотрелся на медленно качавшиеся от ветра ветви деревьев в саду. Мы часто лежали, обнявшись, в кровати, разговаривали и смотрели в окно на деревья, на соседние дома и на ворон, летавших с крыши на крышу.

– На самом деле никакая я не смелая и не современная, – тихо сказала Фюсун, нарушив безмолвие.

Я объяснил себе ее слова тем, что слишком уж тяжела для нее тема и что ей просто неловко, поэтому и не придавал им значения.

– Женщина может безумно любить мужчину много лет, но совершенно не быть близка с ним... – осторожно прибавила Фюсун.

– Конечно, – поспешно согласился я.

Опять наступило молчание.

– То есть сейчас между вами ничего нет? А почему ты не приводил Сибель-ханым сюда?

– Нам в голову это не приходило. – Я и сам удивился, почему мы с Сибель не догадались встречаться в квартире матери. – Раньше я здесь занимался, читал, общался с друзьями, слушал музыку. Почему-то вспомнил об этой квартире из-за тебя.

– Верю, что тебе и в самом деле такое раньше не приходило на ум, – заметила внимательная Фюсун, которую трудно было провести. – Но в остальном, что ты рассказываешь, чувствуется ложь. Это так? Я хочу, чтобы ты никогда мне не врал. Я даже не верю в то, что у вас сейчас ничего нет. Раз нет, поклянись в этом. Пожалуйста.

– Клянусь, что мы с Сибель сейчас не занимаемся любовью, – улыбнулся я, обнимая Фюсун.

– Ну а когда вы собирались возобновить отношения? Летом, как только твои родители уедут в Суадие? Когда они уезжают? Скажи мне правду, и я больше никогда не буду ни о чем тебя спрашивать.

– Они уедут в Суадие после нашей помолвки, – пробормотал я смущенно.

– Ты мне сейчас хоть раз соврал?

– Нет.

– Подумай хорошенько.

Я сделал вид, что задумался. В это время Фюсун достала у меня из кармана водительские права и с любопытством вертела их в руках.

– Этхем-бей, – прочитала она. – У меня тоже есть молочное имя. Ладно. Ты подумал?

– Да, подумал. Я тебе ни разу не врал.

– Именно сейчас или в эти дни?

– Никогда... – сказал я. – Мы пока на той стадии, когда ложь не требуется.

– То есть?

Я пояснил, что наши отношения не ради выгоды или общего дела и, пусть мы скрываем их ото всех, друг к другу у нас искренние, чистые чувства и нам не нужно менять их на ложь.

– Уверена, ты мне соврал, – призналась Фюсун.

– Быстро же иссякло твое уважение ко мне!

– Признаться, я бы хотела, чтобы ты мне врал... Ведь обычно врут ради того, что больше всего на свете боятся потерять.

– Конечно, я вру ради тебя... Но тебе я не вру. Если хочешь, начну... Давай завтра опять встретимся. Хорошо?

– Хорошо! – согласилась Фюсун.

Я обнял ее изо всех сил и вдохнул запах ее кожи на шее. Всякий раз, когда я вдыхал этот запах – смесь ароматов морского воздуха и водорослей, жженого сахара и ванильного печенья, – меня наполняло чувство надежды и счастья, но часы, проведенные с Фюсун, ничего не меняли в ходе моей жизни. Наверное, так было потому, что это счастье и радость я воспринимал словно само собой разумеющееся.

И все же именно в те дни я впервые почувствовал появление в своей душе тех трещин и ран, от которых многие мужчины на всю жизнь обрекают себя на безнадежное, глубокое, черное одиночество. Отныне я каждый вечер перед сном доставал из холодильника бутылку раки, наливал себе стаканчик и, глядя из окна на улицу, пил один. Окна моей спальни в квартире на верхнем этаже напротив мечети Тешвикие выходили на дома таких же семей, как наша, и с самого детства я любил сидеть у себя в темной комнате, смотреть на огни и испытывать от этого абсолютный покой.

Теми ночами, окунаясь в свечение ночного Нишанташи, я то и дело возвращался к мысли, что, если мне хочется вести ту прекрасную и счастливую жизнь со всеми привычными ее радостями, которая у меня была, не нужно влюбляться в Фюсун. Я смутно понимал, что для этого должен не придавать большого значения ее проблемам и историям, ее миру. После уроков математики и любовных утех на разговоры у нас оставалось совсем немного времени, так что добиться задуманного не составило бы труда. Торопливо одевшись после очередного нежного любовного соития и выходя из квартиры, я иногда уверял себя, что Фюсун тоже проявляет усилие, чтобы не придавать большого значения отношениям со мной.

Мне кажется, чтобы понять происходившее со мной, надо учитывать, какое громадное удовольствие получали мы в те слишком счастливые, невероятно сладостные мгновения, осознавать, какое счастье переживали мы оба. Конечно, движущей силой моей истории было стремление растянуть любовные минуты, а также зависимость от наслаждения. Всякий раз, когда я, пытаясь понять причину моей многолетней привязанности к Фюсун, вспоминал те бесподобные мгновения, уходившие шлейфом в вечность, вместо логических мыслей оживали прекрасные сцены проведенных вместе часов. Красавица Фюсун сидит у меня на коленях, и я ласкаю языком ее большую левую грудь... Или же капли пота стекают с моего лба и подбородка на красивый затылок Фюсун, и я люблю ее прекрасной спиной и ягодицами... Или то, как она, вскрикнув от сладостной истомы, на мгновение открывает глаза... Или выражение, которое появляется на ее лице в самый приятный момент нашего соития...

Позднее я понял, что эти сцены не были причиной удовольствия и счастья, которое я испытывал, а лишь возбуждали мое сознание. Размышляя над тем, почему моя любовь к Фюсун столь сильна, я пытался воссоздать в воображении не только наши ласки, но и все, что нас окружало. Помню, как за окном на дерево взгромоздились две вороны, одна из них внезапно села на железную решетку балкона и уставилась на нас. Когда я был маленьким, к нам на перила усаживалась точно такая же ворона, и мама говорила мне: «Ну-ка, давай спи! А то ворона прилетела проверить, спишь ты или нет!» – и я испуганно прятался под одеяло. Фюсун рассказывала, что и к ней в детстве тоже прилетала ворона.

Иногда сама обстановка холодной и пыльной комнаты, иногда старые простыни и неприятный вид наших бледных тел на них, иногда звуки извне – шум машин, грохот бесконечных стамбульскихстроек, крики уличных торговцев – возвращали нас к реальности, показывая, что наше любовное действо происходит не в мире грез. Бывало, мы слышали гудки парохода, доносившиеся до нас из Долмабахче или Бешикташа, и пытались угадать, что это за корабль. Но при каждой новой встрече мы предавались ласкам все искреннее и свободнее, и я понимал, что мое счастье вызвано не только таинством фантазий и весьма притягательным физическим процессом, но и любованием складочками, прыщиками, волосками, многочисленными родинками и всякими пятнышками на теле Фюсун.

Что меня привязывало к ней, кроме нашего безграничного и простодушного удовольствия от занятий любовью? И почему я мог быть таким искренним во время близости с ней? Родилась ли наша любовь из наслаждения и из постоянного к нему стремления или из чего-то другого, что подпитывало взаимное желание? В те счастливые дни, когда мы с Фюсун тайно встречались и предавались любви, я совершенно не задавался такими вопросами, а вел себя точно ребенок в кондитерской, который жадно ест купленные матерью сладости.



## 14. Улицы, скверы, мосты и площади Стамбула

Однажды Фюсун, упомянув некоего школьного учителя, который ей в юности нравился, заметила: «Он был не такой, как все мужчины». Я спросил ее, что она имеет в виду, но ответа не получил. Два дня спустя я еще раз поинтересовался, какой смысл она вкладывает в выражение «быть не таким, как все мужчины».

– Я знаю, ты спрашиваешь потому, что для тебя это важно, – произнесла Фюсун, вставая с кровати. – И хочу сказать без обиняков. Хочешь?

– Конечно... Почему ты встаешь?

– Не хочу быть раздетой, когда буду говорить то, о чем хочу рассказать.

– Мне тоже одеться? – спросил я. Она не ответила, и я натянул штаны.

Пачку сигарет, пепельницу из Кютахьи, стакан и чашку (из нее пила Фюсун), морскую раковину, которую она вертела в руках, пока рассказывала одну за другой свои истории, а также напоминавшие детские ее заколки я поместил в свой музей, чтобы никто никогда не забыл, что происходившее касалось маленькой девочки, совсем еще ребенка, и чтобы сами предметы поведали посетителям моего музея, какая тяжелая и гнетущая атмосфера воцарилась тогда в комнате.

Фюсун начала рассказ с хозяина маленькой лавки на улице Куйулу Бостан, где продавались табак, дешевые игрушки и газеты. Этот дядюшка Сефиль (назовем его именем нарицательным)<sup>5</sup> был приятелем ее отца; иногда они встречались поиграть в нарды. Всякий раз, когда отец посылал Фюсун, которой тогда не исполнилось десяти, к нему в лавку за лимонадом, сигаретами или пивом, дядюшка Сефиль старался задержать ее под каким-нибудь предлогом, вроде такого: «Сдачи нет, подожди, я тебе лимонада дам», а летом, когда рядом никого не было, говорил: «Да ты вся вспотела!» – и ошупывал ее.

Когда ей исполнилось двенадцать, у них появился сосед, которого она прозвала Усатое Дерьмо. Раз или два в неделю он со своей толстухой-женой приходил к ним в гости. Пока все слушали радио, беседовали, пили чай и лакомились сладостями, этот рослый человек, которого так любил ее отец, осторожно, чтобы никто не заметил (сама Фюсун не понимала, что происходит), клал ей руку то на талию, то на плечо, то на бедро, то на коленку и делал вид, будто забыл ее убрать. Иногда его рука «ненароком» так метко падала Фюсун на коленку, как созревшая груша – в корзину; и, пока, слегка дрожа и потея, рука оставалась недвижимой, сама Фюсун боялась пошевелиться, словно на ноге у нее поселился страшный краб, а сосед как ни в чем не бывало, держа другой рукой чашку с чаем, продолжал мирную беседу.

Однажды десятилетняя Фюсун захотела сесть к отцу, который играл с друзьями в карты. Но он не разрешил: «Подожди, дочка; видишь, я занят». Тогда некто Сакиль-бей<sup>6</sup>, партнер отца по игре, позвал ее: «Иди ко мне, пускай мне повезет», – и гладил ее так, что эти ласки не казались ей потом невинными.

Улицы, скверы, мосты, кинотеатры, автобусы, многолюдные площади, безлюдные переулки и спуски Стамбула кишели мрачными фигурами этих добродушных дядюшек, оживавших в ее воспоминаниях, словно призраки зла, ни одного из которых она, правда, не смогла возненавидеть («Возможно, потому, что ни один из них по-настоящему не сделал мне ничего плохого»). Единственное, что поражало Фюсун, – упорное нежелание отца замечать, как каждый второй из его гостей очень быстро превращался в этого добродушного дядюшку и, зажав ее на кухне или в коридоре, принимался тискать бедную девочку. В тринадцать она поняла, что

---

<sup>5</sup> Сефиль – дословно «жалкий, убогий».

<sup>6</sup> Сакиль – дословно «некрасивый, безобразный».

ее сочтут порядочной девушкой, если она не станет жаловаться на коварные домогательства всех этих соседей, приятелей и знакомых.

В те годы в нее влюбился лицеист (единственный воздыхатель, от которого у Фюсун не осталось плохих воспоминаний), и, когда он в один прекрасный день написал на тротуаре под ее окном «Я тебя люблю», отец за ухо подвел неудачливого влюбленного к окну Фюсун и, показав на надпись, у нее на глазах отвесил ему затрещину. А она со временем, как и любая приличная стамбульская девушка, научилась не ходить в одиночестве по безлюдным паркам, заброшенным пустырям и глухим переулкам – в общем, по таким местам, где в любой момент мог появиться какой-нибудь дядюшка и с удовольствием продемонстрировать ей свой причиндал.

Эти домогательства не омрачили ее оптимистичного отношения к жизни потому, что мужчины, подчиняясь скрытому ритму мрачной мелодии страсти, невольно выдали ей и свое слабое место. За ней по пятам ходило целое полчище зевак, большинство из которых видели ее до этого только раз – где-нибудь на улице или у школы, перед кинотеатром или в автобусе. Некоторые потом преследовали ее месяцами, но она делала вид, что не замечает их, и не жалела никого (о жалости спросил ее я). Ходившие следом не всегда бывали терпеливы, нежно влюблены или вежливы. Многие не выдерживали и пытались заговорить с ней («Вы очень красивая!», «Можно пойти с вами?», «Я хочу кое о чем вас спросить!» и т. д.), а когда она не отвечала, злились и раздражались непристойной бранью в ее адрес. Были и такие, кто приводил друзей, чтобы показать девушку – предмет их неотступной слежки – и узнать мнение приятелей, или те, кто, не отставая от Фюсун ни на шаг, скабрёзно хихикал, кто-то еще пытался посылать письма и подарки, а иные просто плакали. Одно время она смело подходила к ним, но однажды настырный воздыхатель толкнул ее и попытался насильно поцеловать, и впредь она так не делала.

С четырнадцати лет, с тех пор как она узнала все мужские приемы и поняла намерения «других мужчин», она, конечно, больше не позволяла себя незаметно трогать, больше не попадалась на их уловки, но на улицах города всегда находились такие, кто находил способ нагло прикоснуться, прижаться к ней или ущипнуть ее сзади. Теперь она уже не удивлялась, когда кто-нибудь, высунув руку из окна автомобиля, пытался на ходу прикоснуться к ней, или когда, сделав вид, что подвернул на лестнице ногу, хотел за нее ухватиться, или когда в лифте приставал с поцелуями; ее не удивляло, как продавец, отдавая сдачу, делал все, чтобы погладить ее пальцы.

Каждый мужчина, который тайно встречается с красивой женщиной, вынужден слушать – иногда с ревностью, в основном со смехом, а порой с жалостью и презрением – подобные истории о разных субъектах, которые пытаются познакомиться или пристают к его возлюбленной. Так, директором вступительных курсов был молчаливый, нервный человек лет тридцати с извечно налаченными волосами. Под различными поводами он зазывал Фюсун к себе в кабинет: «У тебя не сданы документы!», «Твоя контрольная потерялась!» – заводя долгие речи о смысле жизни, о красотах Стамбула, о недавно изданных стихах, но, не получив поощрения к дальнейшим действиям, разворачивался к ней спиной и, глядя в окно, глухим голосом шипел, как ругательство: «Можешь идти...»

Ей не хотелось рассказывать обо всех, кто приходил за покупками в бутик «Шанзелизе», только чтобы взглянуть на нее, – среди таких была даже одна дама, а Шенай-ханым, пользуясь этим, продавала им все подряд. По моему настоянию Фюсун упомянула о самом смешном из клиентов: низкорослый пятидесятилетний толстяк, с торчащими, как щетина, усами, был похож на кувшин и очень богат. Он подолгу разговаривал с Шенай-ханым, то и дело вставляя в речь длинные фразы по-французски, которые неловко выговаривал маленьким ротиком; Лимон, کنار Фюсун, не выносил запаха его одеколона, которым потом благоухал весь магазин.

Среди нескольких кандидатов в женихи, которых ее мать приводила, так сказать, на смотрины, но чтобы дочь не догадалась, ей понравился один, мысли которого были заняты скорее не женитьбой, а ею самой, и она даже несколько раз встречалась и целовалась с ним. В прошлом году в нее без памяти влюбился один парень из Роберт-колледжа, они познакомились на музыкальном конкурсе лицеев, проходившем в Стамбульском спортивно-концертном комплексе. Он встречал ее у школы, и они каждый день ходили вместе гулять, несколько раз целовались. Ведущий конкурса красоты – певец Хакан Серинкан, ей понравился не потому, что он известный, а потому, что проявлял к ней нежность и заботу во время конкурса, в то время как за кулисами все только и делали, что плели интриги и откровенно старались друг друга подставить. Он даже заранее прошептал ей на ухо ее вопросы по культуре и искусству (и ответы на них), которых смертельно боялись все девушки, но потом, когда сей старомодный деятель эстрады с большими восточными усами начал обрывать ей телефон, она не стала подходить, – правда, мама тоже была против него. Выражение моего лица при этих словах Фюсун совершенно справедливо и не без удовольствия истолковала как проявление ревности и с нежностью поспешила успокоить: с шестнадцати лет она ни в кого не влюблялась. Ей не нравилось, что во всех журналах, по телевидению и в песнях бесконечно судачили о любви, – по ее мнению, об этом чувстве не всегда говорят честно, и она полагала, что многие, кто не влюблен по-настоящему, преувеличивают свои чувства, чтобы понравиться. Любовь для нее означала то, когда ради другого можно пожертвовать жизнью и быть готовым на все. Но такое у каждого человека бывает только раз в жизни.

– Ты хотя бы однажды чувствовала что-то подобное? – поинтересовался я, ложась рядом с ней.

– Всего несколько раз, – ответила она и на некоторое время задумалась, как осмотрительный человек, который старается говорить правду. А потом рассказала об одном человеке.

Тот приятный, богатый и «конечно, женатый» коммерсант влюбился в нее столь страстно, что его любовь начинала напоминать навязчивую идею, и поэтому Фюсун почувствовала, что тоже сможет полюбить его. По вечерам, когда она выходила из магазина, он забирал ее на своем «мустанге» с угла улицы Ак-кавак, и они ездили на смотровую площадку к Часовой башне в Долмабахче, откуда был виден Босфор, где они пили чай, сидя в машине, либо подолгу, иногда под дождем, целовались в машине, и охваченный страстью тридцатипятилетний мужчина, забыв, что женат, предлагал Фюсун стать его женой. Наверное, я бы смог заглушить поднимающуюся во мне ревность, понимая, посмеиваясь над мучениями коммерсанта, как того хотелось Фюсун, но, когда она назвала марку его машины, дело, которым он занимался, а потом, добавив, что у него большие зеленые глаза, внезапно сообщила и его имя, меня охватил приступ жгучей ревности. Человек, которого назвала Фюсун, Тургай-бей, был богатым текстильным фабрикантом, другом нашей семьи и деловым партнером, с которым все мы – отец, брат и я – часто встречались. Я много раз видел этого высокого, красивого и непомерно здорового человека у нас на улице в Нишанташи, счастливым, в кругу семьи, с женой и детьми. Неужели я почувствовал столь сильную ревность оттого, что всегда уважал Тургай-бея за привязанность к своей семье, за его трудолюбие, честность и порядочность? Фюсун сказала, что сначала он, чтобы добиться благосклонности, несколько месяцев почти каждый день приходил в бутик «Шанзелизе» и, чтобы задобрить Шенай-ханым, подметившую, к чему все клонится, скупал все подряд.

Она принимала его подарки, так как Шенай-ханым велела ей «не обижать любезного клиента». Убедившись же, что он ее любит, начала встречаться с ним, но «лишь из любопытства» и даже испытывала к нему «странное влечение». Как-то раз, снежным зимним днем, они поехали на его машине, опять же по настоянию Шенай-ханым, в Бебек «помогать» ее приятельнице, открывшей там модный магазин. На обратном пути поужинали в Ортакёе, и чересчур осмелевший от изрядного количества раки Тургай-бей стал уговаривать ее «попить кофе» в

номерах на окраинах Шишли. Когда Фюсун отказалась, «чуткий и изящный человек» потерял голову и кинулся к ней с уверениями, что купит ей все, чего Фюсун ни пожелает, лишь бы она поехала с ним. Остановив машину на каком-то пустыре, он начал целовать ее, как обычно, но Фюсун в тот день целоваться не хотелось, и тогда он попытался насильно овладеть ею. «Одновременно он говорил, что даст мне за это много денег, – продолжала Фюсун. – На следующий день, когда магазин закрылся, на свидание я не пошла. Через день он сам пришел как ни в чем не бывало. Просил и умолял встретиться, а чтобы я запомнила проведенные вместе счастливые дни, подарил мне игрушечный „мустанг“ и оставил у Шенай-ханым. Больше к нему в машину я не села. Конечно, мне нужно было сделать так, чтобы он больше не приходил. Но меня так подкупило, что он влюбился в меня, точно подросток, и забыл обо всем, и я не смогла этого сказать. Может быть, пожалела его, не знаю. Он приходил каждый день, делал покупки на большие суммы, отчего очень радовалась Шенай-ханым, заказывал что-нибудь для жены, но, стоило ему увидеть где-нибудь в углу меня, взгляд его зеленых глаз туманился, и он принимался умолять: „Давай встречаться как раньше! Хорошо! Каждый вечер! Давай будем опять кататься по городу, больше я ни о чем не прошу“. После того как появился ты, я, когда приходит он, ухожу в служебную комнату. Теперь, правда, он бывает в магазине реже».

– Почему зимой, целуясь с ним в машине, ты не пошла до конца?

– Тогда мне еще не было восемнадцати, – с серьезным видом, насупив брови, объяснила Фюсун. – Восемнадцать лет мне исполнилось двенадцатого апреля, за две недели до того, как мы с тобой встретились у нас в магазине.

Если важнейшим признаком любви являются неотступные мысли о партнере или о кандидате в партнеры, я, видимо, был на грани того, чтобы влюбиться в Фюсун. Но благоразумный и хладнокровный человек во мне останавливал, подсказывая: причина того, что мой разум постоянно занят мыслями о Фюсун, кроется в существовании других ее мужчин, о которых мне известно. Тут, конечно, можно возразить, что ревность – также весьма важный признак любви, но на это голос рассудка встревоженно спешил убедить в скоротечности моего отношения: я привыкну к списку «других мужчин», с которыми целовалась Фюсун, и, наверное, даже стану презирать их за то, что они не сумели пойти дальше поцелуев. Однако в тот день, занимаясь с ней любовью, я удивился, заметив, что, помимо обычного искреннего стремления к физическому счастью, всегда состоявшего из сочетания игры, любопытства и страсти, веду себя так, будто стремлюсь, выражаясь книжным языком, «обладать ею», и потому демонстрирую ей свои желания грубо и в повелительной форме.

## 15. Некоторые неблагоприятные антропологические детали

Раз уж я упомянул здесь слово «обладать», то мне хочется затронуть тему, составляющую фундамент нашей истории, и без того хорошо знакомую некоторым моим читателям и посетителям моего музея. Однако будущим поколениям не так-то просто понять суть данного предмета, а посему думаю, что мне надлежит сообщить читателю некоторые «особые» – в наши времена говорили «неблагоприятные» – сведения касательно культуры нашего общества.

Через тысячу девятьсот семьдесят пять лет после пришествия пророка Исы (Иисуса Христа) на землях Балканского полуострова, Ближнего Востока, Северного, Южного и Восточного Средиземноморья «невинность» девушек продолжала считаться драгоценным сокровищем, которое следовало беречь до свадьбы. В некоторых районах Стамбула его ценность несколько понизилась, на что повлияли условия городской жизни, а также европеизация нравов, приведшая к тому, что часто девушки выходили замуж не такими юными. Но если в те годы девушка решалась до свадьбы «пойти с мужчиной до конца», это имело большое значение и оказывалось чревато самыми серьезными последствиями – даже в европеизированных и состоятельных кругах Стамбула.

В лучшем случае это означало, как в моей ситуации, что молодые люди давно решили пожениться. В кругу состоятельных людей, не чуждых западной культуре, сближение помолвленных или решивших обручиться молодых людей воспринималось весьма снисходительно, хотя и считалось редкостью. Молодые женщины из высшего общества, получившие прекрасное образование в Европе, доверившись будущим мужьям до свадьбы, предпочитали объяснять свой поступок раскрепощенностью, освобождающей их от уз традиции.

Если же случалось такое, что девушка теряла девственность в результате изнасилования в компании, по глупости или чрезмерной смелости, когда речь не шла о доверии хорошо знакомому человеку, а союза сердец никто и не ждал, и не одобрял, мужчина (если он, конечно, обладал понятием чести в традиционном смысле) должен был жениться на девушке, дабы спасти ее честь. Ахмед, брат моего друга и героя нашего повествования Мехмеда, женился на Севде, с которой нынче весьма счастлив, именно в результате такого вот недоразумения, под давлением угрызений совести.

Если мужчина пытался дать деру или когда совращенной им красавице не исполнилось восемнадцати, ее разгневанный папаша мог подать в суд и заставить развратника жениться на обесчещенной дочери. Подобные дела нередко освещались в прессе, и тогда глаза «соблазненной», как тогда писали, барышни на фотографии закрывали черной полоской, чтобы никто не узнал о ее позоре. Так как подобные же полоски использовались в полицейских сводках на фотографиях задержанных проституток и развратниц, в те годы чтение турецких газет напоминало поход на маскарад, где лица женщин скрывали маски. Правда, тогда лица турчанок без подобной полоски на глазах вообще были редкостью, если не считать представительниц «легких профессий», вроде певиц, актрис и участниц конкурсов красоты, а в рекламе предпочитали снимать иностранок, не исповедовавших ислам.

О том, чтобы разумная, не имевшая связей с мужчинами девушка попала в подобное положение и отдалась ловеласу, не намеревавшемуся на ней жениться, и представить было невозможно. Поэтому любой поступок такого рода считался непозволительной глупостью. В популярных тогда турецких мелодрамах излюбленным сюжетом были грустные истории, когда, например, девушке на «невинной» вечеринке незаметно подсыпали в лимонад снотворное и, воспользовавшись ее беспамятством, бесчестили бедняжку, лишив ее «самого драгоценного

сокровища». В конце таких фильмов добропорядочные героини обычно умирали, а подлые и грязные становились проститутками.

Конечно, обществом допускалось, что девушка могла поступить неразумно в результате физического желания. Однако та, кто настолько страстно и откровенно любила физические удовольствия, что могла забыть ради них о традиции и приличиях, отпугивала кандидатов в мужа, поскольку слишком отличалась от других, да и такое поведение считалось недопустимым для порядочной девушки; кроме того, вполне вероятно, потом она ради собственного удовольствия обманула бы мужа. Один мой чрезмерно консервативный армейский приятель, смущаясь, признался (правда, в его словах звучало и раскаяние), что расстался со своей подругой только потому, что «они до свадьбы слишком часто занимались любовью» (хотя, естественно, друг другу не изменяли).

Несмотря на строгие правила и ужас положения несчастных, презревших их, – от изгнания из общества до смерти, среди молодых мужчин поразительным образом бытовала вера, что легкомысленных барышень пруд пруди. «Городское предание», как называли бы это социологи, особенно нравилось богатым провинциалам, переехавшим в Стамбул, беднякам и дельцам среднего пошиба: доступность женщин не вызывала ни у кого ни малейшего сомнения. Обитатели относительно богатых районов Стамбула – Таксима, Бейоглу, Шишли, Нишанташи и Бебека – также наивно искали воплощения этой легенды, особенно когда страдали от физического голода. Складывалось такое впечатление, будто, по общему убеждению, женщины, способные «пойти до конца» до свадьбы только ради удовольствия, «совсем как в Европе», живут исключительно в европеизированных районах города, как Нишанташи, где никогда не покрывают головы и носят мини-юбки. Многие мои друзья, вроде Хильми, дети богатых фабрикантов, воображали, что легендарные девушки готовы на все, лишь бы сесть к ним в «мерседес». По субботам, когда у разогретых пивом юношей начинало изрядно шуметь в голове, они яро и методично прочесывали на машине Стамбул, улицу за улицей, площадь за площадью, чтобы встретить наконец такую девушку. Десять лет назад я даже провел как-то вечер вместе с Хильми, разъезжая на «мерседесе» его отца в поисках вожделенной незнакомки, но мы так и не встретили ни одной подобной женщины – ни в длинной юбке, ни в короткой, зато потом заплатили сутенерам в дорогом отеле в Бебеке большие деньги, чтобы уединиться в номере с двумя танцовщицами, исполнявшими танец живота для туристов и гуляк. Пусть читатели будущих счастливых эпох сейчас осудят меня, скажу пару слов в защиту моего приятеля Хильми: несмотря на неумность своего характера, он вовсе не был уверен, что любая девушка в мини-юбке готова отдаться первому встречному, а, наоборот, защищал на улице крашенных блондинок от обидчиков, преследовавших их, и даже, если требовалось, влезал в драки с нищими безработными и традиционно усатыми молодыми оборванцами, чтобы «научить их культурно обращаться с женщинами». Я заговорил о женщинах, дабы несколько отдалиться от темы ревности, которую пробудили во мне истории Фюсун. Больше всего мне не давал покоя Тургай-бей. Я полагал, что причина кроется в том, что он знаком мне и живет в Нишанташи, а потому считал свою ревность вполне естественной и временной.

## 16. Ревность

Вечером того дня, когда Фюсун в красках рассказала о Тургай-бее, мы ужинали семейным кругом в старом летнем доме родителей Сибель на Босфоре, неподалеку от Азиатской крепости, где они проводили каждое лето. После ужина я подсел к Сибель.

– Дорогой, ты сегодня много выпил, – тихо заметила она. – Тебе не нравится, как идет подготовка?

– Да нет. Я рад, что помолвка будет в отеле «Хилтон», – попытался я развеять сомнения своей невесты. – Ты же знаешь, что моей матери хотелось видеть на помолвке как можно больше гостей. Вот и она будет довольна...

– Тогда что тебя беспокоит?

– Ничего... Дай-ка мне список приглашенных.

– Он у мамы, ей твоя мама отдала. – Сибель показала головой в сторону моей будущей тещи.

Я встал, сделал несколько шагов, от которых старинное, ветхое строение, каждая доска в котором пела на свой лад, сотрясало до основания, и сел рядом с ее матерью:

– Простите, я могу взглянуть на список приглашенных?

– Конечно, сынок.

Хотя перед глазами у меня все плыло от раки, я тотчас нашел имя Тургай-бея и вычеркнул его и в тот же миг, подчиняясь какому-то сладостному внутреннему голосу, вписал вместо него имена Фюсун и ее родителей, а также их адрес на улице Куйулу Бостан, потом вернул ей список и прошептал:

– Сударыня, человек, имя которого я сейчас зачеркнул, долгое время был близким другом нашей семьи, но некоторое время назад, при совершении одной крупной сделки по производству пряжи, его, увы, обуяла жадность, и он сознательно причинил нам много неприятностей. Моя мать об этом не знает.

– Мало кто в наше время ценит старых друзей, хорошие человеческие отношения, как раньше, Кемаль-бей, – понимающе закивала она. – Надеюсь, люди, которых вы вписали вместо него, вас не огорчат. Сколько их?

– Это наши дальние родственники по материнской линии. Учитель истории, его жена, много лет работавшая портнихой, и их восемнадцатилетняя красавица-дочка.

– Вот хорошо! – обрадовалась будущая теща. – Среди приглашенных много молодых людей, и мы беспокоились, что им не с кем будет танцевать.

На обратном пути, засыпая в отцовском «шевроле» 56-й модели, который вел Четин-эфенди, я смотрел на лабиринты всегда темных по ночам главных улиц города, на красоту многовековых стен, которые поверх трещин, плесени и водорослей покрывали политические надписи, на причалы, освещенные прожекторами пароходов «Городских пассажирских линий», на высокие ветви столетних чинар. Отец, заснувший от легкой тряски автомобиля по брусчатке, тихонько похрапывал на заднем сиденье.

Мать была довольна, что все выходит так, как ей хотелось. Обычно, когда мы вместе возвращались из гостей, она прямо в машине излагала свое мнение о тех, у которых мы только что были.

«Прекрасные люди. Сразу видно – порядочные. И такие скромные, благовоспитанные, ничего не скажешь. Но что ж у них такой красивый дом – и в таком состоянии! Как же так можно? Вот жалость-то. Неужели нельзя в порядок его привести? Не верю. Но ты, сынок, не слушай меня! Красивее, образованнее и умнее Сибель тебе во всем Стамбуле девушки не найти».

Когда мы с родителями доехали до дверей нашего дома, мне вдруг захотелось пройтись. Я решил прогуляться до лавки Алааддина, где нам с братом мама покупала в детстве дешевые турецкие игрушки, шоколадки, мячи, ружья, шарики, карты, жвачки с вкладышами, комиксы и многое другое. Лавка еще не закрылась. Алааддин уже снял развешенные на каштане перед входом газеты и гасил свет, но, к моему удивлению, пригласил меня войти, так что я успел купить, порывшись среди мешков, дешевую куклу (теперь она в моем музее на своем месте). До момента, когда я подарю ее Фюсун и забуду в объятиях о ревности, оставалось еще пятнадцать часов, и я впервые ощутил боль оттого, что не могу ей позвонить.

Боль исходила из глубины души, оттуда же, где обычно возникало раскаяние. Интересно, что Фюсун сейчас делает? Ноги сами вели меня все дальше от дому. Дойдя до улицы Куйулу Бостан, я миновал кофейню, где мы с приятелями слушали радио и играли в карты, прошел мимо школьного двора, на котором мы играли мальчишками в футбол. И вот вдали показался их дом и освещенные окна квартиры на втором этаже. Чем дольше я смотрел на эти окна, под которыми рос каштан, тем сильнее билось мое сердце. Голос рассудка, как ни боролся с ним алкоголь, не замолчал и твердил еще назойливее, что сейчас дверь откроет отец Фюсун и не оберешься позора.

Годами позже я заказал для своего музея картину. На ней довольно хорошо видны светящиеся окна дома Фюсун, ветви каштана, на которые падал желтоватый свет от окон, и глубина темно-синего ночного неба над Нишанташи, будто изображенного художником со всеми трубами и крышами. Не знаю только, видна ли посетителям музея на этой картине ревность, которую испытывал я, глядя на тот пейзаж?

Пока я не мог оторвать глаз от светлых окон на втором этаже, мой пьяный разум откровенно сообщил мне, что пришел я сюда этой лунной ночью увидеть, поцеловать Фюсун и поговорить с нею лишь для того, чтобы увериться: сегодняшний вечер она не проводит с кем-то другим. Ведь раз уж она смогла «пойти до конца» со мной, вдруг любопытство заставит ее испытать, каково сделать это с другими поклонниками, которых она перечислила мне тогда. Своей восторженной и искренней радостью от физических удовольствий Фюсун напоминала мне ребенка, получившего новую игрушку. Такую привязанность к наслаждениям, такую способность отдаваться всем существом я встречал лишь у немногих женщин, и это постепенно усиливало мою ревность. Не помню, сколько я смотрел на ее окна. Вернувшись домой с купленной в подарок куклой, я лег спать.

Утром, по пути на работу, мне не давали покоя размышления о ночном поступке – избавиться от яда ревности так и не удалось. Мысль о том, что я влюблен, показалась мне ужасной. Манекенщица Инге, рекламирующая лимонад «Мельтем», кокетливо подмигивала с бокового фасада какого-то здания и взглядом советовала быть поосторожнее. Я решил было в шуточной форме рассказать о своей тайне приятелям – Заиму, Мехмеду и Хильми: ирония мешает страсти достичь серьезных размеров. Но потом передумал, так как не был уверен, смогут ли самые близкие мои друзья – я подозревал, что им нравилась Сибель, ведь недаром они говорили, как мне повезло, – помочь и выслушать без зависти рассказ о Фюсун, которая тоже нравилась им. К тому же, едва заговорив об этом, обнажу свои чувства и вскоре захочу говорить о Фюсун искренне и честно, без насмешек, как того требует ее открытость и искренность, и друзья сразу поймут, что я влюбился не на шутку. Так что, пока мимо окна моего кабинета с грохотом проносились автобусы в Мачку и Левент, на которых мы в детстве ездили с мамой и братом домой с площади Тюнель, я пришел к выводу, что сейчас не стану предпринимать ничего, чтобы волнение, вызываемое во мне Фюсун, не пошатнуло счастливый брак, который приближался день ото дня. Я решил, что лучше оставить все как есть и спокойно наслаждаться удовольствием и счастьем, которыми меня щедро одарила жизнь.



## 17. Теперь моя жизнь связана с твоей

Обо всех принятых решениях было тут же мною забыто, когда Фюсун опоздала на десять минут. Бросая взгляды на наручные часы, подарок Сибель, и настенные часы марки «Насаг» (Фюсун нравилось раскачивать их гири и слушать бой), я то и дело выглядывал из-за занавесок на улицу, на проспект Тешвикие, мерил шагами певший на все лады старый паркет, а одержимый страстью Тургай-бей все не давал мне покоя. Через некоторое время, не усидев, я выбежал на улицу. Направляясь по проспекту Тешвикие в сторону бутика «Шанзелизе», я внимательно посматривал по обеим сторонам, чтобы не разминуться с Фюсун, если она спешит ко мне. Но ее не было ни на улице, ни в магазине.

– Здравствуйте, Кемаль-бей, – приветливо улыбнулась Шенай-ханым.  
– Мы все-таки решили с Сибель-ханым купить ту сумку.  
– Значит, передумали? – В уголках рта Шенай-ханым показалась насмешливая улыбка, но тут же исчезла.

Если у меня и есть повод стыдиться из-за Фюсун, Шенай-ханым тоже есть чего стесняться – сознательно продает подделки. Мы оба молчали. Невероятно медленно, что показалось мне пыткой, она сняла с манекена на витрине поддельную сумку и аккуратно, с видом опытной продавщицы, для которой продавать товар с витрины – особая честь, сдула с нее пыль. А я смотрел на кенара Фюсун, который в тот день что-то приуныл.

Шенай-ханым вручила мне пакет, я отдал ей деньги и уже собирался выходить, как вдруг она сказала, явно не без удовольствия от двусмысленности фразы:

– Вы, значит, теперь нам доверяете и отныне будете чаще оказывать честь нашему магазину.  
– Конечно.

Неужели она что-то скажет Сибель, заходившей в этот магазин, если я не начну здесь покупать? Меня, правда, не беспокоило, что я постепенно запутываюсь в сетях хитрой женщины, зато огорчало, что обращаю внимание на подобные мелочи. И вдруг я представил, как Фюсун поднимается в квартиру «Дома милосердия», не застает меня и уходит...

День был погожий, поистине весенний. Оживленно туда-сюда сновали люди: домохозяйки, отправившиеся за ежедневными покупками; девушки, неловко шагавшие на первом солнце в только что вошедших в моду туфлях на высокой платформе, с широким каблуком и в мини-юбках; школьники, прогуливавшие последние занятия в первые летние деньки. Разыскивая глазами в толпе Фюсун, я видел цыганок, торговавших цветами, продавца контрабандных американских сигарет (его все считали тайным агентом полиции) – в общем, всех, кто создавал привычную уличную жизнь Нишанташи.

Мимо проехал грузовик с цистерной воды, сбоку красовалась надпись «Чистая вода „Жизнь“». Затем показалась Фюсун.

– Ты где? – одновременно спросили мы друг у друга. И тут же одновременно рассмеялись.

– Старая карга осталась в магазине на обед, а меня отправила помочь одной своей подруге. Я опоздала, а тебя уже не было.

– А я волновался, ходил к тебе в магазин. Купил ту сумку на память.

В тот день на Фюсун были сережки, одна из которых ныне выставлена на входе в мой музей. Мы вместе шли по улице. С проспекта Валиконак повернули на менее оживленный Эмляк. Прошли мимо домов, где располагались кабинеты врачей, куда мама водила меня в детстве, – зубного и педиатра, всегда засовывавшего мне в рот твердую холодную ложку, чего я никогда не забуду, и вдруг увидели, что внизу улицы, у подножия холма, собралась толпа,

несколько человек бегут в ту сторону, а другие, наоборот, идут нам навстречу с очень странным выражением лица.

Оказалось, произошла автомобильная авария, движение остановилось. У недавно проезжавшего мимо меня вниз по улице грузовика с цистерной лопнул тормоз, и машина выехала на встречную полосу, врезавшись в такси марки «плимут», какие сохранились в Стамбуле с 1940-х годов и курсировали между Тешвикие и Таксимом. Водитель грузовика стоял с дрожащими руками неподалеку и курил. Вся передняя часть легкового автомобиля была смята. Целым остался только таксометр посреди салона. Из-за спин прибывавшей толпы я разглядел окровавленное тело женщины, зажатой на переднем сиденье между разбитым лобовым стеклом и металлическими частями машины, и тут же узнал смуглую посетительницу бутика «Шанзелизе», выходившую оттуда. Мостовую усыпали бесчисленные осколки. Я взял Фюсун за руку и тихо сказал: «Пойдем». Но она не услышала меня. Застыв, не отрывая взгляда, она смотрела на мертвую.

Когда людей собралось слишком много, мы наконец ушли, так как меня беспокоила не столько погибшая (она, видимо, умерла сразу, да и полиция уже приехала), сколько вероятность нарваться на кого-то из знакомых. Молча мы поднимались по улице от полицейского участка к «Дому милосердия», быстро приближаясь к тому мгновению, которое в начале своей книги я назвал «счастливейшим мигом моей жизни».

В прохладном парадном я обнял Фюсун и поцеловал в губы. Еще раз поцеловал, когда мы вошли в квартиру. Но на ее скульптурных губах читалась неловкость, а в ней самой чувствовалась какая-то зажатость.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – проговорила она.

– Да.

– Я боюсь, ты не воспримешь всерьез того, что я тебе скажу, или совершенно неправильно отреагируешь.

– Доверься мне.

– Вот именно в этом я и не уверена, но все равно скажу, – решительно произнесла она. Я почувствовал, что стрела выпущена из лука и теперь она не сумеет удержать слова в себе. – Если ты неправильно поймешь меня, я умру, – добавила Фюсун.

– Милая, если ты переживаешь из-за аварии, то забудь ее и говори, что ты хочешь мне сказать.

Она вдруг тихонько заплакала, совсем как тогда в бутике «Шанзелизе», когда не могла вернуть мне деньги за сумку. Ее плач стал похож на капризные всхлипывания обиженного ребенка.

– Я в тебя влюбилась. Я жутко в тебя влюбилась! – В ее голосе звучал укор, но и неожиданная нежность. – Целыми днями думаю только о тебе. С утра до вечера думаю о тебе.

Закрыв руками лицо, она разрыдалась.

Должен признаться, первой моей реакцией было глупо рассмеяться. Но я не поддался порыву. Только с серьезным видом нахмурил брови, пытаясь скрыть огромную радость. Я чувствовал в себе какую-то фальшь, хотя, думаю, то был один из самых искренних и насыщенных моментов моей жизни.

– Я тоже очень тебя люблю.

И хотя эти слова были сказаны мною искренне, они не получились такими сильными и настоящими, как ее. Это ведь она первой призналась. А так как я лишь ответил ей, то в моем уверении, несмотря на правду, звучала нотка утешения и вежливости и улавливалось стремление к подражанию. Если бы я даже и в самом деле любил ее крепче, чем она меня (так, весьма вероятно, и было), Фюсун все равно уже проиграла мне, потому что первой признала пугающие размеры нашей любви. «Знатор чувств» во мне (неприятно было вспоминать, откуда

и как он во мне появился) радостно возвещал, что неопытная Фюсун сдала «игру», поскольку повела себя откровеннее. Теперь моим мукам ревности и навязчивым мыслям пришел конец.

Она продолжала всхлипывать и вытащила из кармана по-детски скомканный платок. Я обнял ее и, целуя невероятно нежную бархатистую кожу шеи и плеч Фюсун, сказал, что глупо плакать из-за любви такой красавице, как она, от которой теряют голову столько мужчин.

В слезах она упрекнула:

– По-твоему, красивые девушки не влюбляются? – и добавила: – Раз уж ты такой знаток, то скажи... Что будет потом?

Ее глаза умоляли, чтобы я открыл ей правду, и никакие слова о любви и красоте не отвлекли бы от переживаний. Но сказать мне было нечего.

Это я понимаю только сейчас, вспоминая о тех событиях десятилетия спустя. А тогда я испугался вопроса, который рассорил бы нас, про себя осудил за него Фюсун и принялся ее целовать.

Она отвечала на мои поцелуи и страстно, и беспомощно. Уточнила, это ли мой ответ. «Да», – уверил я. «Разве мы не собирались заняться математикой?» Она понемногу успокаивалась. Оставив реплику без внимания, я принялся жарче целовать Фюсун. В нашем безысходном положении обниматься и целоваться было гораздо естественней, чтобы ощутить неотвратимую мощь настоящего мгновения. По мере того как Фюсун снимала с себя одежду, вместо заплаканной, страдающей от любви девочки появлялась счастливая и полная жизни женщина, жаждущая физических наслаждений. Так мы очутились во власти мига, который я назвал самым счастливым моментом моей жизни.

На самом деле, проживая подобное, никто этого не осознает. В глубине души мы все равно верим, что когда-нибудь переживем нечто более прекрасное и счастливое, чем сейчас. Ведь в молодости – особенно пока ты молод – трудно жить, сознавая, что потом все будет только хуже, и если кто-то счастлив настолько, что способен поверить, будто переживает самый счастливый миг своей жизни, то обычно ему хватает оптимизма полагать, что будущее тоже окажется прекрасным.

Но когда наша жизнь, подобно роману, приобретает завершенную форму, мы можем выбирать и решать, какой же момент стал самым счастливым, что я и делаю сейчас. Конечно, чтобы объяснить, почему из всего пережитого выбран именно этот момент, придется поведать историю жизни от начала до конца, довести роман до финала. Выбрав то мгновение счастья, мы испытываем боль, потому что знаем, оно осталось где-то очень далеко и больше не случится никогда. Единственное, что помогает вытерпеть эту муку, – вещи, сохранившиеся от того драгоценного мига. Они хранят счастливые воспоминания, их краски, тепло, удовольствие осознать и видеть вернее, нежели люди, благодаря которым мы познали самую суть счастья.

Во время продолжительных любовных ласк, когда мы, с трудом переводя дыхание, позабыли об окружающем мире, а я, поцеловав влажное плечо Фюсун, проник в нее сзади, покусывая ей шею и мочку левого уха, то есть в счастливейший миг моей жизни, сережка в виде заглавной буквы ее имени, на форму которой в тот день я не обратил никакого внимания, выскользнула из прекрасного уха Фюсун на голубую простыню.

Тому, кто имеет о смысле культуры хоть какое-либо представление, известно: за всеми знаниями западной цивилизации, властвующей над миром, стоят музеи, и их создатели, истинные коллекционеры, собирая памятные раритеты, никогда не задумываются, что тех ожидает. Как правило, даже не замечают главных и важнейших вещей будущих собраний, когда они впервые попадают в руки, хотя позднее классифицируют, описывают в каталогах (а ведь первые музейные каталоги – это первые энциклопедии) и выставляют для зрителей напоказ.

Когда миг, который я впоследствии назвал счастливейшим в своей жизни, закончился и настало время расставаться, пока одна из ее сережек пряталась рядом с нами в складках влажной простыни, Фюсун посмотрела мне в глаза и тихо проговорила:

– Теперь моя жизнь связана с твоей.

Ее слова мне понравились, но и напугали.

На следующий день было опять очень тепло. Когда мы встретились, Фюсун выглядела чем-то встревоженной.

– Я вчера потеряла сережку, – произнесла она, поцеловав меня.

– Твоя сережка здесь, дорогая моя. – Я засунул руку в правый карман пиджака, висевшего на спинке стула, но ее там не оказалось. – Странно, ничего нет.

У меня быстрее забилося сердце, будто над нами нависло какое-то неотвратимое несчастье, какое-то горе. Потом я вспомнил, что сегодня с утра очень жарко и я надел пиджак потоньше.

– Она осталась в другом пиджаке.

– Пожалуйста, принеси завтра, не забудь, – попросила Фюсун. В ее глазах можно было утонуть. – Эта сережка очень важна для меня.

## 18. История Белькыс

Сообщение об аварии занимало первую полосу всех газет. Фюсун их, конечно, не читала, но, так как Шенай-ханым все утро только и говорила что о погибшей, Фюсун решила, что некоторые обитательницы Нишанташи заходили в тот день в бутик «Шанзеллизе», лишь чтобы поговорить об аварии.

– Завтра Шенай-ханым закроет магазин после обеда, чтобы я тоже пошла на похороны, – сообщила мне Фюсун. – Она ведет себя так, будто все любили ту женщину. Но это не так.

– А как?

– Она часто приходила в наш магазин. Покупала самые дорогие платья, только что привезенные из Италии и Парижа, а потом, надев куда-нибудь на прием, возвращала обратно, будто оно ей не подошло. Шенай-ханым очень сердилась, так как платье, которое все уже видели, продать нелегко. Да и вела она себя довольно грубо, постоянно торговалась за каждый процент. Но отказать ей Шенай-ханым не могла, потому что у той женщины имелись связи. Ты ее знал?

– Нет. Правда, одно время она была любовницей моего приятеля, – начал было я, решив рассказать Фюсун историю погибшей женщины, сократив и изменив кое-какие детали. И вдруг осекся, поняв, что не смогу.

Мне подумалось, что лучше обсудить историю погибшей с Сибель. Я сразу почувствовал себя двуличным, потому что от обсуждения жизни несчастной с Сибель я получил бы больше удовольствия, нежели с Фюсун. А ведь еще неделю назад я запросто мог что-то утаить от Фюсун, с легким сердцем обмануть ее; тогда мне еще казалось, что ложь – забавная и неизбежная составляющая такого рода интрижек. По глазам Фюсун видно было, она понимает, что я не хочу делиться подробностями. И поэтому неожиданно для себя быстро сказал:

– У той женщины была очень грустная жизнь. Она много страдала и видела много унижения оттого, что легко отдавалась мужчинам.

Конечно, я имел в виду не это. Просто вырвалось бездумно. Воцарилось долгое молчание.

– Не беспокойся, – прошептала, покраснев, Фюсун. – У меня до конца жизни не будет никого, кроме тебя.

Спокойный и веселый, я вернулся на работу, яро принялся за дело и с энтузиазмом проработал довольно долго – будто пришел зарабатывать деньги впервые в жизни. Некоторое время назад в «Сат-Сат» поступил один молодой (намного моложе меня), но амбициозный сотрудник по имени Кенан. С ним мы обменялись шутками в адрес должников нашей компании, подробно разобрали список их имен, каких получилось примерно около сотни.

Вечером я шел в тени платанов Нишанташи, уже основательно обросших листвой, вдыхая аромат лип из садов старинных, еще не сгоревших от рук строителей османских особняков. Глядя на водителей, запертых внутри автомобилей в пробке и в ярости то и дело жавших на гудок, я понимал, что доволен жизнью, что недавние муки любви и ревности позади и все наладилось. Дома я, не торопясь, принял душ. Доставая из шкафа свежую рубашку, вспомнил о сережке Фюсун, но в кармане того пиджака, где я, как мне представлялось, ее оставил, ничего не оказалось тоже. Я обыскал все ящики, заглянул даже в кувшин, куда Фатьма-ханым складывала найденные оторвавшиеся пуговицы, косточки от воротников, выпавшие из карманов монетки и зажигалки, но сережки не было нигде.

– Фатьма-ханым, ты здесь где-нибудь не находила сережку? – тихо спросил я.

В светлой и просторной комнате, соседней с моей, которая принадлежала брату, пока он не женился, Фатьма-ханым раскладывала в шкафу чистые носовые платки, полотенца и наши с отцом рубашки, которые она нагладила после обеда. Пахло лавандой и чистым бельем. Фатьма-

ханым сказала, что «никаких таких сережек она не встречала». Потом из корзины с бельем вытащила, как нашкодившего котенка, один мой носок:

– Слушай меня, Железный Коготь! – Это имя она придумала мне, когда я был маленьким. – Если ты не будешь стричь ногти, у тебя не останется целых носков. И штопать я тебе больше не буду.

– Хорошо.

В углу гостиной, окна которой выходили на мечеть Тешвикие, парикмахер Басри стриг отца, восседавшего на табуретке в белой накидке, а мама, как всегда, расположилась перед ними, закинув ногу на ногу, и что-то им говорила.

– Иди сюда, я последние сплетни рассказываю, – позвала она, увидев меня.

Басри, только что изображавший с отсутствующим видом, что не слушает ее, после этих слов на мгновение бросил стричь отца и принялся со смехом, демонстрируя всем свои огромные белоснежные зубы, перечислять услышанные новости.

– Так о чем же говорят, мама?

– Младший сын Лерзанов мечтает стать гонщиком, а так как отец не разрешает...

– Знаю. Он вдребезги разбил отцовский «мерседес». А потом позвонил в полицию, что машину украли.

– А ты слышал, что сделал Шазимент, чтобы выдать свою дочку замуж за сына Карахана? Посто́й, ты куда?

– Я не буду ужинать, заберу Сибель, мы с ней идем в гости.

– Тогда поди скажи Бекри, пусть рыбу не жарит. Он ради тебя сегодня ходил в такую даль – на Рыбный рынок в Бейоглу. Хотя бы пообещай, что завтра обедать дома будешь!

– Обещаю!

Ковер перед приходом парикмахера загнули, чтобы не испачкать, и тонкие седые волосы отца падали на паркет.

Я забрал машину из гаража, включил музыку погромче и поехал по вымощенным плиткой улицам. Постукивая по рулю в такт песням, переехал Босфорский мост и за час добрался до Анатолийской крепости. Сибель, услышав сигнал автомобиля, выбежала из дому. По пути я начал рассказывать ей ту самую историю, которую не смог передать Фюсун, – историю женщины, погибшей три дня назад в аварии на проспекте Эмляк. Прежде всего я сообщил, что она – бывшая любовница Заима («Заима, Достойного Всего?» – с улыбкой спросила Сибель).

– Ее звали Белькыс, она старше меня на несколько лет. Ей, должно быть, где-то тридцать два – тридцать три года, – продолжал я. – Она из бедной семьи. С тех пор как ее начали принимать в высшем свете, злые языки, дабы унижить ее, поговаривали, что ее мать носила платок. В конце пятидесятых годов Белькыс, тогда еще студентка лицея, на Дне молодежи и спорта познакомилась со своим ровесником, и они страстно влюбились друг в друга. Парня звали Фарис, он был из семьи судовладельца Каптаноглу – одной из самых богатых тогда в Стамбуле, младший сын судовладельца. Любовь богатого парня к девушке из бедной семьи продолжалась много лет, как в турецких мелодрамах. Их чувства оказались так сильны, что молодые люди совсем потеряли голову, не сумев скрыть этого от окружающих. Конечно, лучше всего им было пожениться, но семья парня воспротивилась, потому что девушка из бедной семьи «пошла до конца», чтобы заполучить их сына, и об этом, мол, всем известно. Ну а у парня, видимо, не хватило ума, силы воли, да и собственных денег, чтобы бросить вызов семье, взять девчонку и жениться на ней. Чтобы положить конец этой истории, родные Фариса отправили его в Европу. Три года спустя он от чего-то умер в Париже – то ли от наркотиков, то ли с горя. А Белькыс, вместо того чтобы, как обычно поступают в подобных случаях, уехать с каким-нибудь французом и забыть о Турции, вернулась в Стамбул и зажила разгульной жизнью, встречаясь с разными богатыми мужчинами, отчего ее возненавидели все женщины большого света. Ее вторым любовником стал еще один богатый парень... Расставшись с ним, она завела любовную

интрижку со старшим сыном Демирбагов, который страдал от неразделенной любви к какой-то другой женщине. А так как ее следующий любовник, Рыфкы, тоже мучился от неразделенной любви, то вскоре все мужчины высшего общества прозвали ее «ангел для утешения» и все до одного мечтали провести с ней ночь. А их жены, беззаботные и богатые, которые в жизни не знали ни одного мужчины, кроме собственного мужа, и самое большее, что могли себе позволить, так это, тайком и сгорая от стыда, завести ненадолго любовника, но от страха не получить никакого удовольствия и с ним, из зависти мечтали придушить эту Белькыс, которая, не скрываясь, открыто встречалась с самыми завидными холостяками Стамбула и у которой, полагаю, было еще очень много тайных женатых любовников. Но в последнее время красота Белькыс стала вянуть, и недалек был тот день, когда ей не на что стало бы жить. Так что гибель в аварии для нее спасение.

– Поражаюсь тому, как это никто из всех ее мужчин на ней не женился, – проговорила Сибель. – Значит, никто из них не любил ее по-настоящему.

– На самом деле мужчины как раз и влюбляются в таких женщин, как она. Но женитьба – другое дело. Сумеет ли она выйти замуж за Фариса Каптаноглу, не сближаясь с ним до свадьбы, о бедности ее семьи быстро бы все забыли. Будь она из богатой семьи, потеря девственности до свадьбы тоже бы роли не играла. А так как Белькыс не смогла сделать то, что умеют провернуть все, и вела разгульную жизнь, женщины из высшего света много лет называли ее «шлюха для утешения». Хотя, может быть, ее стоит уважать за то, что она, очертя голову, поверила в первую любовь и смело отдалась своему возлюбленному.

– Ты уважаешь ее?

– Нет, она казалась мне отвратительной.

Мы приехали с Сибель на какой-то торжественный ужин – я забыл, по какому поводу и кем он был устроен. На длинной бетонной террасе перед большим особняком, прямо над водой, примерно шестьдесят или семьдесят человек с бокалами в руках негромко переговаривались и рассматривали, кто пришел. Большинство женщин, конечно, были недовольны своей короткой либо длинной юбкой, а нарядившиеся в мини-юбки чувствовали себя неуютно из-за слишком коротких либо же длинных, слишком толстых или худых ног. Поэтому все женщины напоминали неумелых натурщиц. Почти у самой террасы располагался причал, а рядом с ним – сток для нечистот, стекавших прямо в море, и на террасе, где торжественно вышагивали официанты в белых перчатках, ощущался резкий запах.

Едва смешавшись с толпой гостей, я познакомился с каким-то психологом, сразу всучившим мне визитку. Психолог недавно вернулся из Америки и открыл практику. Немолодая, но весьма бойкая дама спросила его, что такое любовь, и он немедленно выдал присутствующим сенсацию. «Любовью, – сказал он, – именуется чувство, дарующее счастье, которое выражается в постоянном желании быть рядом с определенным человеком, несмотря на наличие других возможностей общения».

После разговора о любви я пообщался с матерью красивой восемнадцатилетней девушки, стоявшей тут же, на тему того, куда, помимо турецких университетов, где постоянно проводятся разные политические акции протеста, можно устроить учиться дочь. Разговор об университетах начался с газетных сообщений о введении дополнительных санкций, вплоть до лишения свободы на длительный срок, против рабочих типографий, где печатают брошюры с вопросами к единому государственному вступительному экзамену в университет, чтобы никто не воровал.

Вскоре на террасе появились Заим – высокий, стройный, с выразительными глазами и изящным лицом – и худая, высокая, под стать ему, немецкая манекенщица Инге. Некоторую грусть вселяла не столько всеобщая зависть к этой паре, сколько то, что голубоглазая немка своей белоснежной кожей, натуральными светлыми волосами и длинными стройными ногами безжалостно напоминала стамбульским дамам, изо всех сил старавшимся походить на евро-

пейских женщин и ради этого осветлявшим волосы, выщипывавшим брови и скупавшим втридорога горы европейской одежды, что, к сожалению, природный цвет кожи и южную фигуру просто так не исправить. А мне она нравилась не столько из-за своей северной красоты, сколько потому, что ее улыбка и черты лица были знакомы мне, словно лицо старого друга. Мне нравилось встречать ее каждое утро сначала в ежедневной газете, потом по пути на работу, в Харбие, на боковом фасаде большого здания. Вокруг Инге быстро собралась толпа.

На обратном пути, в машине, Сибель вдруг сказала в тишине:

– Видно, наш Заим, Достойный Всего, все-таки неплохой человек. Но как тебе кажется, правильно ли он поступает, демонстрируя всем, что третьеразрядная немецкая актриса, готовая, кажется, спать за деньги даже с арабскими шейхами, – его любовница, будто не достаточно уже того, что она снялась в рекламе его лимонада?

– Скорее всего, эта третьеразрядная немецкая актриса преисполнена такой же симпатии к нам, как ты к ней, и считает нас не лучше арабских шейхов. Лимонад продается отлично. Заим говорил, что туркам будет приятнее его покупать, если они узнают, что современный турецкий продукт нравится и европейцам.

– Я в парикмахерской читала интервью с Заимом в «Выходном». Там напечатали их большую фотографию вдвоем, а еще другую ее фотографию – весьма заурядную, почти без одежды.

Мы оба долго молчали. Потом, улыбнувшись, я сказал:

– Помнишь того человека, который на плохом немецком все пытался ей сказать, как она очаровательна, и старался смотреть ей на волосы, чтобы случайно взгляд не соскользнул на декольте, на грудь... Вот он и есть второй любовник погибшей Белькыс.

Но Сибель уже спала, пока машина в легком тумане мчалась по мосту через Босфор.



## 19. Похороны

На следующий день в обеденный перерыв я, как и обещал, ушел из конторы и направился домой, где пообедал с матерью чудесной жареной рыбой. С ловкостью опытного хирурга мать отделяла на тарелке тонкую розоватую рыбью шкурку от полупрозрачных косточек, параллельно обсуждая со мной приготовления к помолвке и «последние известия». Она сообщила, что список приглашенных теперь составляет двести тридцать человек, включая тех, кто так жаждет отметить у нас, что прямо намекает попасть в число гостей, и тех, кого «ни в коем случае нельзя обидеть». Поэтому, чтобы пришедшие на праздник внезапно не остались без выпивки, метрдотель «Хилтона» уже начал вести переговоры с коллегами из других больших отелей насчет «импортного алкоголя» (в те годы «алкоголь оттуда» превратился в культовую принадлежность светских сборищ). Ателье известных стамбульских портних, вроде Ипек Исмет, Шазие, Левша Шермин и мадам Муалла (некогда подруг и конкуренток матери Фюсун), полностью загружены работой по пошиву вечерних платьев для наших гостей и работали вплоть до помолвки с утра до вечера и с вечера до утра.

Отец неважно себя чувствовал и дремал в соседней комнате, но мать решила, что у него просто плохое настроение, и гадала, отчего оно испортилось именно тогда, когда сыну предстоит обручиться, а у меня пыталась выпытать, не знаю ли я причины. Повар Бекри принес к столу плов из лапши, который обязательно следовало есть после рыбы, чтобы заглушить ее вкус, – эта традиция оставалась неизменной со времен моего детства. Внезапно мама приняла траурный вид.

– Так жалко ту бедную женщину, – вздохнула она с искренней грустью. – Она много страдала. Столько пережила, ей все завидовали. А ведь она была очень хорошим человеком, очень.

Мама рассказала, как много лет назад, на отдыхе в Улудаге, они с отцом общались с Белькыс и ее тогдашним другом Демиром, старшим сыном Демирбагов, и, пока отец играл с Демиром в карты, они с покойной Белькыс допоздна пили чай в простеньком гостиничном баре, вязали и разговаривали.

– Она очень много перенесла, бедняжка. Сначала от бедности, потом от мужчин, – горестно качала головой мать. Потом повернулась к Фатьме-ханым. – Отнесите мой кофе на балкон. Мы будем смотреть на похороны.

Во дворе мечети Тешвикие каждый день проходило несколько похорон, и поэтому наблюдение за ними для меня и брата было с детства интересным и притягательным развлечением, которое, однако, посвящало нас в пугающую тайну смерти. В мечети с похоронным намазом начинался «последний путь» не только для представителей влиятельных семейств Стамбула, но и для известных политиков, генералов, журналистов, певцов или актеров, и члены общины медленно несли на плечах гроб до площади Нишанташи в сопровождении военного или муниципального (исходя из ранга покойного) оркестра, игравшего траурный марш Шопена. Мы с братом любили играть в похороны: клали на плечи тяжелую длинную подушку, выстраивали за собой повара Бекри-эфенди, Фатьму-ханым, водителя Четина и других и, распевая похоронный марш, медленно, слегка покачиваясь, ходили по комнатам. Перед похоронами премьер-министров, известных финансистов или певцов, о смерти которых знала вся страна, к нам домой то и дело заезжали незваные гости посмотреть на процессию, которые оправдывались, что «просто проезжали мимо и решили зайти», но мама всех всегда пускала, хотя и ворчала за их спиной: «Им не мы нужны, а похороны», а мы с братом считали, что церемония устроена не для того, чтобы отдать дань уважения покойному либо чтобы смерть послужила назиданием, а только ради интересного зрелища.

Мы уселись на балконе за маленьким столиком, и мать даже предложила мне свое место: «Если хочешь, иди сюда, отсюда лучше видно! Знаешь, я не пошла на похороны, хотя очень жалею эту женщину, не из-за плохого самочувствия твоего отца. Я подумала, что мне трудно будет перенести то, что ее дружки, вроде Рыфки или Самима, надели темные очки, чтобы скрыть, что не могут выдать из себя ни слезинки и разыгрывают траур. И потом, отсюда лучше видно. Что с тобой?» Она увидела, что я внезапно побледнел, а выражение моего лица совершенно не отражает интереса к похоронной процессии.

– Ничего. Все хорошо.

На ступеньках у больших ворот, выходящих на проспект Тешвикие, в тени, где столпились богатые женщины в дорогих модных разноцветных платках, я увидел Фюсун. Сердце мое заколотилось с невероятной скоростью. На ней был оранжевый платок. Нас разделяло по воздуху примерно семьдесят метров. Но я не только видел, как она дышит, как нахмурила брови, как ее нежная кожа покрывается испариной на полуденной жаре (был последний день мая), как она чуть прикусила слева верхнюю губу, когда среди женщин стало совсем тесно, а ей самой – совсем скучно, и как она переминается с одной ноги на другую, – кажется, ощущал все это физически. Мне хотелось крикнуть ей с балкона и позвать ее, но я не мог издать ни звука, точно во сне, только сердце продолжало бешено колотиться.

– Мама, я ухожу.

– Что с тобой? Ты так побледнел.

Я спустился и начал смотреть на Фюсун издали. Она стояла рядом с Шенай-ханым. Та болтала с хорошо одетой, некрасивой, коротконогой женщиной, а Фюсун слушала их беседу и задумчиво наматывала на палец кончик неумело завязанного под подбородком платка. Платок придавал ей надменную и мистическую красоту. Началась пятничная проповедь, транслировавшаяся по громкоговорителям во двор, но, кроме нескольких слов имама о том, что смерть – последнее пристанище, и чрезмерно частых, чтобы всех напугать, упоминаний имени Аллаха, из-за плохого качества звука разобрать было почти ничего невозможно. То и дело торопливо, будто опаздывая в гости, подходили новые люди. Все головы сразу поворачивались к ним, и им тут же прикалывали на грудь маленькую черно-белую фотографию покойной Белькыс. Фюсун внимательно наблюдала за всеобщим обменом приветствиями, рукопожатиями, поцелуями, утешительными объятиями и обычными вежливыми вопросами.

У нее на груди, как у всех, тоже виднелась фотография Белькыс. В те дни обычай прикалывать на грудь изображения умерших, появившийся из-за часто совершавшихся тогда политических убийств, вошел в привычку сначала среди простых людей и студентов, но вскоре был перенят и в состоятельных кругах Стамбула. Эти фотографии (небольшую коллекцию которых мне удалось собрать в последующие годы) на лацканах шагавших в траурной процессии богачей в темных очках, с виду печальных, а на деле довольно веселых, всегда придавали похоронам любого известного предпринимателя, обычно напоминавшим званый прием, атмосферу торжественного политического шествия, будто бы существовал некий идеал, за который эти люди, похожие из-за маленьких фотографий на оппозиционных политических активистов, согласились умереть. В газетах за тот день был опубликован некролог с фотографией Белькыс в толстой черной рамке – на европейский манер, отчего траурное сообщение напоминало серьезную статью об очередном политическом убийстве.

Не оборачиваясь, я пошел в нашу квартиру, где принялся ждать Фюсун, время от времени поглядывая на часы. Прошло немало времени, и внезапно что-то подтолкнуло меня к окну. Когда я раздвинул пыльные, всегда задернутые занавески, мимо дома медленно проехала машина с гробом Белькыс.

В голове неспешно, как катафалк, проплыла мысль, что некоторые люди проводят всю жизнь в страданиях, потому что имеют несчастье быть бедными, либо не способны вести себя разумно, либо готовы терпеть унижения. Лично у меня лет с двадцати существовала убежден-

ность, что на мне надеты особые невидимые доспехи, которые защищают от всех бед и невзгод. И я считал, что, если буду слишком много думать о чужих бедах, сам начну страдать, а мои невидимые доспехи проржавеют и прохудятся.

## 20. Два условия Фюсун

Фюсун опоздала. Я уже начал беспокоиться, но, когда она пришла, видно было, что ее тоже что-то беспокоит. От нее густым шлейфом тянулись тяжелые духи. Оказалось, она встретила свою подругу Джейду, с которой познакомилась на конкурсе красоты. С Джейдой тогда обошлись несправедливо, ей досталось только третье место. Но теперь она была счастлива, встречаясь с сыном фабриканта Седирджи, и у парня были серьезные намерения. Фюсун произнесла это как-то странно, будто хотела в чем-то меня обвинить. «Вот здорово, правда?» – скорее утверждала, чем спрашивала, она, глядя прямо мне в глаза. Я кивнул в знак согласия, но тут она добавила, что у Джейды есть проблема. Так как сын фабриканта настроен жениться, он против того, чтобы она работала манекенщицей.

– Скоро будут снимать для лета рекламу двухместных гамаков с тентом. Фирма-производитель согласна на турецкую модель, но парень и слышать не желает, он – строгий традиционалист. Не разрешает ей не то что сниматься в рекламе, даже выходить на улицу в мини-юбке или в платье. А ведь Джейда закончила специальные курсы. Ее фотографии в газетах печатают.

– Передай ей, чтоб поостереглась, а то скоро совсем взаперти жить будет.

– Джейда давно мечтает выйти замуж и стать домохозяйкой, – отрезала Фюсун, будто я не понимал, о чем речь. – Она беспокоится о другом: вдруг он ее обманет? Мы с ней решили встретиться и поговорить. Как, по-твоему, понять, что мужчина настроен серьезно?

– Не знаю.

– Тебе же известно, что думают такие мужчины.

– Никогда не интересовался, что думают традиционалисты-провинциалы, – уточнил я, чтобы изменить течение разговора. – Давай-ка лучше твое задание.

– Не сделала я никакого задания, ясно? – разозлилась она. – Сережку мою нашел?

Я чуть было машинально не полез в карман, подобно подвыпившему автомобилисту, остановленному дорожной полицией, который роется за пазухой, в бардачке и сумке, делая вид, будто ищет права, хотя прекрасно знает, что их нет. Но я сдержался.

– Нет, дорогая. Дома у меня твоей сережки нет. Но когда-нибудь она найдется, не беспокойся.

– Все, с меня хватит. Я уйду и больше не приду сюда никогда.

По боли, исказившей ее лицо, пока она собирала вещи, по тому, как неловко совершали движения ее руки, стало понятно: Фюсун настроена решительно. Я встал перед дверью и начал упрашивать, чтобы она не уходила. Будто охранник в казино, не отпускал, твердил, что люблю (это было правдой), и по ее постепенно расплывавшейся от краешков рта довольной улыбке и по тому, как ее брови с нежностью, которую она пыталась скрыть, слегка приподнялись, понял, что мои слова постепенно смягчают Фюсун.

– Ладно, остаюсь, – наконец согласилась она. – Хотя ты должен выполнить два моих условия. Но прежде скажи мне, кого ты любишь больше всего на свете.

И тут же поняла, что я растерялся, потому что не могу назвать ни Сибель, ни Фюсун.

– Назови мужчину, – подсказала она.

– Отца.

– Прекрасно. Вот мое первое условие. Поклянись жизнью отца, что больше никогда не будешь мне врать.

– Клянусь.

– Не так. Повтори все предложение.

– Я больше никогда не буду тебе врать, клянусь жизнью отца.

– Надо же, повторил, даже глазом не моргнув.

– А второе условие какое?

Но прежде чем оно было произнесено, мы начали целоваться и, счастливые, занялись любовью. Страстно отдаваясь друг другу, опьяненные нежностью, мы чувствовали, что оказались в волшебной стране. В моих фантазиях этот дивный край, где мы были с Фюсун только вдвоем, как на другой планете, напоминал странные фотографии далеких звезд или поверхности Луны, пейзажи скалистых необитаемых островов. Потом мы рассказывали друг другу, что видели и чувствовали в той волшебной стране, и Фюсун сказала, что смотрела из окна на полутемный, полный деревьев сад, на ярко-желтый луг за садом, на котором от ветра покачивались подсолнухи, и на синее море вдали. Такие сцены оживали перед глазами у нас обоих, когда мы были ближе всего друг к другу (как в ту минуту), – например, когда ее грудь с острым соском наполняла мой рот или когда Фюсун прижималась ко мне изо всех сил, уткнувшись носом в мою шею. Потрясающая близость позволяла нам чувствовать и познавать то, что раньше оставалось неведомым, и мы читали это по глазам.

– А теперь мое второе условие, – произнесла счастливая и довольная Фюсун. – Однажды ты возьмешь наш с тобой детский велосипед, мою сережку и придешь к нам в гости на ужин.

– Конечно приду, – тут же, с легким от близости сердцем, согласился я. – Но что мы скажем твоим родителям?

– Ты что, не мог встретить на улице родственницу и спросить ее о здоровье родителей? А она тебя не могла пригласить в гости? Или ты не мог случайно зайти в магазин и, увидев меня, захотеть навестить и моих родителей? Или не мог бы с родственницей заниматься каждый день математикой перед вступительным экзаменом в университет?

– Однажды я обязательно приду к вам в гости с твоей сережкой. Даю слово. Но давай не будем никому говорить о занятиях математикой.

– Почему?

– Ты очень красивая. Все сразу поймут, что мы – любовники.

– Значит, в Турции парень с девушкой не могут быть долго вдвоем в одной комнате, как в Европе, чтобы не заняться любовью?

– Могут, конечно... Но так как мы в Турции, все решат, что парень с девушкой занимались не математикой, а кое-чем другим. Да они и сами начнут думать об этом, потому что знают: о них все именно так и подумают. Девушка попросит, например, оставить дверь открытой, чтобы никто потом не сказал ничего про ее честь. А парень решит, что девушка, согласившаяся долго пробыть с ним в одной комнате, привлекает его, но, если он с ней ничего не сделает, пойдут нехорошие разговоры про его мужскую силу, – вот он и начнет приставать к девушке уже только поэтому. Скоро мысли обоих будут основательно замазаны тем, что думают об их пребывании в комнате другие, и им захочется пойти дальше. А если между ними ничего не произойдет, они все равно начнут испытывать чувство вины, так как почувствуют, что не могут спокойно находиться в одной комнате вдвоем.

Наступила тишина. Наши головы лежали рядом на одной подушке, мы смотрели на отверстие для трубы в стене, на карниз, занавеску на нем, на растрескавшуюся и отколовшуюся краску и пыль на стенах и в углах под потолком. Много лет спустя я воссоздал эту картину во всех подробностях, чтобы посетители моего музея услышали ту тишину.

## 21. История отца: жемчужные сережки

Однажды в начале июня отец сказал: «Давай как-нибудь пообедаем вдвоем, хочу дать тебе несколько советов перед обручением». За девять дней до помолвки, солнечным днем, в четверг, мы поехали с ним обедать в Эмирган, в ресторан Абдуллаха-эфенди. Еще в тот момент я понял, что никогда не забуду наш с ним долгий разговор. Пока мы ехали в ресторан на «шевроле» 56-й модели, за рулем которого, как всегда, был верный Четин-эфенди, работавший у нас еще со времен моего детства, я слушал отцовские наставления на все случаи жизни (например, друзей по работе не следует считать друзьями в жизни). Слушать их мне было приятно, потому что они казались частью предсвадебного ритуала. Одновременно я любовался из окна автомобиля морскими видами, старыми пароходами «Городских пассажирских линий» – сильное течение Босфора относило их в сторону, – древними темными садами деревянных османских особняков, от которых даже на жаре веяло прохладой. Однако отец, вместо того чтобы, как в детстве, приняться читать мне нотации, предостерегая от лени, неумеренности и мечтательности, и напоминать о долге и обязанностях, сейчас, когда в открытое окно машины задувал ветерок, напоенный морскими и древесными ароматами, вдруг сказал мне, что жизнь коротка. Я потому и поместил в музей гипсовый бюст отца, выполненный профессором Академии изящных искусств, скульптором Сомташем Ионтунчем (поговаривали, что фамилию ему придумал сам Ататюрк), которому отец позировал по рекомендации одного приятеля десять лет назад, когда наша семья внезапно быстро разбогатела на экспорте текстиля. Я немного сержусь на скульптора: он изобразил отцовские усы меньше, чем они были на самом деле, чтобы отец выглядел более по-европейски. А я, между прочим, в детстве очень любил смотреть, как шевелятся отцовские усы, когда он бранил меня за шалости. Поэтому я приклеил бюсту усы погуще и подлиннее.

Отец сказал, что жизнь – лишь небольшой отрезок времени, дарованный нам милостью Аллаха, которым необходимо успеть насладиться, а я из-за своего чрезмерного трудолюбия рискую упустить ее радости, но мне показалось, он говорит это потому, что доволен нововведениями, которые я устроил в «Сат-Сате» и других компаниях. По мнению отца, теперь мне следовало взять на себя часть дел, которыми многие годы занимался брат. Я ответил, что прижусь за работу с удовольствием и что брат, будучи подчас робким или неинициативным, приносит нам убытки, и на этих словах улыбнулся уже не только отец, но и Четин-эфенди, а мне стало радостно.

Ресторан Абдуллаха-эфенди раньше находился на главной улице Бейоглу – проспекте Истикляль, рядом с мечетью Хусейн-аги, туда ходили обедать все знаменитости и богачи, смотревшие кино в Бейоглу. Несколько лет назад, когда большинство из них завели автомобили, ресторан перебрался за город, в небольшое поместье у парка Эмирган, обращенное к Босфору. Войдя в заведение, отец изобразил благодушное выражение лица и поздоровался с каждым официантом – почти всех он знал много лет. Потом посмотрел, нет ли в зале людей, которые ему знакомы. Пока метрдотель вел нас к нашему столику, отец поздоровался с теми, кто сидел неподалеку, знакомым за столом подальше он слегка кивнул и еще немного пококетничал с какой-то пожилой дамой и ее красивой дочерью. Дама сказала, какой я хорошенький, как быстро вырос и похож на отца. У метрдотеля, который все детство называл меня «маленький господин», а потом постепенно перешел на «господин Кемаль», отец заказал нам слоеный пирог и раки с острой закуской – кусками соленого тунца.

– Кури, если хочешь, – разрешил он. Можно подумать, вопрос о том, курить мне при нем или нет, не решился сам собой, когда я вернулся из Америки, к обоюдному спокойствию. – Принесите Кемаль-бею пепельницу, – попросил он одного из официантов.

Пока отец быстро пил раки, занюхивая маленькими помидорами, выращиваемыми в собственной теплице ресторана, я почувствовал, что он хочет о чем-то рассказать мне, но не знает, как начать. Мгновение мы оба смотрели в окно на Четина-эфенди, стоявшего и беседовавшего с другими водителями, ожидавшими хозяев.

– Четина цени, – сказал отец.

– Знаю.

– Пойми... Никогда не смейся над притчами, которые он все время рассказывает. Он очень порядочный, наш Четин. Благородный, настоящий человек. И не меняется уже двадцать лет. Если однажды со мной что-то случится, смотри не прогоняй его, – продолжал отец таким тоном, будто решил мне сообщить последнюю волю. – Да, и не меняй все время машины, как всякие нувориши. «Шевроле» еще очень хороший... Когда запретили ввоз новых автомобилей, весь Стамбул стал похож на музей старых американских машин. Но это ерунда, потому что мы живем в Турции. Самые лучшие в мире автомеханики – у нас.

– Я же вырос в этом автомобиле, отец. Так что не беспокойся, – успокоил я его.

– Молодец, – ответил отец. Я чувствовал, что сейчас он перейдет к главному. – Сибель замечательная девушка, – продолжил он. Но... нет, речь пойдет не о Сибель. – Ты ведь знаешь, что такую, как она, найти не просто? Женщину, а особенно столь редкий цветок, нельзя обижать. Ее нужно носить на руках. – Внезапно его лицо приобрело странное, смущенное выражение. И он заговорил нервно, будто что-то причиняло ему боль: – Помнишь ту красивую девушку?.. Помнишь, ты видел нас как-то раз вдвоем в Бешикташе? О чем ты подумал, когда ее увидел?

– Какую девушку, отец?

Он раздраженно сказал:

– Сынок, ну, помнишь, десять лет назад ты видел меня в Бешикташе, в парке «Барбаросс», с одной красивой девушкой.

– Нет, отец, не помню.

– Ну как же ты не помнишь? Мы даже в глаза друг другу посмотрели. Рядом со мной была очень красивая девушка.

– А потом что произошло?

– Потом ты вежливо отвел глаза, чтобы не смущать отца. Вспомнил?

– Нет.

– Ну ты же нас видел!..

Я не помнил той случайной встречи, но доказать это отцу было трудно. После долгого и весьма неприятного мне спора мы оба пришли к заключению, что я их все-таки заметил, но решил забыть. Вероятно, я не обратил на них внимания, но они от неожиданности и волнения решили, будто я смотрю в упор. Так мы перешли к главному.

– Десять лет назад та красавица была моей любовницей, – расставил все по местам отец, сразу обозначив в одном предложении ответы на два главных вопроса, которые могли возникнуть у меня в связи с предметом разговора.

Он немного расстроился, что мне не довелось стать свидетелем такой красоты, о которой он, как я понял, мечтал рассказать уже давно, или что я, может быть, просто забыл о ней, что еще хуже. Быстрым движением руки он достал из кармана маленькую черно-белую фотографию. На фотографии была изображена смуглая молодая женщина, очень грустная, – в Каракее, на палубе парохода «Городских линий».

– Вот она, – гордо показал он. – Снято в тот год, когда мы познакомились. Жаль, что у нее здесь такой грустный вид, не очень заметно, какая она красивая. Теперь ты вспомнил?

Я молчал. Мне было неприятно, что отец доверил мне свою тайну, как бы «давно» это ни происходило. Но я никак не мог понять, от чего именно раздражаюсь.

– Послушай, сынок. Ни в коем случае не говори никому то, что я тебе сейчас расскажу, – попросил он, пряча фотографию в карман. – Особенно твоему брату. Он у нас строгих нравов, не поймет. А ты жил в Америке, и здесь нет ничего такого, что могло бы задеть тебя. Договорились?

– Конечно, отец.

– Тогда слушай. – Отец выдохнул и, мелкими глотками отхлебывая раки, начал свой рассказ.

Он познакомился со своей возлюбленной семнадцать с половиной лет назад, снежным январским днем 1958 года. Ее простая, строгая и чистая красота вскружила ему голову. Девушка работала в «Сат-Сате», тогда еще недавно созданной отцом фирме. Сначала они просто дружили, были коллегами, но, несмотря на разницу в возрасте в двадцать семь лет, их отношения вскоре переросли в нечто более серьезное и глубокое. Через год после того, как они начали встречаться (я сразу сосчитал, что отцу тогда исполнилось сорок семь лет), девушка по его настоянию уволилась из «Сат-Сата». И опять же по его требованию не пошла никуда работать, а, мечтая, что они когда-нибудь поженятся, поселилась в Бешикташе, где отец купил ей квартиру.

– Она была замечательным человеком. Невероятно доброй, невероятно нежной, очень умной, – говорил отец. – Совершенно не такая, как другие женщины. Я несколько раз пытался расстаться с ней, но никого не любил столь сильно. Постоянно думал о том, чтобы жениться на ней, сынок... Но что тогда случилось бы с вашей мамой, с вами?

Он немного помолчал.

– Не пойми меня неправильно, сынок. Я не хочу сказать, что пожертвовал собой ради вашего счастья. На самом деле она, конечно, хотела свадьбы больше, чем я. Ведь я много лет морочил ее обещаниями. Но не мыслил жизни без нее. Страдал, когда не мог видеть. Хуже, что о своих страданиях и рассказать-то никому не мог. А однажды она потребовала: «Решай!» Поставила ультиматум: или я бросаю жену и женюсь на ней, или мы расстаемся. Налей себе раки, сынок.

– А что произошло потом?

Помолчав опять, отец продолжал:

– Я не смог расстаться с вами, и она бросила меня. – Видно было, что ему больно говорить, но он взял себя в руки. Потом посмотрел на меня и по моему взгляду увидел, что может продолжать, и явно от этого успокоился. – Я очень, очень страдал. Твой брат женился, ты был в Америке. Я, конечно, пытался скрыть мучения от твоей матери. А когда прячешь свое горе, как вор, переживаешь его украдкой, еще тяжелей. Мать, естественно, чувствовала, что дело серьезно, и поэтому была тише воды. Мы жили с ней будто в гостинице, изображая семью. Боль моя не утихала, и я понимал, что, если так пойдет и дальше, сойду с ума, однако все равно никак не решался выбрать. Девушка тоже очень страдала в те дни. Как-то сказала мне, что один инженер сделал ей предложение и, если я ничего не предприму, она выйдет за него замуж. Тогда ее слова меня не тронули... Ведь я у нее первый. Думал, что ей не нужен никто другой, что она просто блефует. Но даже если у меня и закрадывались какие-то сомнения, все равно изменить ничего не хотел. Поэтому и старался просто не думать об этом. Помнишь, однажды летом всей семьей мы ездили на выставку в Измир, машину вел Четин. Вернувшись обратно, я узнал, что она вышла замуж, но не поверил. Подумал, специально распространила этот слух, чтобы сделать мне больно, чтобы заставить меня развестись. Она отказывалась от всех предложений встретиться, поговорить, не подходила к телефону. Продала квартиру, которую я ей купил, переехала куда-то в неизвестное мне место. Четыре года я не мог разузнать, действительно ли она вышла замуж, кто ее муж, есть ли у них дети, чем она занимается. Боялся, если узнаю, мне будет еще больней. Но оставаться в неведении тоже было ужасно. Меня мучила мысль, что она живет где-то в Стамбуле, читает те же газеты, что и я, смотрит по телевизору



те же программы... Жизнь показалась мне пустой. Только не пойми меня неправильно, сынок. Конечно, я гордился вами, вашей матерью. Радовался, что дела идут успешно. Просто та боль была иной.

Так как отец рассказывал в прошедшем времени, я понимал, что история чем-то все же завершилась, но мне почему-то не нравилось, что он ведет рассказ таким образом.

– В конце концов в один прекрасный день я все же решился позвонить ее матери. Та, конечно, обо мне была наслышана, но по голосу не узнала. Я соврал, что звонит муж одноклассницы ее дочери. Надеюсь, что, когда скажу: «Моя жена больна и просит вашу дочь прийти к ней в больницу», она позовет ее к телефону. А мать заплакала: «Моя дочь умерла». Оказывается, она умерла от рака! Я тут же повесил трубку, чтобы не зарыдать. Ведь даже предположить такого не мог. Не вышла она замуж ни за какого инженера... Какая ужасная штука жизнь! Как бессмысленно в ней все...

Увидев в глазах отца слезы, я вдруг почувствовал себя беспомощным. Я понимал его и злился на него одновременно, но, пытаясь осмыслить услышанное, почему-то подумал о первобытных людях, не ведавших принципов. Мне самому было больно.

– Ладно, – проговорил отец, стараясь успокоиться. – Я тебя позвал сегодня не для того, чтобы расстраивать. У тебя помолвка, ты скоро обзаведешься семьей. Мне захотелось, чтобы ты знал мою печальную историю и лучше понимал своего отца. Но я хотел сообщить тебе еще кое-что важное. Ты еще не понял, что именно?

– Что?

– Я сейчас очень жалею о том, – ответил отец, – что не успел сказать ей главного. Не твердил, какая она замечательная и как нужна мне. Я так жалею, что не произносил эти слова тысячи раз. У той девушки было золотое сердце, она была кроткой, умной и очень красивой... У нее совершенно отсутствовала привычка, свойственная всем нашим женщинам, – надменно хвалиться своей красотой, будто это их заслуга. Не было в ней ни кокетства, ни постоянного желания лести... Сейчас, когда прошло много лет, мне до сих пор больно не только оттого, что я ее потерял, но и оттого, что не обращался с ней так хорошо, как она заслуживала. Любимую женщину нужно ценить вовремя, сынок, пока не стало слишком поздно.

На последних словах, которые отец произнес почти торжественно, он вытащил из кармана старую потертую бархатную коробочку. «Когда мы всей семьей ездили на выставку в Измир, я купил это ей на обратном пути, чтобы она не сердилась и простила меня. Но отдать их ей мне было не суждено». Отец открыл коробочку. «Я много лет прятал эти серьги. Ей бы они очень подошли. Я не хочу, чтобы мать их нашла после меня. Возьми их себе. Я долго думал. Знаешь, эти серьги очень пойдут Сибель».

– Отец, Сибель мне любовница, она скоро станет моей женой! – воскликнул я, но все же взглянул на коробочку, которую протягивал отец.

– Не говори ничего, – остановил меня отец. – Достаточно, что ты не станешь рассказывать Сибель историю этих сережек. Когда она будет их надевать, вспоминай меня. И то, что я тебе сегодня сказал. Цени свою красивую девушку. Многие мужчины плохо обращаются с любимыми, а потом локти кусают. Смотри не повторяй их ошибок. И заруби мои слова себе на носу!

Он закрыл коробочку и величаво вложил мне ее в ладонь, словно османский султан, вручающий награду паше. Потом позвал официанта:

– Сынок, принеси-ка нам еще раки со льдом! – Повернулся ко мне. – Чудесный сегодня день, правда? И какой прекрасный здесь сад! Как пахнет липой и весной!

Следующий час я провел за объяснениями, что за важная встреча, которую невозможно отменить, мне предстоит и что будет большой ошибкой, если отец, как старший, позвонит в «Сат-Сат» и сам перенесет ее.

– Значит, вот чему ты научился в Америке, – укоризненно качал он головой. – Молодец!

Чтобы не обижать отца, я выпил еще стаканчик раки, хотя все время смотрел на часы. В тот день мне особенно хотелось видеть Фюсун.

– Подожди, сынок! Давай еще немного посидим! – упрасивал отец. – Смотри, как душевно мы разговариваем! Ты скоро женишься, нас забудешь!

– Отец, я понимаю, что ты пережил, и никогда не забуду твоих советов, – сказал я, вставая.

С возрастом, в минуты особых душевных потрясений, у отца начинали дрожать уголки рта. Он взял меня за руку и сжал ее изо всех сил. Я тоже крепко сжал ему руку. У него внезапно хлынули слезы, словно я нажал на губку, спрятанную у него глубоко внутри. Но он почти сразу овладел собой, крикнул официанту принести счет и на обратном пути всю дорогу дремал в машине.

В «Доме милосердия» я не колебался ни секунды. Когда Фюсун пришла, я рассказал ей, что мы обедали с отцом и поэтому от меня пахнет раки. После долгого поцелуя, я вытащил коробочку из кармана:

– Открой.

Фюсун осторожно приподняла крышку.

– Это не мои сережки. – Она не выказала даже любопытства. – Они с жемчугом, очень дорогие.

– Тебе нравится?

– А где моя сережка?

– Твоя сережка таинственным образом исчезла. Потом как-то утром, смотрю, стоит перед моей кроватью, да еще и подруг с собой привела! Я положил их всех в бархатную коробочку и принес хозяйке!

– Я не ребенок, – упрямо сказала Фюсун. – Это не мои сережки.

– Богом клянусь, уверен, что твои.

– Мне нужна только моя сережка.

– Это подарок... – вздохнул я.

– Я их даже надеть не смогу... Все будут спрашивать, откуда они у меня.

– Тогда не надевай. Но не отказывайся от моего подарка.

– Но ты подарил их мне вместо моей сережки! Если бы ты нашел ее, ты бы их не принес. Ты что, в самом деле потерял? Что ты сделал с ней?

– Однажды где-нибудь обязательно найдется.

– Однажды... – проворчала Фюсун. – Как ты просто об этом говоришь! Какой ты все-таки безответственный. Когда? Сколько мне еще ждать?

– Недолго, – пообещал я. – Тогда возьму твою сережку, наш велосипед и приду навестить твоих родителей.

– Жду, – смягчилась Фюсун. Потом мы поцеловались. – Фу, как противно у тебя пахнет изо рта!

Но я продолжал ее целовать, а когда мы занялись любовью, все ссоры и раздоры забылись. Сережки, которые отец купил для своей возлюбленной (он так и не назвал ее имени), я оставил в старом доме.

## 22. Рука Рахми-эфенди

По мере того как приближался день помолвки, меня отвлекало множество не терпящих отлагательства проблем, и времени не оставалось даже на размышления о любовных страданиях. Помню, как долго обсуждал с друзьями, которых знал с детства и семьи которых дружили с нашей, где найти шампанское и другие «европейские» напитки для приема в «Хилтоне». Тем, кто побывает в моем музее много лет спустя, я должен пояснить, что в те годы импорт иностранных алкогольных напитков жестко и ревностно контролировался государством, и так как легально получить валюту для его ввоза было почти невозможно, то законным путем в страну попадало очень мало напитков. Однако в продовольственных магазинах и закусовых богатых кварталов, в лавках, где торговали привозным нелегальным товаром, в барах дорогих отелей и просто на улицах, в тысячах киосках лотерейных билетов шампанское, виски и контрабандные американские сигареты никогда не переводились. Главные сомелье отелей почти все прекрасно знали друг друга и всегда выручали в таких ситуациях, посылая запасные бутылки, чем спасли немало приемов. А после светские обозреватели писали в газетах, какие напитки на том или ином приеме были настоящими, а какие – местного, турецкого разлива. Одна такая статья могла испортить репутацию хозяев, поэтому мне следовало проявить внимание.

Часто я уставал от суеты, но тогда мне звонила Сибель, и мы ездили в Бебек, на склоны Арнавуткёя или в Этилер – районы, которые в те времена только начали развиваться, – чтобы посмотреть какой-нибудь строящийся дом с хорошим видом. Мне все больше нравилось представлять, как мы с Сибель будем жить в таком доме, пахнущем цементом и известкой, нравилось решать, где будет стоять кровать, а где разместится столовая и куда мы поставим большой диван из модного мебельного магазина Нишанташи, чтобы лучше видеть Босфор. По вечерам мы ходили в гости, и Сибель любила рассказывать о наших поездках знакомым, обсуждать, как строят сейчас новые дома, вид из их окон, делиться нашими планами на жизнь, я же, с непонятным мне самому смущением, пытался сменить тему разговора, выбирая ничего не значащие замечания о «Мельтеме», о футболе и о новых барах, открывшихся к лету. Тайное счастье с Фюсун сделало меня не очень разговорчивым, теперь на вечеринках мне все больше нравилось наблюдать за происходящим со стороны. Грусть тогда уже постепенно захватывала мою душу, но я только сейчас понимаю, что в те дни не ощущал ее так явно, как потом. Самое большее, что я замечал тогда, – нежелание поддерживать беседу.

– Ты в последние дни как-то задумчив и неразговорчив, – заметила Сибель, когда я ночью вез ее домой.

– В самом деле?

– Мы молчим уже полчаса.

– Знаешь, я на днях с отцом встречался... До сих пор не могу забыть. Словно он к смерти готовится.

В пятницу, 6 июня, за восемь дней до помолвки и за девять до вступительного экзамена Фюсун, мы с отцом, братом и Четином поехали куда-то в Чукурджуму – район между Бейоглу и Топхане, где находятся знаменитые бани, – на поминки в дом пожилого рабочего родом из Малатьи, который всю жизнь проработал у отца, с тех самых пор, как тот открыл свое дело. Я хорошо помню огромного добряка, ставшего частью отцовской фирмы с того дня, когда он поступил на работу мелким посыльным. На фабрике произошел несчастный случай, и ему отрезало руку, поэтому он носил протез. После травмы отец перевел его в контору, и мы хорошо знали его. В первые годы его протез пугал нас с братом, но потом мы попривыкли и часто играли с рабочим, когда приходили к отцу, потому что Рахми-эфенди всегда был веселым и много шутил. Однажды мы с братом видели, как он, разостлав молитвенный коврик, отстегнул протез и совершал намаз в пустом кабинете.

Нас встретили два сына Рахми-эфенди, такие же веселые и улыбчивые, великаны. Оба поцеловали руку отцу. Усталая, худая и измотанная жена покойного, едва увидев нас, заплакала, вытирая слезы краешком платка. Отец с нежностью, на которую не были способны ни я, ни брат, утешил ее, обнял и расцеловал сыновей Рахми-эфенди и неожиданно быстро был принят всеми, точно родной. А мы с братом томились от неловкости.

В таких ситуациях важны не слова, не поведение, не искренность и даже не степень сопереживания, а способность подстраиваться под окружающих. Старший сын покойного протянул нам пачку «Мальтепе», отец, брат и я взяли по сигарете, прикурили от спички, протянутой им, и все трое, по странному совпадению одновременно закинув ногу на ногу, закурили с таким видом, будто заняты самым важным делом на свете. Иногда мне кажется, что причина популярности сигарет не в воздействии никотина, а в том, что, когда куришь, создается ощущение, что делаешь нечто крайне важное.

Видимо, от непривычного вкуса «Мальтепе» я вдруг почувствовал, что вот-вот поддамся заблуждению – мне в тот момент показалось, будто стою на пороге постижения какой-то важной тайны бытия. Счастье – главная проблема в жизни. Кто-то счастлив, а кто-то не может быть счастливым. Большинство людей, конечно, пребывают где-то посередине. В те дни я купался в море счастья и не хотел этого замечать. Сейчас, по прошествии лет, мне кажется, нет лучше способа его сохранить. Но тогда я не замечал счастья не потому, что хотел сберечь, а потому что боялся утратить, к чему неизбежно шел, потому что боялся потерять Фюсун. Неужели оттого я стал более молчалив и более восприимчив в те дни?

Глядя на предметы маленькой, бедной, но чисто убранной квартиры (на стене висели два самых модных в 1950-е годы предмета домашнего интерьера: барометр и фигурно выписанная басмала<sup>7</sup> в рамке), я в какой-то момент почувствовал, что сам готов заплакать вместе с женой Рахми-эфенди. На телевизоре лежала вязаная салфетка, а на салфетке стояла фарфоровая статуэтка собачки. У собачки был жалобный вид, – казалось, она вот-вот тоже заплачет. Помню, отчего-то почувствовал себя лучше, глядя на эту фарфоровую собачку, а потом подумал о Фюсун.

---

<sup>7</sup> Басмала – изречение «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного». Произносят перед началом любого богоугодного дела.

## 23. Молчание

По мере того как приближался день помолвки, мы с Фюсун все меньше разговаривали, паузы с каждым днем все увеличивались, а наши ежедневные встречи, продолжавшиеся, самое меньшее, два часа, и любовные ласки, страсть которых с каждым днем возрастала, были отравлены этим молчанием.

Однажды Фюсун прервала его:

– Маме пришло приглашение на помолвку. Она очень обрадовалась, отец говорит, что мы обязательно должны пойти. Родители хотят, чтобы и я пошла. Слава богу, на следующий день у меня экзамен, так что не придется изображать болезнь.

– Это мать послала приглашение, – сказал я. – Лучше не приходи. Мне, по правде, тоже идти не хочется.

Я ждал, что Фюсун в ответ выкрикнет: «Ну и не ходи!» – но она промолчала. Чем ближе становилась помолвка, тем яростней мы отдавались друг другу, тем сильнее и привычнее сжимали друг друга руками, ногами, телами, будто мы давние любовники и много лет живем вместе. Иногда просто лежали, не обмолвившись и словом, и смотрели на тюлевые занавески, слегка покачивавшиеся от легкого ветра, проникавшего через открытую балконную дверь.

Мы встречались в «Доме милосердия» ежедневно, в условленный час. И ни разу не заговорили о нашем положении, о моей грядущей помолвке, о том, что с нами будет потом, – мы старались избегать всего, что напоминало бы об этом, и страстно занимались любовью. Невозможность говорить о том, что постепенно надвигалось на нас, приводила к молчанию. Снаружи доносились крики играющих в футбол мальчишек. В первые наши встречи нам было хорошо и весело, мы не задумывались о том, что будет, болтали обо всем на свете, смеялись и шутили, сплетничали о родственниках, об общих знакомых из Нишанташи. Но теперь веселье быстро сходило на нет. Предстоящая потеря навевала томящую грусть. Но та не отдаляла нас друг от друга, а, наоборот, странным образом сближала.

Я постоянно ловил себя на мысли, что мечтаю по-прежнему встречаться с Фюсун после помолвки. Мечта о рае (может быть, следовало сказать «иллюзия»?), где события сменяют друг друга своим чередом, постепенно превратилась в четкое и ясное намерение. Я убеждал себя, что Фюсун не бросит меня, ведь мы сильно и искренне привязаны друг к другу. Не могу сказать, что до конца сознавал свои мысли – скорее, нащупывал их в залежах подсознания. И не признавался в них даже себе самому. По словам же и поступкам Фюсун пытался догадаться, что думает она. Фюсун все это замечала, но ничего не говорила, и паузы становились длиннее. В то же время она смотрела на мое поведение и явно делала какие-то безнадежные выводы. Иногда мы оба подолгу пристально разглядывали друг друга, чтобы высмотреть важное для себя. Вот и сейчас о прежнем напоминают белые трусики, какие носила Фюсун, ее белые ребяческие носки и грязные белые спортивные тапочки, немые свидетели нашего молчания.

День помолвки, против всех чаяний, наступил внезапно. С утра я занимался тем, что решал проблему с виски и шампанским (один из поставщиков не хотел привозить бутылки, пока не получит все деньги). Потом отправился на площадь Таксим, где выпил айран и съел гамбургер в кафе «Атлантик», существовавшем со времен моего детства, и сходил к парикмахеру, которого тоже знал еще ребенком. Болтливому Джевату. До конца 1960-х годов его мастерская располагалась в Нишанташи, затем он переехал в Бейоглу, где открыл парикмахерскую неподалеку от мечети Хусейн-аги. Мы нашли себе в Нишанташи нового мастера, Басри, но если я бывал в Бейоглу, то иногда заходил к нему побриться, когда хотелось послушать его веселые шутки и посмеяться. Джеват обрадовался, узнав, что у меня помолвка, и побрил меня особенно тщательно, как полагается жениху, помазал мне щеки импортной пеной для бритья,

а затем увлажняющим, без запаха, по его словам, кремом, и тщательно сбрил каждый волосок на моем лице. Пешком я дошел до Нишанташи, до «Дома милосердия».

Фюсун, по своему обыкновению, пришла вовремя. Несколько дней назад я как-то обмолвился, что в субботу нам не стоит встречаться, потому что у нее впереди экзамен, но Фюсун возразила, что после насыщенной подготовки накануне испытания ей хотелось бы отдохнуть. Под предлогом сдачи экзамена она и так уже два дня не ходила на работу.

Не успела она войти, как села за стол и закурила.

– От мыслей о тебе у меня теперь никакая математика в голову не лезет, – насмешливо сказала она. Потом расхохоталась, будто это что-то ненастоящее, будто это слова из кино, и вдруг густо покраснела.

Увидев, как она смущена и расстроена, я попытался перевести все в шутку. Мы оба делали вид, будто не вспоминаем о том, что у меня сегодня помолвка. Но ничего не получалось. Мы оба испытывали тяжкую, невыносимую боль. От нее не избавишься шутками, ее не облегчишь разговорами и не разделишь друг с другом. От нее можно было только сбежать, не размыкая объятий. Но грусть охладила и отравила наш любовный пыл. Фюсун лежала на кровати, как безнадежный больной, который прислушивается к собственному телу, и, казалось, рассматривала облака печали, сгустившиеся у нее над головой, а я был рядом и смотрел вместе с ней в потолок. Мальчишки-футболисты сегодня не ругались и не кричали, мы слышали только удары мяча о землю. Затем замолчали даже птицы, и наступила полная тишина. Откуда-то издалека донесся гудок парохода, ему ответил еще один.

Потом мы выпили виски из одного стакана. Он когда-то принадлежал Этхему Кемалю – моему дедушке и второму мужу ее прабабки. Потом начали целоваться. Мы с Фюсун пытались, как всегда, отвлечься разбросанными повсюду безделушками, старыми мамиными платьями и шляпками. И покрывали тела поцелуями. Ведь теперь мы оба хорошо умели это делать. Губы Фюсун таяли, захваченные мною. Наши рты составляли огромный грот, наполненный теплой и сладкой, как мед, жидкостью, которая иногда стекала с краешков губ к подбородкам, а у нас перед глазами оживала волшебная страна, какая бывает только в сказках или снах и какую видят лишь те, кто чист сердцем. Мы всматривались в этот яркий, разноцветный, напоминающий стеклышки калейдоскопа, мир, ища далекий и призрачный рай. Иногда один из нас, подобно волшебной птице, которая осторожно берет в клюв сладкий инжир, закусывал нижнюю или верхнюю губу второго и, зажав ее зубами, будто говорил: «Теперь ты у меня в плену!» – а другой, терпеливо наслаждаясь приключениями своей губы, переживал остро-сладкое блаженство сдаться на милость любимого и впервые сознавал, какое это счастье – отдаться ему всем телом, целиком, и что именно здесь, между нежностью и покорностью, и спрятано самое тайное и глубокое место любви. И тогда плененный делал со вторым то же самое, и именно в эту минуту наши трепещущие языки стремительно находили друг друга, чтобы напомнить о сладкой стороне любви, что связана с нежностью и прикосновениями.

После мы ненадолго заснули. Сладкий, пахнувший липой ветерок, дувший из открытой балконной двери, приподнял на мгновение тюлевую занавеску и бросил нам ее на лицо, укрыв шелковым покрывалом, отчего мы вздрогнули и проснулись.

– Мне снилось, что я иду по огромному полю подсолнухов, – пробормотала Фюсун. – Они так странно покачивались на ветру. Почему-то было страшно, хотелось кричать, но я не смогла.

– Не бойся, – успокаивал я. – Я здесь.

Не хочу рассказывать, как мы встали с кровати, как оделись и подошли к двери. Я сказал ей, чтобы она была на экзамене повнимательней, чтобы не забыла регистрационную карту, что все пройдет хорошо, а потом добавил, стараясь произносить, будто само собой разумеющееся, фразу, которую повторял про себя за эти дни тысячи раз:

– Завтра встретимся здесь в это же время, хорошо?

– Хорошо! – кивнула Фюсун, отводя глаза.  
Я с любовью проводил ее и сразу понял, что помолвка состоится.

## 24. Помолвка

Открытки с изображением стамбульского отеля «Хилтон» я добыл через двадцать с лишним лет после событий, о которых веду рассказ. Мне пришлось, прежде чем создать Музей Невинности, познакомиться с главными коллекционерами Стамбула и обследовать многие блошинные рынки. Знаменитый собиратель Хаста Халит-бей после долгих препирательств позволил прикоснуться к одной из этих открыток, и знакомый фасад отеля, отстроенный в современном, международном стиле, сразу же восстановил в памяти не только вечер помолвки, но и события моего детства.

Когда мне было десять лет, родители ходили на торжественный прием по случаю открытия отеля с участием совершенно забытой ныне американской кинозвезды Терри Мур. В последующие годы все быстро привыкли к новому зданию, хотя оно было чуждым старому и усталому силуэту Стамбула, и начали заскакивать в отель по любому поводу. Представители европейских компаний, закупавших товары отца, останавливались в «Хилтоне» ради того, чтобы посмотреть восточные танцы. Мы всей семьей ездили туда на выходных ужинать, чтобы отведать чудного блюда под названием «гамбургер», тогда еще не подававшегося ни в одной турецкой закусочной, а нас с братом очаровывала ярко-красная, отделанная золотой лентой униформа усача-швейцара, с блестящими пуговицами на эполетах. В те годы большинство западных новинок появлялось прежде всего в «Хилтоне», и все главные газеты держали в отеле специальных корреспондентов. Кроме того, с открытия «Хилтон» превратился в островок смелых новшеств. Респектабельным господам и смелым дамам номера в нем предоставляли, не спрашивая свидетельства о браке. Если на каком-нибудь любимом маминим костюме появлялось пятно, она отсылала его в химчистку «Хилтона». В вестибюле же гостиницы была кондитерская, где она любила пить чай с подругами. Многие мои родственники и друзья праздновали свадьбы в большом балльном зале отеля на первом этаже. Когда стало понятно, что полуразвалившийся летний особняк моей будущей тещи в азиатской части Стамбула для помолвки не очень подходит, мы вместе выбрали «Хилтон».

Четин-эфенди рано высадил нас (маму, отца и меня) перед огромной вращающейся дверью, козырек над которой напоминал ковер-самолет.

– У нас еще полчаса, – сказал отец, входя в отель. – Пойдемте посидим, выпьем что-нибудь.

Мы сели в углу, за большим цикламеном в кадке, откуда отлично просматривался вестибюль, и заказали у пожилого официанта, знавшего отца и осведомившегося о его здоровье, по стаканчику раки, а матери – чай. Нас закрывали широкие листья цветка, и поэтому проходившие мимо знакомые и родственники не могли нас увидеть.

– Ой, смотрите, как дочка Резана выросла, какая милая стала! – восклицала мама. – Мини-юбку надо запретить носить тем, у кого ноги для такой длины не годятся, – неодобрительно оглядывала она другую гостью. – Семейство Памук мы не собирались сажать в углу, просто так получилось, – отвечала она на какой-то вопрос отца, а потом указывала на других гостей. – В кого превратилась Фазыла-ханым! Как жаль! Ее бесподобная красота исчезла, и ничего-то не осталось... Сидели бы дома, чтобы никто не видел бедняжку в таком виде... А эти, в платках, кажется, родственницы матери Сибель... Хиджаби-бея для меня теперь не существует. Бросил свою умницу-жену, детей, женился на заурядной девице... Нет, ты посмотри, парикмахер Невзат, мне назло конечно же, сделал Зюмрют такую же прическу! А эти муж с женой кто? Ну надо же! У них и лицо, и нос, и походка, и даже одежда как у лисиц... У тебя есть деньги, сынок?

– Почему ты спрашиваешь? – удивился отец.



– Он домой в последний момент прибежал, быстро переоделся, будто не на помолвку, а в клуб идет. Ты взял с собой деньги, Кемаль, сынок?

– Взял.

– Вот и хорошо. Смотри не сутулься, все же на вас смотреть будут... Ну что, пора вставать.

Отец сделал знак официанту, заказав еще стаканчик раки, сначала себе, затем, внимательно посмотрев на меня, и мне, опять на пальцах показав количество.

– Ты вроде уже перестал грустить, – заметила мать. – Что опять стряслось?

– Я что, не могу на помолвке собственного сына пить и веселиться? – возмутился отец.

– Ах, какая она у нас красавица! – воскликнула мать, завидев Сибель. – Какое платье прекрасное, и жемчуг подошел. Правда, она такая красивая, что ей все подойдет... И это платье! Как она изящно в нем смотрится, правда, сынок? Ну такая милая! Кемаль, тебе очень-очень повезло!

Сибель обнялась с двумя красивыми подругами, которые недавно прошли перед нами. Девушки осторожно держали тонкие сигареты, аккуратно поцеловались, не касаясь друг друга губами, накрашенными ярко-красной помадой, чтобы не задеть и не испортить макияж и прическу. Разглядывая наряды, они весело демонстрировали ожерелья и браслеты.

– Каждый разумный человек знает, что жизнь прекрасна и что главная цель – быть счастливым, – задумчиво произнес отец, глядя на них. – Но счастливыми в конце концов становятся только дураки. Как это объяснить?

– Сегодня у твоего сына один из самых счастливых дней в жизни. К чему ты все это говоришь, Мюмтаз? – рассердилась мать. Потом повернулась ко мне. – Давай, сынок, иди к Сибель! Чего ты сидишь? Не отходи от нее, веселитесь, будьте счастливы!

Я отставил стакан, сделал шаг, выбравшись из листьев цветка, и направился к девушкам; на лице у Сибель засияла счастливая улыбка.

– Где ты задержалась? – спросил я, целуя невесту.

Сибель представила меня подругам, а после этого мы с ней следили за вращающейся дверью.

– Ты сегодня очень красивая, дорогая моя, – прошептал я ей на ухо. – Самая красивая!

– Ты тоже сегодня очень красивый. Может, не будем здесь стоять?

Мы остались у входа. Не потому, что я не хотел уходить, а потому, что Сибель нравилось ловить на себе восхищенные взгляды знакомых и незнакомых гостей и богатых туристов, входивших в гостиницу.

Сейчас, когда прошло так много лет, я понимаю, что в годы нашей молодости круг состоятельных и европеизированных людей Стамбула был весьма узким. Все друг друга знали, все сплетничали друг о друге. Вон идет семья оливкового и мыльного фабриканта Халиса из Айвалыка, мама с ними дружила, когда водила нас с братом, совсем маленьких, в парк Мачка играть в песочнице. Вон их невестка с невероятно длинным, как у всего семейства, подбородком (тут виновато смещение линий внутри рода!) и их сыновья, у которых подбородки еще длиннее... Вот и Кова Кадри с дочерьми – отец служил с ним в армии, а мы с братом ходим с ним на футбол. Он бывший вратарь, теперь импортер автомобилей. На дочерях сверкают и переливаются серьги, браслеты, ожерелья, кольца... Следом прошли толстошей сын бывшего президента республики и его стройная жена. Он как-то попал в темную историю, когда занялся торговлей. Доктор Барбут в свое время вырезал миндалины всему высшему свету Стамбула, и мне в том числе, так как двадцать лет назад эта операция считалась очень модной. Тогда один вид его сумки и светло-коричневое пальто доктора приводили в ужас и меня, и сотни других стамбульских ребятшек...

– У Сибель с миндалинами все в порядке, – улыбнулся я нежно обнявшему меня врачу.

– Теперь у медицины другие методы, чтобы пугать девушек и наставлять их на путь истинный, – хохотнул доктор, отвечая шуткой, которую часто повторял всем.

За ним появился красавец Харун-бей – директор турецкого представительства компании «Сименс». Мать не любила этого сдержанного и волевого на вид человека за то, что он женился в третий раз на дочери своей второй жены (то есть на своей падчерице), не обращая никакого внимания на возмущение и негодование общества. Своим уверенным, хладнокровным видом и приятной улыбкой он за короткое время заставил всех примириться с его решением. С Альптекином, старшим сыном Джунейт-бея, имя которого отец произносил, исполнившись праведного гнева, хотя и дорожил его дружбой, поскольку тот разбогател в мгновение ока (он приобрел за бесценок фабрики и дома евреев и греков, отправленных во время Второй мировой войны в трудовые лагеря в связи с неуплатой специально введенных в Турции для национальных меньшинств крайне высоких налогов, и перешел от ростовщичества к фабричному производству), и его женой Фейзан я учился в одном классе в начальной школе, а Сибель – с их младшей дочерью Асеной. Мы оба обрадовались, что впервые узнали об этом именно в такой день, и даже решили вместе встретиться в ближайшее время.

– Пойдем наконец в зал, – предложил я.

– Ты очень красивый, но не сутулься, – повторила, сама того не зная, мамины слова Сибель.

Повар Бекри-эфенди, Фатма-ханым, привратник Саим-эфенди с женой и детьми, все празднично одетые, смущаясь, неловко, по очереди подошли к нам и поздоровались с Сибель за руку. Фатма-ханым и жена привратника, Маджиде, надели подаренные матерью парижские шелковые платки, по-своему повязав их на голову. Их прыщавые отпрыски в пиджаках и галстуках исподтишка, но с восхищением разглядывали Сибель. Потом нас поприветствовали приятель отца, масон Фасих Фахир, с женой Зарифе. Отец очень любил его, но ему не нравилось, что тот член ложи. Дома отец ругал масонов на чем свет стоит, говорил, что в деловом мире у них существует своя тайная организация, в которой все только своим и по знакомству, с возмущением внимательно читал издаваемые антисемитскими организациями списки масонов в Турции, хотя перед приходом Фасиха все это прятал.

Сразу вслед за ним вошла единственная в Стамбуле (и, наверное, во всем исламском мире!) сводница, которую знал весь высший свет, – Красотка Шермин, с одной из своих девиц, и направилась в кондитерскую. Завидев ее лицо, я сначала было решил, что она тоже приглашена.

Следом, в странных очках, показался Крыса Фарук. Его мать – подруга моей матери, и мы с ним в далеком детстве даже одно время дружили и поздравляли друг друга с днем рождения. Потом вошли сыновья табачного магната Маруфа. С ними мы тоже знакомы с детства, так как наши няньки дружили, Сибель же хорошо знала их по Большому клубу на острове Бюйюкада<sup>8</sup>, где собирался весь цвет Стамбула.

Бывший министр иностранных дел, которому предстояло надеть нам кольца, пожилой и полный Меликхан-бей, важно вплыл в вестибюль под руку с моим будущим тестем, обнял и расцеловал Сибель. Меня он смерил взглядом.

– Слава богу, симпатичный, – произнес он, обращаясь к моей невесте. – Очень рад знакомству, молодой человек, – пожал Меликхан-бей мне руку.

К нам подошли, смеясь, подруги Сибель. Бывший министр величаво, как бывалый дамский угодник, похвалил девушек за прекрасный вид, крепко расцеловал каждую в щеки и удалился в зал, весьма довольный собой.

– Терпеть не могу этого негодяя, – проворчал отец, спускаясь по лестнице.

---

<sup>8</sup> Принцезы острова, в число которых входит, помимо Бюйюкада, Хейбелиада, Седефада и прочие, являются излюбленным местом отдыха стамбульцев.

- Перестань, ради бога! – рассердилась мама. – Смотри лучше под ноги.
- Смотрю! Не слепой, хвала Аллаху, – отозвался отец.

Из огромных окон бального зала открывался прекрасный вид на дворец Долмабахче и далее – на Босфор, Ускюдар и Девичью башню. В зале уже собралась толпа гостей. Отец заметно оживился, и мы с ним, за руку, пошли здороваться, обнимать и подолгу расспрашивать о делах по очереди каждого присутствующего, обходя официантов с подносами, предлагавших гостям разноцветные канапе.

- Мюмтаз-бей, ваш сын – копия вы в молодости! Я будто вас молодым увидела.

– Я все еще молод, сударыня! – На этих словах отец повернулся ко мне и прошептал: – Не держи меня так крепко под руку, будто я сам идти не могу.

Я незаметно удалился в сад, полный красивых женщин, он сверкал и переливался. Многие дамы надели туфли на высоком каблуке, с открытым носом, и поэтому у них на ногах виднелись тщательно и явно с удовольствием выкрашенные в пожарный красный цвет ногти. На некоторых были длинные платья с открытым верхом, представлявшие на всеобщее обозрение плечи и верх груди, что еще более подчеркивало их желание спрятать ноги. Молодые женщины держали в руках маленькие блестящие сумочки с металлическим замочком. Такая же сумочка была у Сибель.

Сибель скоро подошла ко мне, взяла меня за руку и начала представлять своим родственникам, друзьям детства или по школе и близким подругам, которых я видел впервые.

– Кемаль, я тебя сейчас познакомлю со своим давним другом, который тебе очень понравится, – представляла она всякий раз того или иного человека. Сибель произносила его имя официальным тоном, но на лице у нее всегда было заметно счастливое волнение.

Счастлива она была оттого, что жизнь ее шла именно так, какой она хотела и планировала ее видеть. Подобно тому как безупречно нашли свое место на ее платье каждая жемчужинка, каждый бантик, как безупречно каждая складка платья повторила после многодневных усилий каждый изгиб ее тела, так и тот вечер, задуманный и до мелочей спланированный ею много месяцев назад, оказался именно таким, каким он ей представлялся, что свидетельствовало – счастливая жизнь, которую она для себя предусмотрела, осуществится во всех подробностях. Поэтому Сибель встречала каждую минуту этого вечера, каждое новое лицо, каждого, кто подходил обнять и приветствовать ее, так, будто это – причина нового счастья. Иногда она с покровительственным видом, осторожно, словно пинцетом, снимала ногтями у меня с плеч какой-нибудь призрачный волосок или пылинку.

Когда я отвлекался от людей, с которыми мы обнимались, пожимали руки и обменивались любезностями, и оглядывался вокруг, то замечал, что гости, между которыми продолжали ходить официанты с канапе на подносах, давно расслабились, алкоголь постепенно действовал на всех, голоса и смех постепенно становились громче. Все женщины были слишком ярко накрашены и разряжены в пух и прах. Поскольку большинство надели узкие и довольно легкие платья с сильно открытым верхом, почему-то казалось, будто все они мерзнут. Мужчины в светлых двойках и при галстуках, которые для Турции казались ярковаты, зато считались модными, будучи отголоском разноцветных, с крупным орнаментом галстуков в стиле «хиппи», появившихся в Европе три-четыре года назад, напоминали мальчишек, одетых ради праздника в неудобный, тесный и наглухо застегнутый родителями костюм. Было видно, что многие богатые турки среднего возраста либо не слышали, либо не придали значения тому, что мировая мода на бакенбарды, высокие каблуки и длинные волосы прошла несколько лет назад. От этих бакенбардов, слишком длинных и слишком широких, которые дополняли густые черные усы и длинные волосы, лица мужчин, особенно молодых, казались невероятно мрачными. К тому же они постарались вылить как можно больше брильянтина. В какой-то момент его аромат, смешанный с тяжелыми испарениями духов, едкий сигарный дым, запах жареного масла, долетавший до нас с кухни, разбавил легкий летний ветер, и мне вспомнились званые ужины, которые

в детстве устраивали дома родители, а спокойная, тихая музыка, какая обычно играет в лифтах (оркестр «Серебряные листья» репетировал перед основной программой), шептала мне, что я счастлив.

Наконец гостям надоело стоять, пожилые явно устали. Те, кто проголодался, начали рассаживаться за столы, не без помощи своих детей, носившихся по залу. «Папа, я нашел наш стол!» – «Где? Не бегай, упадешь!» Бывший министр иностранных дел, недаром заправский дипломат, взял меня под руку, отвел в сторонку и начал долго рассказывать, как изящна, высокообразованна Сибель, благородную семью которой он знает с давних пор, примешивая к похвалам ностальгические воспоминания.

– Таких старинных аристократических семейств уже почти не осталось, Кемаль-бей, – вкрадчиво толковал он. – Вы из делового мира и знаете лучше меня: все места заняты разными нуворишами – без культуры, без образования, – деревенщинами с замотанными в платки женами и дочерьми. На днях видел человека в Бейоглу. Идет как араб, а за ним две жены в черных хиджабах. Вот он вывел их в Бейоглу покормить мороженым... Ну-ка скажи мне, всерьез ли ты решил жениться на этой девушке и быть с ней счастливым до конца дней?

– Всерьез, сударь.

Бывшего министра несколько разочаровало, что я не украсил ответ изящной шуткой, и это не укрылось от меня.

– Помолвка означает, что имя этой девушки навсегда будет связано с твоим. Помолвку расторгать нельзя. Ты хорошо подумал?

Вокруг нас начали собираться гости.

– Хорошо.

– Тогда предлагаю обручить вас прямо сейчас, и приступим к еде.

Я чувствовал, что не нравлюсь ему, но это совершенно не огорчало меня. Собравшимся вокруг гостей министр привел один эпизод, связанный с его службой в армии, из которого следовало, что и Турция, и он сам сорок лет назад были очень бедны, однако потом многого добились. После этого он трогательно поведал о том, как в это же время сорок лет назад у него состоялась скромная и тихая помолвка с его покойной женой. Затем вознес всяческие похвалы Сибель и ее семье. В его словах не было юмора, но почему-то все, включая смотревших издали официантов с подносами, слушали его с улыбкой, будто он рассказывал что-то очень смешное. Кольца, которые сейчас лежат в моем музее, принесла на серебряном подносе десятилетняя девочка Хюлья, с зубами как у зайца, восхищавшаяся Сибель, которая ее очень любила. Воцарилась тишина. Мы с Сибель от волнения, а министр от смущения перепутали руки, на которые следовало надеть кольца, и не могли придумать, как выпутаться из этого неловкого положения. Кто-то из гостей, уже готовый рассмеяться, закричал: «Не тот палец, другая рука!» Потом наконец весело загомонила вся толпа, будто мы стояли среди студентов, и кольца попали туда, куда и нужно. Министр разрезал связывавшую их ленточку, и мгновенно раздался гром аплодисментов, напомнивший мне шум крыльев взлетающей голубиной стаи. Хотя я именно так себе все и представлял, мне вдруг стало невероятно хорошо от того, что все люди, которых я знал, сейчас стояли вокруг, смотрели на нас и хлопали. И вдруг сердце мое заколотилось.

Позади толпы я увидел Фюсун с родителями. Меня охватила огромная радость. Целуя Сибель в щеки, обнимая мать, отца и брата, сразу подошедших поздравить нас, я уже знал причину своего восторга, хотя и надеялся не только скрыть ее от собравшихся, но провести самого себя. Наш стол располагался у танцевальной площадки. Прежде чем сесть, я посмотрел, что Фюсун уже заняла с родителями места за самым дальним столом, рядом с тем, где сидели сотрудники «Сат-Сата».

– Вы оба так счастливы, – заметила Беррин, жена моего брата.

– Мы очень устали... – вздохнула Сибель. – Если помолвка так утомительна, что на свадьбе будет?

– Вы ничего не заметите, потому что и в тот день тоже будете счастливы, – улыбнулась Беррин.

– Что такое, по-твоему, счастье, Беррин? – Я схватился за соломинку.

– О-о-о, какие ты вопросы задаешь! – опять улыбнулась Беррин и на мгновение сделала вид, будто размышляет над ответом, но тут же смущенно рассмеялась, так как шутки в подобный торжественный момент ей казались неуместными.

Среди гула оживленных голосов приступивших к еде гостей, звона вилок с ножами и музыки оркестра мы оба одновременно услышали, как мой брат что-то громко рассказывает соседу.

– Семья, дети, люди вокруг тебя, – проговорила Беррин. – Даже если ты несчастлив, даже самый плохой день, – тут она указала глазами на брата, – проживаешь так, будто счастлив. В кругу семьи исчезают все невзгоды. Сразу обзаводитесь детьми. Пусть их будет много, как в деревне.

– Это еще что такое? – вмешался брат. – О чем это вы тут сплетничаете?

– Я говорю им, чтоб детей поскорее заводили, – сказала Беррин. – Сколько им нарожать? Никто на меня не смотрел, и я украдкой выпил залпом полстаканчика раки.

Беррин наклонилась к моему уху:

– Кто тот человек и симпатичная девушка в конце стола?

– Лучшая подруга Сибель из Франции. Нурджихан. Сибель специально посадила ее рядом с моим другом Мехмедом. Хочет их познакомить.

– Пока без особых успехов! – заметила Беррин.

Я сказал, что Сибель очень любит Нурджихан и отчасти восхищается ею. Когда обе вместе учились в Париже, Нурджихан постоянно крутила романы с французами, жила с этими мужчинами, скрывая все от своей состоятельной семьи в Стамбуле (недавние истории Сибель обычно пересказывала с отвращением). Но ни один из романов ничем не закончился, и ужасно расстроенная Нурджихан под влиянием Сибель решила вернуться в Стамбул.

– Но чтобы жить здесь, ей, конечно, нужно познакомиться и полюбить кого-то из нашего круга, кто оценит ее саму, ее французское образование и кому будет не важно, что в прошлом у нее кто-то был, – добавил я.

– Ну, там, кажется, до такой любви еще далеко, – со смехом прошептала Беррин, указав головой на Нурджихан и Мехмеда. – А его семья чем занимается?

– Богачи. Отец – известный строительный подрядчик.

Левая бровь Беррин с сомнением поползла вверх, но я подтвердил, что Мехмед – мой давний проверенный друг по Роберт-колледжу – порядочный человек и что, хотя его семья весьма набожна и традиционна, родные много лет не решаются женить его с помощью свахи; а его мать, которая носит платок, против того, чтобы он завел себе пассию, пусть даже та будет из образованной, состоятельной стамбульской семьи; сам же он хочет познакомиться и подружиться с какой-нибудь порядочной девушкой, наконец, выбрать себе невесту.

– Но пока у него не получилось ничего хорошего ни с одной из девушек, с которыми он знакомился.

– Конечно не получится, – протянула Беррин многозначительно.

– Почему это?

– Ты только посмотри на него... – ответила она. – За провинциалов из анатолийской глубинки девушка выйдет только через сваху. Потому что таких боятся. Он долго будет ходить вокруг да около, а если вдруг решится на что-то, не исключено, станет считать ее проституткой.

– Ну, Мехмед не такой.

– Однако его внешность, да и окружение, его семья свидетельствуют именно об этом. Разумная девушка обычно не верит словам мужчины, она смотрит на его круг – друзей, семью, на его привычки, образ жизни. Разве нет?

– Ты права, – сдался я. – Разумные девушки, не буду сейчас их называть, которые боятся Мехмеда и не хотят дружить с ним, несмотря на его серьезные намерения, чувствуют себя гораздо спокойнее с мужчинами другого сорта и могут зайти довольно далеко, даже если не уверены в их серьезных намерениях.

– Ну вот, разве я тебе не говорила! – гордо произнесла Беррин. – А сколько мужчин в этой стране через много лет попрекают, унижают жену за то, что она отдалась до свадьбы! Я тебе еще вот что скажу: твой друг Мехмед на самом деле еще не влюбился ни в одну из девушек, с которыми хотел встречаться. Когда мужчина влюблен, это сразу чувствуется, и женщина сразу поведет себя по-другому. Конечно, я не говорю, что она немедленно готова на все, но может сблизиться с ним настолько, чтобы выйти за него замуж.

– Мехмед и не мог влюбиться, потому что ни одна из девушек не доверяла ему, они все обычно боялись его. Вот и поди разберись, что раньше – яйцо или курица.

– Это неверно, – не соглашалась Беррин. – Чтобы влюбиться, постель и физиология не нужны. Любовь – это как у Лейлы и Меджнуна.

В ответ я лишь вздохнул.

– Что там у вас такое, расскажите-ка и нам, – обратился с другого конца стола брат. – Кто с кем в постели?

Беррин укоризненно посмотрела на мужа – рядом были дети, и прошептала мне на ухо:

– Вот поэтому главное, что от тебя требуется, – это понять, почему скромный, как ягненок, Мехмед до сих пор ни в кого не влюбился, ни в одну из своих девушек, относительно которых у него были серьезные намерения.

Я чуть было не признался Беррин, которую глубоко уважал за ум, что Мехмед – неисправимый завсегдатай домов свиданий. С одной стороны, он регулярно посещал обитательниц частных домов в Сырасельвилере, Джихангире, Бебеке и Нишанташи. С другой, – пытался создать серьезные отношения с порядочными двадцатилетними девочками, с которыми знакомился в приличных местах, например на работе, но с ними у него ничего не получалось. Почти каждую ночь Мехмед проводил в страстных объятиях фальшивых кинозвезд. Иногда, напившись, он пробалтывался, что ему давно не хватает денег на девиц или что от усталости он не может собраться. Однако, когда мы с друзьями поздно ночью выходили откуда-нибудь из гостей, вместо того чтобы отправиться на покой домой, к своему отцу с четками и обмотанными платками матери и сестре, вместе с которыми он исправно постился во время Рамадана, Мехмед прощался с нами и шел ночевать в какой-нибудь дом свиданий, в Джихангир или Бебек.

– Ты слишком много пьешь сегодня, – заметила Беррин. – Не надо. Столько народу, все на вас смотрят...

– Хорошо, – с улыбкой согласился я и поднял стакан.

– Погляди-ка, Осман чем-то озабочен, – сказала Беррин, – а ты совсем расслабился... Как вы, два брата, можете быть такими разными?

– Вовсе мы не разные, – обиделся я. – Мы очень похожи. Я теперь стану гораздо ответственней и серьезнее Османа.

– Признаться, не люблю я серьезных, – улыбнулась Беррин. – Ты меня совсем не слушаешь, – донеслось до меня через некоторое время.

– Что? Слушаю, еще как слушаю...

– Ну, о чем я только что говорила?

– Ты сказала, что любовь должна быть как в сказках. Как у Лейлы и Меджнуна. – Это я запомнил.

– Нет, не слушаешь, – засмеялась Беррин. Но на ее лице промелькнуло беспокойство за меня.

Она повернулась к Сибель, чтобы понять, заметила ли та, в каком я состоянии. Но Сибель оживленно рассказывала о чем-то Мехмеду и Нурджихан.

Все это время я пытался не признаваться себе, что часть моего сознания была занята Фюсун. Разговаривая с Беррин, я спиной чувствовал, что она сидит где-то там, позади. И всю помолвку думал только о ней... Но довольно! И так видно: ничего у меня не получилось.

Под каким-то предлогом я встал из-за стола. Мне хотелось посмотреть на Фюсун. Я обернулся, но ее не увидел. Было очень много людей, все они разговаривали, пытались перекрыть друг друга. Шума добавляли еще и бегавшие между столами дети. На это накладывались звуки музыки, звон вилок, ножей и тарелок, и все сливалось в общий плотный гул. А я пробирался сквозь толпу, туда, в конец зала, где была Фюсун.

– Кемаль, дорогой, поздравляю! – крикнул чей-то голос. – Когда танец живота?

Голос принадлежал Задавале Селиму, сидевшему за одним столом с семейством Заима, и я улыбнулся в ответ, будто меня рассмешила его шутка.

– Прекрасный выбор, Кемаль-бей, – похвалила меня какая-то добродушная с виду тетушка. – Вы меня, наверное, не помните. Я довожусь вашей матушке...

Не успела она договорить, кем она доводится моей матушке, как прошел официант с подносом и слегка задел меня. Когда я опять посмотрел на тетушку, она была уже далеко.

– Дай посмотреть кольцо! – Какой-то мальчишка вцепился мне в руку.

– Перестань сейчас же, как не стыдно! – резко одернула его дородная мать. Она замахнулась, будто собираясь его ударить, но мальчишке явно было не впервой, и, хитро хихикнув, он моментально увернулся. – Иди сюда, сядь! – прикрикнула она на него. – Извините, Кемаль-бей... Поздравляем!

Совершенно незнакомая мне женщина средних лет хохотала до упаду, лицо ее от смеха покраснелось, однако, перехватив мой взгляд, она посерьезнела. Ее муж познакомил нас, – оказалось, это родственница Сибель, живущая в Амасье. Не буду ли я так любезен посидеть с ними? Надеюсь, что увижу Фюсун, я пристально всматривался в даль, ее не было видно, будто сквозь землю провалилась. Мне стало больно. Незнакомая мне прежде горечь растекалась по моему телу.

– Вы кого-то ищете?

– Меня ждет невеста, но я все-таки выпью с вами рюмочку...

Они обрадовались, сразу сдвинули стулья, чтобы я сел. Нет, тарелку мне не нужно, еще немного раки.

– Кемаль, дорогой, ты знаком с генералом Эрчетином?

– Ага, – буркнул я. На самом деле никакого генерала не знал.

– Я муж двоюродной сестры отца Сибель, молодой человек! – скромно представился этот генерал. – Мои поздравления!

– Простите меня! Вы в штатском, и я вас сразу не узнал. Сибель часто вас вспоминает.

Сибель как-то рассказывала, что много лет назад ее кузина познакомилась летом на Хейбелиаде с неким морским офицером и влюбилась в него; я слушал тогда невнимательно, решив, что адмирал, само собой, звание высокое, к такому человеку всегда с почтением отнесутся в любой состоятельной семье, так как он необходим для связей с чиновниками либо для получения отсрочек от армии и других поблажек, но что это всего-навсего военный, и не более того... А сейчас мне почему-то захотелось понравиться ему, проявить уважение, например, заявить: «Генерал, когда военные наведут порядок в стране? Реакционеры с коммунистами ведут нас к гибели!» – но, хотя я был очень пьян, бестактности себе не позволил. Пытаясь выглядеть трезвым, я, точно во сне, поднялся из-за стола и вдруг вдалеке заметил Фюсун.

– Вынужден вас покинуть, господа! – обратился я к удивленно смотревшим на меня гостям.

Всегда, когда выпью лишнего, мне начинает казаться, будто я не иду, а парю над землей, как привидение. Я направился в сторону Фюсун.

Она сидела с родителями за дальним столом. На ней было оранжевое платье на бретельках, обнажавшее крепкие плечи; ради торжественного случая Фюсун сделала прическу. Невроятно красивая! Я был счастлив и взволнован уже потому, что мог полюбоваться ею, пусть и издалека.

Она делала вид, что не замечает меня. Нас разделяло семь столов, и за четвертым по счету расположилось беспокойное семейство Памук. Я пошел в ту сторону и немного поболтал с братьями Айдыном и Пондюзом, у которых некогда имелись общие дела с отцом. Вдруг мой взгляд поймал, как молодой наглец Кенан, сидевший за соседним столом, не сводит с Фюсун глаз и заговаривает с ней.

Семейство Памук, некогда богатое, но бездарно потерявшее свое состояние, чувствовало себя скованно среди богачей. Они пришли все: красивая мать и отец двадцатитрехлетнего Орхана и его старшего брата, их дядя и двоюродные братья. В непрерывно курившем Орхане не было ничего примечательного, о чем стоило бы упомянуть, кроме того, что он отчего-то нервничал, но при этом пытался насмешливо улыбаться.

Покинув унылый приют Памуков, я пошел прямо к Фюсун. Как описать радость, засиявшую на ее лице, едва она удостоверилась, что я отважно направился к ней и все во мне кричит о любви к ней? Она густо покраснела, и темно-розовый оттенок придал поразительную живость ее коже. По взглядам тети Несибе стало понятно, что Фюсун ей все рассказала. Я пожал сухую руку тети, потом руку вроде бы ничего не подозревавшего отца, с такими же длинными пальцами, как у дочери, а затем – нежную ручку Фюсун с тонким запястьем. Когда очередь дошла до моей красавицы, я, подержав ее за руку, расцеловал в щеки, и близость нежной шеи и изящных мочек пробудила во мне желание, напомнив о минутах радости и страсти. Вопрос, который я все время твердил про себя: «Зачем ты пришла?» – тут же превратился в слова: «Как хорошо, что ты пришла!» Она тонко подвела глаза, губы накрашила розовой помадой. Все это в сочетании с духами делало ее немного чужой, но и невероятно притягательной одновременно, а еще – более женственной. Однако по ее покрасневшим глазам, по детской припухлости век было ясно, что после нашего расставания она плакала. Вдруг в ее лице появилась решимость уверенной в себе зрелой женщины.

– Кемаль-бей, – храбро произнесла она, – я знакома с Сибель-ханым! Прекрасный выбор! От всей души поздравляю вас!

– О, благодарю...

– Кемаль-бей, – тут же вмешалась ее мать, – один Всевышний ведает, насколько вы занятой человек, и нашли-таки время позаниматься математикой с моей дочкой! Благослови вас за это Аллах!

– У нее ведь завтра экзамен? – Я, разумеется, не забыл об этом. – Будет лучше, если она сегодня вечером пораньше вернется домой.

– Конечно, у вас теперь есть право ею руководить, – многозначительно произнесла мать. – Но она столько слез пролила от этой математики... Уж позвольте ей хотя бы сегодня повеселиться!

Я с отеческой нежностью посмотрел на Фюсун. От шума и музыки нас никто не слышал – так бывает во сне. Фюсун то и дело бросала на мать гневные взгляды. Я несколько раз был свидетелем ее гнева в «Доме милосердия» и поэтому в последний раз окинул взглядом ее упругую грудь, чуть видневшуюся в вырезе платья, роскошные плечи, нежные, почти детские, руки. Меня, как огромная морская волна, обрушившаяся на берег, охватило чувство невыразимого



счастья, и, возвращаясь, я чувствовал, что готов преодолеть все препятствия, которые предстоят нашей любви в будущем.

«Серебряные листья» играли мелодию «Вечер на Босфоре», переделанную из английской песни «It's Now or Never». Не будь я уверен, что безграничного, истинного, полного счастья в этом мире можно достичь только тогда, когда вот именно «сейчас» обнимаешь любимого человека, то назвал бы момент нашей краткой беседы «счастливейшим мгновением своей жизни». Ведь по словам ее матери и по гневным, полным обиды взглядам Фюсун я догадался, что она не сможет разорвать наши отношения и что даже ее мать согласна на это и питает некие надежды. Я понял, что, если окружу ее вниманием и заботой, покажу, как сильно люблю ее, Фюсун навсегда останется рядом со мной. Аллах ниспослал мне великую милость: одни его рабы (например, мой отец) обретали мужское счастье лишь к пятидесяти годам, после долгих страданий, и наслаждались им с оглядкой на мораль, деля радости семейной жизни с красивой, образованной и достойной женой и упиваясь одновременно тайной бурной любовью со страстной юной красавицей; мне же в отличие от них повезло. В тридцать лет я уже удостоился подобной милости почти без усилий и без особых жертв со своей стороны. Хотя я не считал себя набожным, открытка счастья, присланная мне в тот вечер Аллахом, запечатлевшая веселых нарядных гостей, разноцветные фонарики в саду «Хилтона», огни Босфора, видневшиеся из-за платанов, и темно-синее бархатное небо, навсегда осталась в моей памяти.

– Где ты был? – Сибель волновалась. Она уже ходила меня искать. – Я стала беспокоиться. Беррин сказала, ты много выпил. С тобой все в порядке?

– Да, сначала действительно выпил многовато, но теперь все хорошо, дорогая. Единственное, что меня беспокоит, – это слишком много счастья.

– Я тоже очень счастлива, но у нас небольшая проблема.

– Какая?

– У Нурджихан с Мехмедом ничего не складывается.

– Ну не складывается, так не складывается. Зато мы счастливы.

– Ты не понимаешь. Они оба этого хотят. Я даже уверена, что если они чуть-чуть попри-  
выкнут друг к другу, то сразу поженятся. Однако оба как шест проглотили.

Я издали посмотрел на Мехмеда. Он никак не мог подступить к Нурджихан и, сознавая свою неловкость, сердился на себя и еще больше зажимался.

– Сядь-ка, поговорим. – Я решил поведать Сибель один секрет. – Может, с Мехмедом мы уже опоздали. Может, он теперь никогда не женится на порядочной девушке.

– Это почему же?

Мы сели за стол. К нам тут же подошел официант, и я попросил раки. Так легче было объяснить Сибель, широко раскрывшей глаза от страха и любопытства, что Мехмед не может нигде найти счастья, кроме пропитанных благовониями комнат с красным абажуром.

– Тебе они тоже явно хорошо знакомы, – съехидничала Сибель. – До знакомства со мной ты ходил с ним?

– Я очень тебя люблю, – нежно сказал я, положив свою руку на ее и не обращая внимания на официанта, засмотревшегося на наши кольца. – Но Мехмед, наверное, никогда не сможет сильно полюбить приличную девушку. Из-за этого он сейчас волнуется.

– Очень жаль! – вздохнула Сибель. – А все из-за того, что девушки его пугаются...

– Он сам виноват, что пугает их. Они правы. Что будет, если девушка доверится ему, а он на ней не женится? Все станет известно, все узнают ее имя. Что ей тогда делать?

– Обычно все сразу понятно, – осторожно сказала Сибель.

– Что понятно?

– Можно доверять мужчине или нет.

– Понять не так просто. Многие девушки мучаются, потому что не могут решить. Если же отдаются мужчине, то от страха не получают удовольствия. Не знаю, бывают ли смелые

девушки, способные не думать ни о чем. Но Мехмед никогда бы не стремился овладеть избранницей до свадьбы, если бы, пуская слюни, не слушал истории о половой свободе в Европе и если бы не считал это признаком цивилизованности. Он давно бы нашел себе невесту. А сейчас – смотри, как он мучится рядом с Нурджихан.

– Он знает, что у Нурджихан в Европе были мужчины. Это и притягивает, и пугает его, – заметила Сибель. – Давай поможем ему!

«Серебряные листья» играли мелодию «Счастье», сочинение собственного композитора. Романтичная музыка настроила меня на чувствительный лад. Я с радостью и страданием ощутил, что любовь к Фюсун теперь у меня в крови, и принялся с видом всезнайки рассуждать о том, что через сто лет Турция, наверное, станет европейской страной и тогда наступит райская жизнь: все освободятся от предрассудков, никому не нужно будет беспокоиться о девственности или о мнении окружающих, но, пока не наступили такие времена, суждено испытывать муки любви и страсти.

– Нет-нет, – поспешно возразила моя добрая красивая невеста, взяв меня за руку. – Мехмед и Нурджихан скоро тоже будут счастливы, как мы сегодня. Потому что мы обязательно их поженим.

– Хорошо, но что нужно для этого сделать?

– Посмотрите-ка на них? Уже уединились и сплетничают! – Перед нами внезапно возник какой-то незнакомый тип. – Позвольте мне присесть, Кемаль-бей? – Не дожидаясь моего согласия, он взял стоявший поблизости стул и подсел к нам. Тучный, на вид около сорока, в петлице красовалась белая гвоздика, и от него пахло сладким, удушающе густым ароматом женских духов. – Если жених с невестой будут шушукаться в углу, то для гостей пропадет все удовольствие от свадьбы.

– Это еще не свадьба, – осадил я. – Мы только помолвлены.

– Но говорят, ваша роскошная помолвка пышнее любой свадьбы, Кемаль-бей. Где вы могли бы провести ее, кроме «Хилтона»?

– Простите, с кем я говорю?

– Это вы меня простите, Кемаль-бей. Мы, журналисты, всегда уверены, что нас знают. Меня зовут Сюрейя Сабир. Вы, может быть, знакомы со мной по заметкам под псевдонимом Белая Гвоздика в газете «Акшам».

– А, так это вы? Ваши светские сплетни читает весь Стамбул, – улыбнулась Сибель. – Я думала, это женщина, вы так хорошо разбираетесь в моде, в одежде.

– Кто вас пригласил? – опрометчиво резко вырвалось у меня.

– Благодарю вас, Сибель-ханым, – продолжал Белая Гвоздика. – В Европе утонченные мужчины разбираются в моде не хуже женщин. Кемаль-бей, согласно турецким законам о средствах массовой информации у нас, журналистов, есть право присутствовать на открытых публичных мероприятиях при условии предъявления журналистского удостоверения, которое вы видите у меня в руках. С точки зрения юриспруденции каждое мероприятие, для которого выпущено приглашение, считается открытым и публичным. Несмотря на это, я за многие годы ни разу не ходил туда, куда не был бы приглашен. На этот прекрасный вечер меня позвала ваша многоуважаемая матушка. Она, как современный человек, придает большое значение тому, что вы изволили назвать светскими сплетнями, иначе говоря, новостям общественной жизни, и часто приглашает меня на подобные приемы. Мы так подружились, что, когда у меня нет возможности пойти куда-либо, я записываю рассказ о приеме со слов вашей матушки по телефону и будто сам побывал там. Ведь ваша драгоценная матушка весьма внимательна, все замечает – совсем как вы – и никогда не скажет ничего неверного. Поэтому в моих новостях не бывает никаких ошибок или неточностей, Кемаль-бей.

– Вы неправильно поняли Кемалья, – пыталась сгладить мои слова Сибель.

– Совсем недавно некоторые нехорошие люди говорили о вашей помолвке: «Там будет весь контрабандный алкоголь Стамбула». Стране не хватает валюты, нет средств, чтобы купить мазут, чтобы работали наши фабрики! Некоторые из зависти к вашему богатству могут пожелать очернить столь прекрасный вечер, написав в газетах: «Откуда взялось столько контрабанды?» Кемаль-бей... Если вы будете обижать других так же, как меня, поверьте, напишут еще хуже... Но я – нет! Обещаю никогда не расстраивать вас! Клянусь прямо сейчас забыть ваши грубые слова навсегда! Ведь турецкая пресса – это свобода. Но взамен вы, пожалуйста, ответьте искренне на один мой вопрос.

– Конечно, Сюрейя-бей.

– Только что вы оба, вы и ваша невеста, горячо обсуждали что-то важное. Мне стало любопытно. О чем вы говорили?

– Мы беспокоились, понравилась ли гостям еда, – ответил я.

– Сибель-ханым, – заулыбался Белая Гвоздика, – у меня для вас отличная новость! Ваш будущий муж совершенно не умеет врать!

– Кемаль очень мягкий человек, – снова деликатно подправила ситуацию Сибель. – Мы говорили вот о чем: кто знает, сколько людей здесь страдает сейчас от любви, от страсти и просто от сексуальных проблем.

– Да-а, – задумчиво протянул толстяк. Прозвучало новомодное слово «секс», и газетчик на мгновение задумался, так как не мог решить, как ему отнестись к услышанному: сделать вид, что получил чье-то скандальное признание, или изобразить понимание глубины человеческих страданий. Потом он выкрутился: – Вам, молодым и современным людям, эти страдания, разумеется, чужды. – Он произнес все слова ровным тоном, без какой-либо насмешки, как опытный журналист, который знает, что в непростых ситуациях лучше задобрить собеседника похвалами. И принялся рассказывать, с таким видом, будто переживал за всех присутствующих, у кого из гостей безответно влюблена дочь; кто из присутствующих девушек вел себя слишком свободно и не принят в хорошие семьи; кто из матерей мечтает выдать дочь и за какого богатого и жадного до развлечений юнца; кто из охламонов-наследников в кого влюблен, хотя уже обручен.

Мы с Сибель веселились, слушая его, а Белая Гвоздика, видя это, сыпал именами с еще большим задором. Он прибавил, что все эти позорные тайны всплывут, когда начнутся танцы, но тут подошла моя мать и упрекнула, что я и Сибель ведем себя неприлично: на нас все смотрят и хотят сказать добрые слова, а мы уселись рядом с грязными тарелками и заняты чем-то своим. Она все твердила, что так вести себя не подобает, и отправила нас за наш стол.

Как только я сел на свое место рядом с Беррин, образ Фюсун засиял у меня перед глазами с новой силой, будто кто-то воткнул вилку в розетку. Но на сей раз он не причинял мне боли, а, наоборот, дарил радость и озарял собой не только этот вечер, но и всю мою будущую жизнь. На мгновение я признался себе, что поступаю точно так же, как те мужчины, которые при женах изображают счастливую семейную жизнь, хотя на самом деле источником счастья для них являются их тайные любовницы, и вдруг осознал, как ловко изображаю преисполненного счастья из-за помолвки с Сибель.

Поговорив немного с обозревателем светской хроники, мать вернулась за стол.

– Ради Аллаха, будьте осторожны с этими газетчиками, – предупредила она. – Они напишут любую ложь, любые гадости. А потом будут угрозами требовать от отца давать больше рекламы. Теперь вставайте, пора начинать танцы. Все только вас ждут. Оркестр уже давно играет.

Мы танцевали с Сибель под музыку «Серебряных листьев». Все гости, как один, затаив дыхание, смотрели на нас, что придавало нашему танцу наигранную искренность и задушевность. Сибель положила руку мне на плечо, будто обнимая меня, а голову чуть прижала к моей груди, словно мы были где-нибудь на дискотеке, в темном уголке, и что-то все время с улыбкой

мне говорила. Когда мы совершали разворот, из-за ее плеча я оглядывал тех, кого она упоминала, например официанта, с улыбкой и полным подносом в руках любовавшегося нашим танцем, или ее мать, со слезами на глазах следившую за нами, или забавную женщину с прической, напоминавшей воронье гнездо, Мехмеда с Нурджихан, которые, пока мы танцевали, окончательно отвернулись друг от друга, или старого, девяностолетнего фабриканта, разбогатевшего еще в Первую мировую войну, который ел с помощью специального слуги в длинном тонком галстуке; но на дальние столы, туда, где сидела Фюсун, я не смотрел. Пока Сибель остроумно комментировала происходящее, я думал только о том, как было бы хорошо, если бы Фюсун нас не видела.

Тем временем грянули аплодисменты, но длились они недолго, и мы продолжили танцевать. Через некоторое время стали выходить в круг другие пары, а мы вернулись за свой стол.

– Вы очень красиво танцевали, хорошо смотрите друг с другом, – похвалила Беррин.

Фюсун пока не было среди танцующих. Сибель так расстроилась, что у Нурджихан с Мехмедом ничего не получается, что попросила меня вмешаться.

– Скажи ему, пусть немного попристает к ней, – попросила она, но я не стал.

Беррин вмешалась в разговор и шепотом прокомментировала, что насильно ничего хорошего не выйдет, что она следит за происходящим со своего места и что они оба выглядят слишком гордыми и избалованными, дело тут не только в Мехмеде, и, если они не понравились друг другу, не стоит и настаивать.

– Нет, у свадеб есть свое воздействие, – возразила Сибель. – Многие знакомятся с будущим мужем на чужой свадьбе. На свадьбах все проникается обстановкой – не только девушки, юноши тоже. Просто нужно помочь.

– О чем вы шепчетесь? Я тоже хочу знать! – вмешался в спор мой брат и поучительным тоном заметил, что глупо кого-то сватать – традиция свах давно прекратила существование в Турции, но, поскольку мест, где можно было бы знакомиться, как в Европе, все равно не хватает, добровольным свахам сегодня приходится гораздо трудней. Забыв, что разговор начался из-за Нурджихан с Мехмедом, брат повернулся к Нурджихан и спросил:

– Вот вы, например, не стали бы выходить замуж с помощью свахи, не так ли?

– Если мужчина приятный, то не важно, как с ним знакомиться, Осман-бей, – рассмеявшись, многозначительно ответила Нурджихан.

Мы все расхохотались, так как эти смелые слова прозвучали как шутка. Однако Мехмед густо покраснел и отвернулся.

– Ну вот! – вздохнула через некоторое время Сибель. – Испугали парня. Он решил, что над ним смеются.

В тот момент я не смотрел на танцующих. Но господин Орхан Памук, с которым мы встретились много лет спустя после описываемых событий, рассказал, что Фюсун успела потанцевать с двумя мужчинами. Первого ее партнера он не знал, но я понял, что им был Кенан из «Сат-Сата». Ну а вторым, как с гордостью признался Орхан-бей, стал он сам.

В это время Мехмед, не выдержав двусмысленного разговора и насмешки Нурджихан, встал и ушел из-за нашего стола. Наше веселье тут же улетучилось.

– Мы очень неприлично поступили, – забеспокоилась Сибель. – Обидели человека.

– Не смотри так на меня, – рассердилась Нурджихан. – Я сделала не больше, чем вы. Это вы выпили и все время смеетесь. А ему невесело.

– Если Кемаль приведет его обратно за стол, обещаешь хорошо с ним обращаться, Нурджихан? – почти упрасивала Сибель. – Я знаю, ты можешь сделать его счастливым. И он сделает счастливой тебя. Но ты должна вести себя помягче...

Нурджихан понравилось, что Сибель перед всеми сказала, что хочет сблизить их с Мехмедом. Однако стояла на своем:

– Нам же не жениться прямо сейчас. Он только познакомился со мной, мог бы вести себя повежливей.

– Знаете, почему наши девушки не умеют флиртовать? – спросил мой брат. На лице у него появилось умиротворенное выражение, которое появлялось всегда, когда он выпьет. – Потому что флиртовать у нас негде. Даже слова «флирт» нет в турецком языке.

– На твоём языке слово «флирт» означало водить меня до помолвки раз в неделю по субботам в кино на дневной сеанс, – уколола его Беррин. – К тому же ты носил с собой карманный приемник, чтобы раз в пять минут слушать результаты матчей «Фенербахче».

– На самом деле я носил с собой радио не для того, чтобы слушать матч, а чтобы произвести на тебя впечатление, – обиделся брат. – И горжусь тем, что у меня у первого в Стамбуле был транзистор.

Нурджихан, засмеявшись, сказала, что её мать гордится тем, что она первая в Турции пользуется миксером. Под аккомпанемент приятной музыки пятидесятых годов мы со смехом вспоминали, как в те годы стамбульские богачи начали привозить в Турцию бритвы, мясорубки, электроножи и прочие подобные неведомые приборы и готовы были довести себя до изнеможения, сражаясь с ними, только потому, что ни у кого другого не было диковинных приспособлений. Пока мы болтали, рядом с Нурджихан, за пустой стул Мехмеда, присел Заим и тут же присоединился к беседе. Не теряя времени, он уже через несколько минут шептал что-то смешное на ухо Нурджихан, а она все время хихикала.

– Что с твоей немецкой манекенщицей? – недовольно спросила его Сибель. – Её ты уже бросил?

– Инге и не была моей подругой. Она вернулась в Германию. – Заим и бровью не повел, не переставая смешить Нурджихан. – Мы просто работали, и я несколько раз возил её на званые вечера, чтобы она увидела ночной Стамбул.

– То есть вы были просто друзьями, – съязвила Сибель. Такие слова использовали в глянцевого журналов, которые в те годы только начинали появляться в Турции.

– Я сегодня её в кино видела, – сказала Беррин. – Она соблазнительно пила в рекламе лимонад. – Беррин повернулась к мужу. – Днём в парикмахерской отключилось электричество, и я пошла в Сите, посмотрела фильм с Софи Лорен и Жаном Габеном. – Потом опять повернулась к Заиму. – Реклама везде, а лимонад теперь пьют все подряд, не только дети. Поздравляю!

– Мы удачно время выбрали, – пожал плечами Заим. – Да и просто повезло.

Я увидел вопросительный взгляд Нурджихан и почувствовал, Заим ждёт, когда я представлю его, и поэтому поспешил пояснить, что это мой друг – владелец фирмы «Шекташ», которая выпускает недавно появившийся лимонад «Мельтем», и что недавно в Стамбул приезжала немецкая манекенщица Инге, снявшаяся в его рекламе, и теперь её портреты по всему городу.

– Вы уже пробовали наш лимонад? – поинтересовался Заим.

– Конечно. Особенно мне понравился клубничный, – ответила Нурджихан. – Таких вкусных лимонадов даже во Франции нет.

– Вы живёте во Франции? – удивился Заим и тут же пригласил всех нас на выходных посетить его фабрику, прокатиться на катере по Босфору и устроить пикник в Белградском лесу.

Весь стол смотрел на него и Нурджихан. Вскоре они пошли танцевать.

– Иди найди Мехмеда. Пусть спасёт её от Заима, – не унималась Сибель.

– Знать бы ещё, хочет ли Нурджихан, чтобы её спасали?

– Только ещё не хватало, чтобы моя подруга стала добычей этого недоделанного Казановы, у которого все мысли вертятся вокруг постели.

– Заим очень добрый и порядочный человек, просто он равнодушен к женщинам. А потом, почему Нурджихан не может иметь здесь интрижку, как во Франции? Разве жениться – обязательно?

– Французский мужчина не будет унижать женщину за то, что она отдалась ему до свадьбы, – расставила все по местам Сибель. – А тут ее начнут склонять. И, что самое главное, мне не хотелось бы обижать Мехмеда.

– Мне тоже. Но я не хочу, чтобы чужие заботы омрачали нам помолвку.

– Тебе совершенно не нравится устраивать счастье другого человека, – высказала Сибель. – Подумай лучше, что, если Нурджихан с Мехмедом поженятся? У нас же появятся лучшие друзья на всю жизнь!

– Не думаю, что сегодня вечером Мехмеду удастся увести Нурджихан от Заима. Он боится соперничать с другими мужчинами.

– Так поговори с ним, пусть будет посмелее. А я, даю слово, улажу все с Нурджихан. Иди же, приведи его. – Увидев, что я встаю, она нежно улыбнулась. – Ты такой красивый. Смотри не застревай у чужих столов, возвращайся скорей.

Я подумал, что, пока хожу, смогу увидеть Фюсун. Лица гостей казались мне хорошо знакомыми, словно я смотрел на фотографии семейного альбома, которые всегда тщательно расклеивала мать, но в то же время со странным замешательством не мог вспомнить, кто кому кем доводится – кто чей муж и кто чья сестра.

– Дорогой Кемаль, – вдруг произнесла приятная женщина средних лет, – ты помнишь, что, когда тебе было шесть лет, ты предложил мне стать твоей женой?

Я узнал ее, только когда увидел ее восемнадцатилетнюю дочь: «А-а, тетя Мераль! Ваша дочь – вылитая вы». Женщина оказалась младшей дочерью маминой старшей тетки. Она извинилась, что им придется пораньше уйти, так как у ее дочери завтра вступительный экзамен в университет, и, как я тут же подсчитал, у меня разница в возрасте с дочкой этой женщины ровно двенадцать лет, так что само собой вышло посмотреть туда, где сидела Фюсун. Но ее опять не оказалось ни на танцплощадке, ни за дальними столами, а может, я просто не разглядел: слишком уж много толпилось вокруг людей.

Через три секунды должна была появиться фотография, на которой заснят приятель моего отца, владелец страховой компании. От меня на том снимке предстояло отразиться только руке. Я потом раздобыл эту фотографию у одного коллекционера, собиравшего снимки приемов и свадеб в «Хилтоне», которые хранились у него в забитом хламом доме. На заднем ее плане запечатлелся банкир, который пожимал руку отцу, – приятель моего будущего тестя. Я с изумлением вспомню, что видел его в лондонском универмаге «Хэрродс» (я был там два раза), когда он в задумчивости выбирал себе темный костюм.

Я шел между столами, то и дело подсаживаясь сфотографироваться на память с гостями, и видел вокруг множество смуглых искусственных блондинок, довольных собой богатых мужчин, галстуков, часов, одинаковых туфель на каблуках и золотых браслетов, видел, что усы и бакенбарды у мужчин тоже почти одинаковые, что едва ли не со всеми этими людьми я знаком или нас связывает нечто общее, предвидел прекрасную жизнь, ожидавшую меня, и наслаждался бесподобной красотой летней ночи, в которой витал аромат мимозы. Мы расцеловались с турчанкой, впервые победившей на европейском конкурсе красоты, которая в сорок лет, после двух неудачных замужеств, полностью посвятила себя бедным, инвалидам и сиротам, а также сбору пожертвований для организации благотворительных балов и поэтому раз в два месяца бывала в конторе у отца. («Какая самоотверженность, сынок, – говорила мама, – она ведь получает проценты!») С вдовой, судовладелец-муж которой погиб во время семейной ссоры от выстрела в глаз, отчего она потом на всех семейных ужинах появлялась с заплаканными глазами, мы обсудили, как прекрасен вечер. С искренним уважением я пожал мягкую руку известного колумниста Джелеля Салика – в те дни самого любимого и уважаемого,

самого необычного и смелого колумниста Турции. За следующим столом сфотографировался с семейством покойного Джевдет-бея, одного из первых мусульман-предпринимателей в республиканском Стамбуле, – его сыновьями, дочерью и внуками<sup>9</sup>. За третьим столом, где сидели гости Сибель, принялся обсуждать конец сериала «Беглец», за действием которого в те дни следила вся Турция и завершающая серия которого намечалась на среду. (Главного героя, доктора Ричарда Кимбла, разыскивали за преступление, которого он не совершал, а он не мог доказать свою невиновность и вынужден был скрываться.)

В конце концов я дошел до бара, где в укромном уголке взгромоздился на стул рядом с Мехмедом и Тайфуном, нашим общим приятелем по Роберт-колледжу, и заказал себе стаканчик раки.

– О-о-о, все «женихи» сбежались сюда, – засмеялся Тайфун, увидев меня рядом.

Наши лица расплылись в ностальгической улыбке, вызванной не только встречей, но и приятными ассоциациями со словом «женихи». В последнем классе лицея, на «мерседесе» Тайфуна, который его отец давал ему ездить в школу, мы навевались в очень дорогой дом свиданий, расположенный в старинном особняке какого-то османского паши на окраинах Эмиргана, и проводили там время в объятиях одних и тех же нежных красоток. Мы были сильно привязаны к этим милым девушкам, что, конечно, хотели скрыть от них, и даже несколько раз катали их на машине, а они брали с нас денег гораздо меньше, чем со старых спекулянтов или пьяных дельцов, приходивших к ним по вечерам. Некогда очень красивая и дорогая дама легкого поведения, владевшая тем домом свиданий, всякий раз любезно беседовала с нами, будто мы встретились на балу в Большом клубе. Но, увидев нас – в школьной форме, в пиджаках и при галстуках, будто мы только что убежали с урока, она непременно хохотала и кричала своим девочкам, которые в ожидании клиентов в крохотных мини-юбках листали на диванах какой-нибудь комикс: «Девочки! Приехали ваши женихи из школы!»

Я заговорил о тех днях. Мне подумалось, счастливые воспоминания развеселят Мехмеда. Однажды после любовной зарядки мы заснули в теплой от весенних солнечных лучей, попадавших сквозь щели в ставнях, комнате и проспали первый урок после обеденного перерыва. Пожилой благонравный учитель географии, половину которой мы тоже пропустили, строго спросил: «Какая у вас уважительная причина?» – на что мы ответили: «Учили ботанику!» После этого выражение «учить ботанику» приобрело в нашей компании особый смысл. Ведь и у девушек в том доме, на фасаде которого значилось «Отель-ресторан „Полумесяц“», были «ботанические» имена: Цветок, Листик, Дафна, Роза.

Однажды мы поехали туда на ночь; и вот только мы с девочками удалились, приехал известный богач с немецкими партнерами, и девушек стуком в двери позвали вниз исполнить для иностранных гостей танец живота, нас тоже заставили спуститься. В качестве утешения нам позволили сесть в ресторане за свободный столик и издали наблюдать за происходящим. Мы с ностальгией вспоминали, как приятно было смотреть на их сверкающие, расшитые блестками костюмы и каким красивым казался их танец, который они танцевали не столько для чванливых немцев, сколько для нас, зная, что мы в них влюблены, и понимая: его мы будем помнить всю жизнь.

<sup>9</sup> Герои романа О. Памука «Джевдет-бей и сыновья».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.